

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. И. КАНТА»**

На правах рукописи

АНОХИНА Анастасия Андреевна

**ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ В НЕМЕЦКОЙ ПРОЗЕ
МИГРАНТОВ ИЗ БЫВШЕГО СССР (РУБЕЖ XX–XXI веков)**

10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(западноевропейская и американская)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
кандидат филологических наук,
доцент М.С. Потёмина

Калининград

2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. Творчество писателей-мигрантов в литературном и социокультурном поле Германии.....	20
1.1. Литература писателей-мигрантов как объект исследования межкультурного литературоведения.....	20
1.2. Внелитературный контекст немецкоязычной мигрантской прозы писателей-мигрантов.....	42
1.3. Генезис мигрантской литературы в Германии.....	56
Выводы.....	73
ГЛАВА 2. Межкультурный аспект немецкоязычной прозы мигрантов из бывшего СССР.....	75
2.1. Транскультурность как основная тема в мигрантской прозе в Германии.....	75
2.2. Оппозиция «свой» – «чужой» в мигрантской литературе.....	95
2.3. Репрезентация гибридной идентичности в произведениях немецкоязычных писателей-мигрантов.....	106
Выводы.....	115
ГЛАВА 3. Поэтика немецкоязычных романов писателей-мигрантов из бывшего СССР.....	117
3.1. Язык как основа транснационального мышления.....	117
3.2. Концепты гибридности в произведениях авторов мигрантской прозы.....	129
3.3. Память и нарратив в произведениях современных писателей- мигрантов.....	139
Выводы.....	149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	151
БИБЛИОГРАФИЯ.....	157
1. Научная литература.....	157

2. Художественная литература.....	182
3. Словари и энциклопедические издания.....	182
4. Список литературных источников.....	182

ВВЕДЕНИЕ

Литературное творчество писателей иностранного происхождения было отмечено в немецкоязычном обществе еще в 1950-х годах с первой волной рабочей иммиграции. Однако вплоть до 1980-х годов мигрантская литература была знакома лишь узкому кругу читателей, произведения писателей с мигрантским прошлым почти не публиковались (если не иметь в виду некоторые специализированные журналы, ориентированные на писателей-мигрантов и читателей, интересующихся соответствующей тематикой) и долгое время игнорировались литературной критикой. Лишь с конца 1980-х годов можно отметить появление рецензий на произведения немецких авторов иностранного происхождения, рост числа институтов, поддерживающих творчество писателей-мигрантов (например, Институт немецкого языка как иностранного при Мюнхенском университете), а также учреждение литературных премий, сыгравших значительную роль в процессе закрепления мигрантской прозы в литературном поле Германии. Самой престижной литературной премией, ориентированной на поддержку писателей с мигрантским прошлым, стала премия имени Адельберта фон Шамиссо, учрежденная фондом Роберта Боша в 1985 году.

Вышеперечисленные факты оказали серьезное влияние на переосмысление мигрантской литературы немецкоязычными читателями и литературными критиками. В настоящее время литература писателей с мигрантским прошлым занимает особое место в немецкоязычном культурном пространстве Германии, она широко представлена на немецком литературном рынке, оценивается литературными критиками как неотъемлемая часть литературного многообразия страны и воспринимается не только как «экзотика», но и как элемент обогащения немецкой литературы» [Askermann, 1996: 168-171]¹. Мигрантская литература стала объектом исследования не только литературоведения, но и многих других наук (например, социологии,

¹ Здесь и далее перевод с немецкого языка наш.

лингвистики, культурологии), что свидетельствует о ее актуальности и значительном междисциплинарном потенциале.

Однако, несмотря на достаточно длительный период изучения феномена творчества писателей-мигрантов, в современном отечественном и западном литературоведении существует ряд актуальных вопросов, требующих более глубокого научного рассмотрения. Так, основная проблема, с которой сталкивается современная германистика, связана с номинацией литературного творчества писателей-мигрантов. «Мигрантская литература», «межкультурная литература», «мультикультурная литература», «транскультурная литература» – это лишь некоторые названия, используемые современными литературоведами в исследованиях, посвященных художественным произведениям писателей-мигрантов. При этом актуальность поиска подходящего определения для литературы писателей с опытом миграции стала следствием проблемы обозначения места мигрантской литературы в литературном и культурном ландшафте страны: как произведений отдельной группы писателей, объединенной общей тематикой творчества и происхождением, либо как неотделимой части национальной немецкой литературы.

Многообразие названий мигрантской литературы, с одной стороны, доказывает отсутствие единообразия подходов к ее изучению, а с другой – подчеркивает изменчивость тех феноменов, с которыми приходится сталкиваться современным литературоведам: идентичность, культурная и языковая гибридность, самоопределение писателя между культурами, культурная память. Кроме того, разнообразие используемой терминологии зачастую становится причиной возникновения научных дискуссий относительно тематики произведений писателей-мигрантов.

Наиболее распространенными в германистике стали термины «литература мигрантов» (*Migrantenliteratur*) и «литература миграции» (*Migrationsliteratur*), которые были научно обоснованы Хайди Рёш. Первый термин исследовательница рассматривает исключительно в контексте

автобиографий писателей-мигрантов и часто связывает его с элементом документальности и/или наивного культурного трансфера. Второй термин – «литература миграции» – применяется независимо от происхождения и родного языка автора ко всем художественным произведениям, в которых затрагиваются такие темы, как опыт миграции, интеграции, межкультурного взаимодействия, расизма и этноцентризма в немецком обществе. [Rösch 2004: 91]. Под миграцией при этом понимается «миграция между системами, временами, культурами, религиями и континентами» – тем самым в первую очередь учитывается межкультурный компонент [Там же: 91]. Хайди Рёш исходит из того, что «литература миграции», которая предпочитает динамичные культурные концепты и комбинированные идентичности, а также использует мультиперспективные изобразительные приемы, может раскрыть межкультурный потенциал литературы особенно ярко. Под «мигрантской литературой» мы в контексте современной исследовательской парадигмы, вслед за Х. Рёш, М. Фредеркинг, Л. Люхтенберг, будем понимать корпус текстов, созданных «мигрантами или представителями национальных меньшинств», в которых затрагивается тематический комплекс «"миграция" (в широком смысле) и которые созданы на основе интеркультурных/или интерлингвальных контекстов» [Там же: 91].

В данной работе мы используем широко употребляемый немецкими и российскими литературоведами термин «мигрантская литература»² («Migrantenliteratur»), поскольку он позволяет рассматривать творчество писателей-мигрантов из бывшего СССР с точки зрения их билингвизма и биографии, подразумевающей мультикультурный фон создания произведений.

Восприятие творчества писателей иностранного происхождения в качестве объекта германистики началось с предисловий и послесловий к сборникам текстов авторов-мигрантов в конце 1970-х годов. Стоит отметить,

² В качестве синонимичных понятию «мигрантская литература» в работе используются понятия «литература авторов-мигрантов», «литература писателей-мигрантов».

что на начальном этапе интерес для ученых-литературоведов представляли немецкоязычные тексты, написанные за границей [Krusche 1985; Wierlacher 1994]. Впоследствии объектом межкультурного литературоведения стали также литературные тексты, «написанные иностранцами в Германии» [Bachmann-Medick 1996: 5].

Одну из первых попыток рассмотреть литературу писателей-мигрантов предприняла И. Амодео в работе «Родина называется Вавилон. К литературе иностранных авторов в ФРГ» [Amodeo 1996]. Автор подчеркивает периферийный характер мигрантской литературы, возникающей на границе взаимодействия культур, в связи с чем, по его мнению, произведения писателей-мигрантов становятся примером эксплицитной и имплицитной диалогичности их литературного выражения [Там же: 126]. Исследовательница указывает на связь творчества писателей-мигрантов с поиском собственной идентичности между двумя культурами.

Основные характеристики мигрантской литературы были выделены исследователем К. Хиллино, который рассматривает мигрантскую литературу как: 1) «проект межкультурной памяти», 2) диалогическое соединение языка как «чувственной передачи синхронности различного» (*Gleichzeitigkeit des Unterschiedlichen*), 3) «присутствие межкультурного собеседника в лице читателя... наряду с имплицитным читателем из своей собственной культуры» [Chiellino 2000: 395]. Ученый рассматривает политические, экономические и социальные условия формирования межкультурной литературы в Германии, а также особенности презентации писателей различных национальностей в литературном пространстве страны.

Идеи К. Хиллино развивает П. Торе в своей диссертации «Кто ты в этом городе, в этой стране, в этом новом мире» [Thore 2001]. Исследовательница делает попытку рассмотреть особенности изменения личной идентичности автора-мигранта на примере четырех романов представителей различных диаспор, опираясь, прежде всего, на модель социолога Л. Краппмана, раскрывающего в своих работах концепцию «баланса идентичности» [Там же:

61]. Проблема идентичности в литературе авторов-мигрантов в Германии рассматривается также в диссертации Б. Штраттхауза «Что называется межкультурной литературой?» [Stratthaus 2005]. Ученый исходит из понятия «культура» в постколониальном дискурсе и в этом контексте рассматривает вопрос обозначения межкультурной литературы в Германии. Б. Штраттхауз полагает, что в литературе писателей, в семье которых есть мигрантский опыт, сохраняются элементы родной культуры. Проблема идентичности писателей-мигрантов в ФРГ освещается также в научных трудах К. Бикманна [Bickmann 1999], Д. Бахманн-Медик [Bachmann-Medick 2006], К. Эссельборна [Esselborn 2009], Б. В. Манни [Manni 2014], М. Бехравеш [Behravesh 2017].

Особенности рефлексии и инсценировки культурных различий рассматриваются в работе М. Хофманна «Межкультурное литературоведение: введение» [Hofmann 2015]. Исследователь концептуализирует предмет изучения межкультурного литературоведения, делая широкий исторический обзор литературы двуязычных авторов в Германии на примере творчества таких современных писателей, как Рафик Шами, Герта Мюллер, Йоко Тавада, Илья Троянов. Определенную сложность в рецепции мигрантской литературы в Германии отмечает также Н. Истерхельд, поскольку, как считает исследовательница, такое определение мигрантской литературы предполагает, что многослойные тексты многоязычных авторов могут быть поняты исключительно читателями, которые также имели опыт смены языкового и культурного пространства [Isterheld 2017: 119]. Такой разрыв в культурном опыте может не только не преодолеть, но, напротив, углубить и закрепить в сознании публики «пропасть между мультикультурными авторами и монокультурным читателем» [Chiellino 2001: 11].

С 1990-х годов появляется достаточно большое количество работ, так или иначе затрагивающих тему межкультурного взаимодействия. Например, Б. Хогге рассматривает в своей монографии некоторые произведения Владимира Каминера, Лены Горелик и Наташи Водин в контексте противопоставления культурной идентичности и инаковости [Hogge 2012].

Поскольку в большинстве случаев в монографии анализируются тексты немецких писателей без мигрантского опыта, которые в своих произведениях обращаются к образу России, интерпретация произведений немецкоязычных авторов-мигрантов ограничена, в то время как процессы культурного трансфера остаются недостаточно изученными.

Особо следует отметить монографии Е. Хаусбахер, М. Казмирчака и А. Ваннера, в которых указывается на растущий вклад в немецкоязычную литературу авторов российского происхождения. Е. Хаусбахер в докторской диссертации «Поэтика миграции. Транснациональные способы письма в современной русской литературе» рассматривает произведения М. Палей, М. Рыбаковой, Ю. Киссиной, В. Каминера, И. Аристарховой и др. Основное внимание здесь уделяется тем авторам, которые продолжают писать для русскоязычной публики. В отличие от Б. Хоге, Е. Хаусбахер удается объединить интертекстуально-ориентированный нарративный аналитический подход и контекстуальный способ прочтения, который расширяет интерпретацию текстов идеолого-критическими теориями [Hausbacher 2009]. Автор диссертации на материале короткой прозы и эссе уделяет особое внимание гендерно-специфической семантике культурных процессов поиска идентичности. На примере «мифа о матери» отмечается превалирование фемининного кодирования русского национального дискурса. Диссертация Мадлен Казмирчак «Чужие женщины. К фигуре мигрантки из (пост)социалистических стран в современной немецкоязычной литературе» [Kazmierczak 2016] продолжает эту тему и в центр исследования ставит фигуру восточноевропейской мигрантки. Рассматривая пять прозаических произведений писательниц-мигранток, среди которых два романа – Алины Бронски и Ольги Грязновой, – автор диссертации исследует гендерную проблему в произведениях писателей различных национальностей, а также роль мигрантки в контексте традиционных и новых гендерных ролей.

Эстетический подход к анализу текста, характерный для Е. Хаусбахер (в частности, выделенные ею мультиперспективные повествовательные

стратегии, комплексные пространственно-временные модели и такие амбивалентные риторические фигуры, как ирония и гротеск), а также гендерно-ориентированный метод исследования применяет и Н. Истерхельд [Isterheld 2017]. В своей монографии, посвященной немецким писательницам из бывшего СССР, она изучает произведения в метадискурсивном аспекте, сравнивая литературную рецепцию этих произведений в России и Германии, а также рассматривая их в более широком культурологическом аспекте.

В отличие от Е. Хаусбахер ракурсе исследует тексты писателей-мигрантов из бывшего СССР в своей монографии А. Ваннер [Wanner 2011]. Он анализирует их произведения с точки зрения не столько культурного, сколько языкового трансфера (переход на французский – Андрей Макине, немецкий – Владимир Каминер, Лена Горелик, Алина Бронский и Владимир Вертлиб, иврит – Борис Зайдман и т.д.), отмечая некоторые параллели в биографии писателей, а также наличие в их произведениях ссылок на прошлое в России. Используемые в текстах писателей-мигрантов фрагменты, связанные с их жизнью до переезда в Германию, ученый рассматривает не как реальные, а как инсценируемые идентичности [Wanner 2011: 189], которые, скорее, ориентированы на предпочтения читателей и тренды литературного рынка. Ценность работы А. Ваннера заключается в том, что он отмечает тесную взаимосвязь между процессом создания художественного произведения и его рецепцией, которая характерна для авторов этой группы. Тем не менее у А. Ваннера обзор немецкоязычной литературы писателей из бывшего СССР играет периферийную роль. Это можно объяснить тем, что в последние годы группа этих писателей становится все многочисленнее.

Наряду с вышеназванными монографиями в Германии появился ряд научных работ, посвященных, прежде всего, произведениям Владимира Каминера и Владимира Вертлиба [Mehnert 2007; Ernst 2006; Kucher 2008; Teufel, Schmitz 2016]. Особо следует отметить работу Веертье Вилмс, в которой выделяются тематические и формальные особенности русско-

немецкой литературы (на примере романов Алины Бронски, Юлии Рабинович и Лены Горелик) [Willms 2012].

На современном этапе изучения произведений писателей-мигрантов важную роль играет метадискурсивный аспект мигрантской литературы. Несмотря на то что большинство рассматриваемых авторов с языковой и культурной точки зрения достаточно хорошо «интегрированы» в немецкоязычное литературное поле и в своих публичных выступлениях настаивают на том, чтобы их рассматривали как признанных немецких писателей без «мигрантского бонуса» [Isterheld 2017: 16], происхождение авторов постоянно выступает на первый план как в литературном творчестве, так и в контексте позиционирования того или иного писателя его издательством на литературном рынке. Современные авторы-мигранты часто обращаются к теме мигрантского прошлого для популяризации своего литературного творчества, используя волну интереса к мигрантской теме. Кроме того, многие писатели занимают активную социальную позицию, их жизнь и творчество часто освещаются в средствах массовой информации. Это становится способом привлечения внимания широкого читательского и зрительского интереса к личности самого писателя, отстаивающего определенные общественные идеи, такие, например, как преодоление национальных стереотипов, решение проблем ущемления прав женщин, адаптации мигрантов в социуме принимающей страны.

Поскольку немецкоязычные писатели – мигранты из бывшего СССР не могут быть однозначно причислены ни к немецкой, ни к русской культуре в своей самопрезентации, они, как отмечают исследователи, используют стратегию, которая основывается именно на различиях и амбивалентности, становящихся основной характеристикой их личного бренда. Дирк Уффельманн говорит в этом контексте о «двойной стратегии» из пары «ассимиляция vs. дифференция» [Uffelman 2009: 629], Адрианн Ваннер аналогично называет эту стратегию «*two-pronged strategy*» [Wanner 2011: 191]. Попытка преодолеть фиксированность на национальных границах при

рассмотрении литературы писателей-мигрантов предпринимается также в сборнике статей под редакцией Х. Шмитца «От национальной до межнациональной литературы. Транскультурная немецкоязычная литература и культура в эпоху глобальной миграции», в котором собраны результаты научных трудов многих исследователей в области мигрантской литературы в Германии [Schmitz 2009].

Большое значение биографии автора-мигранта в литературном ландшафте связано, по мнению Норы Истерхельд, с целенаправленно применяемой «маркетинговой стратегией» [Isterheld 2017: 155]. Наиболее распространенными модусами персонализации и инсценировки становятся упоминание экзотической биографии в анонсах книги, авторские фотографии, интервью, поэтологические высказывания и публичные чтения. Например, в публичных высказываниях и эссе В. Вертлиба часто подчеркивается его мигрантский опыт как фонд, из которого он черпает вдохновение и материал для своего художественного творчества. В. Каминер также перформативно привлекает внимание к своему ярко выраженному русскому акценту во время мероприятий и чтений, записанных на аудиопленки.

В то время как в зарубежном литературоведении научная база формируется в контексте отдельного направления межкультурной германистики, рассматривающего литературу писателей-мигрантов с точки зрения взаимодействия культур, в российском литературоведении имеется лишь небольшое количество научно-критических работ по тематике немецкоязычной мигрантской литературы.

Среди них научный интерес в рамках темы диалога культур представляют работы С.П. Толкачева [Толкачев 2002, 2003а, 2003б, 2011, 2013б]. Исследователь рассматривает межкультурные особенности английской литературы в рамках постколониального дискурса. В своей диссертации С.П. Толкачев рассматривает такие вопросы, как национальная и культурная идентичность писателей, их положение между «своим» и «чужим» [Толкачев 2003а]. Следует отметить также диссертацию Н.В. Боруруевой, в

которой предпринята успешная попытка разработки типологии моделей культурной идентичности в литературе культурного пограничья на примере современных франкоязычных писателей магрибинского происхождения [Боруруева 2015], и диссертацию А.С. Поршневой, посвященную жанру эмигрантского романа в немецкой литературе 1930-х – 1970-х годов [Поршнева 2017].

Важное место в отечественных исследованиях культурного и литературного русско-немецкого взаимодействия занимают работы А.В. Белобратова. В центре научного интереса исследователя в рамках темы немецкоязычной литературы миграции находятся вопросы языковой гибридности художественных произведений В. Вертлиба, О. Мартыновой, В. Каминера и др., а также восприятие мигрантской прозы в средствах массовой информации [Белобратов 2015а, 2015б]. Проблема межнациональных литературных взаимодействий находит отражение в работе Д.А. Чугунова, который исследует особенности формирования авторского сознания в условиях мультикультурной действительности [Чугунов 2015]. К вопросу отношений «я сам» и «другой» в рамках структуры постмодернистского персонажа немецкоязычной литературы обращается В.В. Котелевская [Котелевская 2015]. Творчество писателей-мигрантов из бывшего СССР (в том числе В. Каминера, Л. Горелик, О. Грязновой и А. Бронски), а также влияние их произведений на формирование образа России в современной немецкоязычной литературе рассматриваются в работах Е.В. Соколовой [Соколова 2018а, 2018б].

Большой интерес для нашего исследования представляет ряд литературоведческих статей, в которых анализируются вопросы самоидентификации авторов-мигрантов [Брейнингер 2014; Толкачев 2013б; Поршнева 2017], поиска собственной идентичности в положении «между» языками и культурами [Зусман 2013; Караваева 2009], поэтики литературного творчества этой группы писателей [Поршнева 2017; Елисеева 2015], особенностей их художественного мышления [Толкачев 2011; Чугунов 2006],

связи с культурно-историческим контекстом и биографией автора [Белобратов 2015а; Павлова 2015].

Вместе с тем, несмотря на вышеназванные и другие работы, тема мигрантской литературы изучена недостаточно полно. Дискуссионными остаются следующие вопросы: самоидентификация авторов, проблема поиска собственной идентичности в положении «между» языками и культурами, стратегии, модели, литературные приемы, характерные для этой группы писателей, особенности их художественного мышления, связь с культурно-историческим контекстом и биографией.

Актуальность темы данного диссертационного исследования продиктована возрастающим вниманием литературоведов к различным аспектам изучения современной немецкоязычной прозы писателей-мигрантов из бывшего СССР в Германии, а также отсутствием системного научного подхода к рассмотрению мигрантской литературы немецкоязычных писателей-мигрантов в Германии в отечественном и западном литературоведении вследствие многообразия и изменчивости этого феномена.

Объектом диссертационного исследования выступает современная немецкоязычная мигрантская проза немецких писателей-мигрантов из бывшего СССР конца XX – начала XXI века. **Предметом исследования** является художественное осмысление проблемы поиска идентичности в прозе современных писателей-мигрантов из бывшего СССР в Германии, пишущих свои произведения на немецком языке.

Цель диссертации – выявить особенности формирования межкультурной идентичности в немецкой прозе мигрантов из бывшего СССР в Германии и характер художественного осмысления этого процесса.

Достижение поставленной цели предопределило основные **задачи исследования:**

- рассмотреть генезис межкультурной литературы в Германии;
- выделить основные проблемы мигрантской литературы как объекта исследования межкультурного литературоведения;

- проанализировать литературное творчество писателей-мигрантов в метадискурсивном аспекте;
- рассмотреть основные темы произведений современных авторов-мигрантов из бывшего СССР;
- продемонстрировать особенности репрезентации гибридной идентичности в немецкоязычной прозе писателей из бывшего СССР в Германии;
- выявить языковые особенности произведений писателей-мигрантов;
- рассмотреть концепты гибридности в произведениях мигрантской прозы;
- проследить взаимопроникновение памяти и нарратива в немецкоязычной литературе писателей из бывшего СССР.

Для решения поставленных задач использовалась **комплексная методика анализа**, включающая культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный и историко-литературный методы.

Теоретическую базу исследования составляют труды зарубежных и отечественных ученых по общим и специальным вопросам истории и теории литературы [Бахтин 1975, 1986; Лотман 1970, 1992; Толкачев 2002, 2003а, 2010, 2013а], по теме феномена культурного взаимодействия в мигрантской литературе [Bhabha 1994; Brathwaite 1995; Белобратов 2015а; Толкачев 2002; 2003а, 2003б, 2007, 2011, 2013б], по теории межкультурной германистики [Hoffmann 2006, 2015; Rösch 1998, 2000; Waldenfels 2006; Drechsel 2000; Joachimstaler 2009; Wierlacher 2000, 2003; Gutjahr 2002а, 2002б], а также исследования проблем межкультурной литературы [Krappmann 1971, 1997, 2009; Schmitz 2009; Chiellino 2000; Michel 1992; Baumgärtel 1997], мигрантской прозы [Зусман 2013; Белобратов 2015а, 2015б; Соколова 2018а, 2018б; Котелевская 2015; Чугунов 2015; Арнольд 2016; Bulut 2016; Behravesch 2017; Поршнева 2017; Isterheld 2017; Hausbacher 2009].

Научная новизна диссертации определяется тем, что в ней впервые в отечественном литературоведении представлен комплексный анализ произведений современных немецкоязычных авторов-мигрантов из бывшего

СССР как отдельной группы писателей в Германии, обладающих общими чертами литературного творчества. Кроме того, важной особенностью данного исследования является применение междисциплинарного подхода, обусловленного тесной связью литературы авторов-мигрантов, самого феномена ее появления со многими социально-политическими, культурно-историческими факторами.

Материалом исследования стали 52 произведения писателей-мигрантов из бывшего СССР в Германии, пишущих на немецком языке³. Общими чертами писателей, чьи произведения послужили материалом данного исследования, являются личный опыт миграции (писатели переехали в ФРГ в разном возрасте, т.е. не родились в Германии и не представляют собой второе поколение мигрантов), общий родной язык – русский, а также общий язык опубликованных произведений – немецкий.

Теоретическая значимость диссертации обуславливается тем, что ее материалы и выводы позволяют обозначить современные тенденции развития новейшей мигрантской прозы писателей из бывшего СССР в Германии. Эти результаты можно, на наш взгляд, адаптировать для анализа типологически схожих произведений не только немецкоязычных писателей-мигрантов, но и писателей из других стран, пишущих свои произведения на немецком языке.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в вузовских курсах и учебных пособиях по современной литературе Германии. Отдельные части работы могут найти применение на семинарах по междисциплинарным курсам, включающим литературные и культурологические/социологические/политологические аспекты диалога культур. Практическая значимость заключается и в том, что работа знакомит русскоговорящего читателя с новейшими немецкими мигрантскими произведениями, а также может быть использована при подготовке их переводов на русский язык.

Основные положения, выносимые на защиту:

³ Список произведений см. в Библиографии.

1. Творчество авторов-мигрантов в Германии является важной частью немецкоязычного литературного ландшафта, в котором оно выступает как отражение политических, экономических, демографических процессов современного германского общества.

2. У современных писателей-мигрантов можно обнаружить сходные с авторами первого поколения миграции в Германии черты в общей тематике произведений, что выражается в отчетливом противопоставлении «своего» и «чужого», поиске героями собственной идентичности между двумя мирами. Однако существует и ряд явных различий: преодоление/создание стереотипов, идея мультикультурализма как способа адаптации, постепенное смещение культурного взаимодействия от центра к периферии.

3. Несмотря на ярко выраженную индивидуальность писателей мигрантов, в произведениях мигрантской прозы можно выделить общие черты поэтики: гетерогенность хронотопа, гибридность жанровых форм (соединение элементов автобиографии, семейного романа, исторического романа), обращение к стереотипам и клише, построенным на национально-культурных различиях, использование мотивов путешествия и памяти.

4. Рассматривая положение героев произведений мигрантской литературы как гибридное, то есть пограничное состояние между двумя различными культурами и языками, можно говорить о возникновении межкультурной идентичности писателей-мигрантов как о способе самоопределения, позволяющем приспосабливаться к чужой культуре, не забывая при этом родную. Поиск культурной идентичности отражается в трансформации понятия родины от «своего» к «чужому», а затем от «чужого» к положению «между культурами».

5. Память о родине является важнейшим элементом мигрантской прозы, поскольку часто становится основой нарратива. Авторы-мигранты предпочитают в своих произведениях форму повествования от первого лица, что позволяет не только отразить отдельные личные воспоминания героев, но и выстроить общую ретроспективу семейной памяти.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены на семинарах, проводимых в рамках курсов по истории зарубежной литературы XX в. и истории литературы Германии XX века для студентов бакалавриата направления «Лингвистика» (Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград), на семинарах аспирантов, проводившихся на базе Европейского университета Виадрины (г. Франкфурт-на-Одере, Германия) 1–30 июля 2016 года в рамках стипендиальной программы поддержки молодых ученых DAAD, а также в докладах на научных мероприятиях: международной научной конференции «Формирование образов России и русских в западных дискурсивных практиках XX–XXI веков» на базе Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, 19–21 апреля 2018 года), Всероссийской научной конференции «Современные языки в глобальном мире» на базе Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева (Самара, 17–27 марта 2017 года), XLVI Международной филологической конференции на базе Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, 13–22 марта 2017 года), Международной научно-практической конференции «Человек и общество в потоке времени и в пространстве слова, культуры» на базе Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград, 3 марта 2017 года), XI Международной школе аспирантов Института истории и филологии РГГУ (Москва), проведенной в Немецком литературном архиве (Германия, Марбах, 30 октября–6 ноября 2016 года), X Международной школе аспирантов «Новейшее немецкое литературоведение и компаративистика» Института истории и филологии РГГУ (Москва) на базе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, 25–28 ноября 2015 года), Международной научно-практической конференции «Иностранные языки и литература в международном образовательном пространстве» на базе Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

(Екатеринбург, 1 марта 2015 года), Международной научно-практической конференции «Социальные и гуманитарные технологии и коммуникации в XXI веке: теория и практика» на базе Балтийского федерального университета им. И. Канта (12 февраля 2015 года).

Результаты исследования отражены в 9 статьях автора, 4 из которых опубликованы в журналах, входящих в перечень рецензируемых изданий ВАК РФ.

Структура и объем диссертации определяются ее основными положениями, поставленными целями и задачами, намечающими внутреннюю логику исследовательского поиска. В соответствии с этим работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

ГЛАВА 1

ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ-МИГРАНТОВ В ЛИТЕРАТУРНОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПОЛЕ ГЕРМАНИИ

1.1. Литература писателей-мигрантов как объект исследования межкультурного литературоведения

В научной работе «Межкультурное литературоведение» М. Хоффманн обозначает сферу интересов данного направления современной германистики как наблюдение «межкультурных процессов, возникающих при столкновении немецкоязычных читателей с "иностранной" литературой» [Hoffmann 2006: 201]. Основой для зарождения направления межкультурного литературоведения стали научные исследования постколониальной литературы, начатые с 1980-х годов. Появление новых форм открытой гибридной межкультурной литературы послужило импульсом для переосмысления темы границ национальных литератур и рассмотрения творчества писателей-мигрантов в контексте нахождения между разными культурами, религиями, политическими системами и континентами.

Еще в 1988 году Рольф Энерт охарактеризовал литературу авторов-мигрантов как «литературу диалога, обмена, слияния, которая сама находится в странствовании» [Ehnert, Hopster 1988: 102]. Своим творчеством писатели-мигранты привлекают внимание к проблемам неравноправия в обществе, положения и адаптации мигрантов в чужом культурном пространстве. Мигрантская проза является уникальным примером смешения различных культурных элементов и взаимообогащения культур, что становится актуальным объектом исследования многих научных направлений в рамках темы диалога культур. «На протяжении прошлого столетия, – отмечает А.О. Чубарьян, – неуклонно возрастала значимость самого понятия "диалог", оно существенно трансформировалось, обогащаясь новыми смыслами, его

содержание – от первоначальной трактовки диалога как обмена информацией до сложного творческого процесса взаимодействия субъектов, носителей двух разных сознаний, разных систем ценностей, разных идейных позиций, в результате которого может возникнуть принципиально новый культурный феномен» [Чубарьян 2006: 5]. Рассматривать межкультурную литературу вне научной дискуссии о культурном диалоге, на наш взгляд, не продуктивно, поскольку ее истоком всегда выступает взаимодействие элементов различных культур.

Диалог культур строится, прежде всего, на сопоставлении культурных ценностей и взаимном уважительном отношении к системам ценностей других народов. Появление межкультурного диалога возможно лишь на границе взаимодействия двух культур. «Культура, – пишет М.М. Бахтин в статье «К эстетике слова», – вся расположена на границах, граница проходит повсюду» [Бахтин 1986: 25]. И далее исследователь замечает: «Каждый культурный акт существенно живет на границе: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [Там же: 266]. При этом существование диалога между двумя культурами возможно лишь при условии возникновения единой ментальности. То есть диалог культур – это взаимопроникновение систем ценностей, только в процессе их диалога возможно преодоление определенных стереотипов или межкультурных противоречий, проявление общечеловеческих культурных ценностей (см., например: [Зиновьев 2006]), а межкультурный диалог – одно из основных условий самосохранения человечества.

С. Артановский в своей работе «Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Философско-методологический анализ современных зарубежных концепций» подчеркнул особую важность понятия «единство» при рассмотрении взаимодействия культур. По мнению ученого, подобное единство нужно рассматривать не как метафизическое понимание

абсолютной тождественности, а как общность и целостность, при которых внутренние связи преобладают над внешними [Артановский 1967].

Н.В. Кокшаров в статье «Взаимодействие культур: диалог культур» отмечает: «Межкультурное общение складывается по мере предметных пересечений, выстраиваемых деятельностью языка» [Кокшаров 2006]. В.И. Кудашов определяет диалог как «переосмысление», исходя из теории семантического поля, проводя четкую границу между обменом монологами и самим диалогом; при этом ученый считает возможным диалог с участием одного субъекта и выделяет два вида диалогов: диалог-спор и диалог-согласие. Причем во второй ситуации, несмотря на схожесть точек зрения собеседников, они не повторяют мнения друг друга, а особо важные реплики воспринимаются ими и получают немного другой вектор развития [Кудашов 2003].

В западных научных концепциях культуры также рассматриваются не как закрытые гомогенные образования, «не полностью изолированные друг от друга» [Wierlacher 2003: 260] – речь идет о «взаимном влиянии различных, тоже антагонистских культур и субкультур» [Bachmann-Medick 2006: 198], из которого складываются культуры. «...Национальное самосознание и изгнание, – указывает американский исследователь Э. Саид, – это как господин и слуга из гегелевского сравнения, период взаимопроникающих, взаимообусловленных диалектических противоположностей» [Said 1993: 255]⁴.

Литература в межкультурном дискурсе подразумевает, с одной стороны, наличие пространства чужой культуры, с другой – присутствие в этом пространстве контекста родной культуры, что становится причиной переосмысления этих двух культур и возникновения нового, межкультурного пространства как территории взаимопонимания. Именно в рамках герменевтической идеи понимания чужого возникло литературоведческое направление, которое подчеркивает важную роль «литературы,

⁴ Здесь и далее перевод с английского языка наш.

способствующей пониманию своей собственной культуры через призму рассмотрения чужой» [Dörr 2009: 60].

В контексте изучения межкультурной литературы особо стоит отметить научные труды индийско-британского литературоведа Х. Бхабхи, который выдвинул тезис «гибридности культуры» (*kulturelle Hybridität*) относительно проблемы культурного взаимодействия в постколониальном пространстве [Bhabha 1994]. По мнению Х. Бхабхи, понятие «гибридность» часто занимает место между концептами «расколотость» («расщепленность») и «дублирование» («удвоение»), поскольку «колониальное присутствие всегда амбивалентно» [Bhabha 1994: 107]. Исследователь объясняет данный факт принципами гибридной мимикрии, которые он рассматривает на примере английской колониальной литературы.

Развивая идеи Х. Бхабхи, С.П. Толкачев отмечает, что гибридность культуры особенно отчетливо проявляется в творчестве авторов, пишущих не на родном языке, а использующих по разным причинам (политическим, эстетическим) язык страны, в которой они живут. В статье «Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература» С.П. Толкачев выделяет ряд концепций и понятий, которые способствуют осмыслению гибридности как основной концепции постколониальной литературы [Толкачев 2013б], применимой и к литературе писателей-мигрантов в Германии:

1. Концепция «включения кодов», которая подразумевает включение писателя-мигранта в иной культурный фон в качестве бесправного «чужого».

2. Явление «контактной зоны» [Pratt 1992: 6] как области «искривленного вследствие миграции и конфликта пространства». Этот термин понимается и как «пересечение образов предметов, разделенных ранее историческим периодом или географическим положением, в одном пространстве и времени» [Там же: 6-7].

3. Взаимное влияние культурных реалий разных стран, являющееся следствием колонизации и миграции. В качестве примера можно назвать

«черные диаспоры» в Америке, турецкие диаспоры в Германии. Данный феномен отмечает также С. Холл, говоря о том, что при тесном взаимодействии представители различных культур оказывают серьезное влияние друг на друга [Hall 1994].

Е.К. Братуэйт в рамках своего учения о креолизации Ямайки подчеркивает, что гибридность не подразумевает отказ от культурных традиций, а, скорее, демонстрирует развитие и взаимодействие национальных форм, традиций и историй [Brathwaite 1995], из чего следует, что гибридность – это чаще всего отход от первоначальных форм и традиций, причем полный переход возможен и при условии постепенности этого процесса и достаточного количества времени. Параметры и степень гибридизации национальных традиций изменяются в соответствии с внешними (политическими, экономическими, культурными) условиями. Результатом процесса гибридизации является взаимопринятие первоначальных и новых культурных форм, при этом их существование может быть независимым друг от друга.

Актуальной в контексте темы гибридности мигрантской прозы остается теория Х. Бхабхи о пространстве «между» (*In-between Space*), основывающаяся на положении мигрантов в прямом смысле «между» культурами [Bhabha 1994: 11]. С применением подобной транскультурной теории в качестве аналитического средства в литературоведении открывается возможность осветить основные элементы сходства и различия между культурами в современном мире. О. Ильясова-Моргер подчеркивает важное преимущество транскультурной теории как концепции, в рамках которой связующие элементы культур рассматриваются не в «третьем пространстве», а как часть целой изменчивой сети, где существуют различные и часто меняющиеся направления [Iljasowa-Morger 2009: 47]. В своем эссе исследовательница делает попытку выявить основные тенденции и элементы, которые чаще всего используются писателями с мигрантским прошлым. К

ним она относит общие темы творчества, а также «переходящие из одной культуры в другую культуры элементы, мотивы, формы и фигуры» [Там же].

Тема гибридности культур позволяет достаточно четко определить положение авторов-мигрантов в пространстве «между» культурами или в так называемом «промежуточном пространстве» (*interstitial space*) [Bhabha 1994: 2]. При этом нередко встречаются такие обозначения, как «третье пространство», «пространство "между"» [Brathwaite 1995]. Х. К. Бхабха указывает на амбивалентность и противоречивость «промежуточного пространства», в котором автор находит в себе черты принадлежности к каждому из миров и одновременно «не является полноценной частью ни одного из них» [Bhabha 2000: 56]. «Создавая свои произведения в рамках подобных "пограничных" зон, – отмечает С.П. Толкачев, развивая идею Х. К. Бхабхи, – писатели-мигранты подвергают анализу и сомнению неравные взаимоотношения между людьми, расами и языками» [Толкачев 2013а]. Произведения писателей-мигрантов, по тем или иным причинам поменявших место жительства и вынужденных пропускать через свое сознание элементы чужой иноязычной культуры, приобретают некие специфические признаки, которые ученый обозначает общим понятием «кросс-культурная литература» [Там же].

В «третьем пространстве» отношения элементов своего и чужого моделируются «не как мультикультурное взаимодействие, не как диалектическое посредничество, а как неразделимое взаимное проникновение центра и периферии» [Griem 1998: 220-221], то есть гибридизация рассматривается как гармоничный и целостный процесс взаимопроникновения культур, при котором элементы смешиваются, но не сливаются воедино. Подобное представление становится весомым аргументом в научных дискуссиях в силу специфичной транскультурной мировой ситуации и характерного для нее «стирания культурных и национальных различий» [Welsch 1992: 5 – 20].

Тем не менее некоторые ученые-литературоведы высказывают опасения в отношении наблюдаемого в настоящее время процесса гибридизации. Так, Х. Шмитц полагает, что признание «гибридности» современной межкультурной литературы как нового феномена может привести к повторению ситуации, возникшей в период национальной филологии в Германии, и намеренному игнорированию литературных и культурных «гибридных» особенностей произведений современных немецких писателей [Schmitz 2009: 12]. Также гибридность как основной признак межкультурной литературы не снимает проблему определения произведений писателей-мигрантов, а лишь подчеркивает парадокс невозможности точного обозначения феномена мигрантской литературы по причине его многообразия.

Подобная разносторонность подходов к творчеству писателей с мигрантским прошлым является доказательством того, что на сегодняшний день германистика еще не выработала общих концепций современной немецкой мигрантской литературы как самобытного идентичного элемента культуры с собственной поэтикой, а не «маргинальной» части существующей в Германии литературы, которая должна подстраиваться под национальный монокультурный канон, несмотря на то, что вносит достаточный вклад в обновление этой национальной литературы и расширяет ее границы в межкультурном аспекте, в том числе ввиду «обширных эстетических последствий» мигрантской литературы и в связи с вопросом «поэтики миграции» (см., например: [Bay 2006: 109]).

Литературоведами предпринимаются попытки разработать новые подходы к изучению мигрантской литературы с учетом актуальной глобальной ситуации. Особое внимание уделяется «аспекту перехода» [Blödnorn 2006: 134]. Он отражается в творчестве многих писателей-мигрантов, которые благодаря многостороннему изменению перспективы повествования и инновативному гибриднему языку в своих произведениях находят новую идентичность в положении «между» культурами [Там же: 134–147].

При этом следует отметить особую роль понятия «идентичность» не только в межкультурной германистике, но и во многих других науках (например, в социологии, культурологии, философии), что позволяет говорить об идентичности как одном из ключевых понятий современных гуманитарных исследований. С. Холл квалифицирует идентичность «как идею, которая не может рассматриваться в рамках старых теорий, но без них не может рассматриваться вообще» [Hall 1996: 2]. Как видно из приведенной цитаты, в межкультурной германистике наблюдается тенденция к пересмотру традиционных подходов в изучении этого вопроса.

Проблема идентичности была обозначена еще в античной философии, примером чему является классическая аналогия с Тесеевым кораблем, доски которого постепенно, в течение долгого времени полностью заменили на новые. При этом возникает философский вопрос: можно ли назвать корабль новым – или это все тот же корабль [Kozakai, Toshiaki 2006]. Британский исследователь Д. Парфит в рамках вышеупомянутого парадокса ставит вопрос: будет ли точная копия корабля, выполненная из старых досок, обладать той же идентичностью, что и оригинальный корабль? Этот пример показывает трудность в понимании идентичности как совокупности определенных элементов, поэтому многие ученые рассматривают межкультурную идентичность с точки зрения постоянного движения и изменчивости [Parfit 1971: 3 – 27].

Важный вклад в осмысление философского понятия идентичности внес немецкий философ Д. Хенрих, который предложил разделить философский и социально-психологический подходы к определению идентичности и ввел понятие «проблема идентичности» [Henrich 1979: 184], в том числе в рамках литературоведческих исследований. «Очевидно, – пишет Д. Хенрих, – что литература способна черпать многие свои темы из проблем идентичности. Сложность характеров, течение жизни сквозь конкурирующие проекты интеграции, конфликт несовместимых требований к идентичности – это,

безусловно, одно из тематических полей, в котором проявляется современная литература» [Там же: 166].

Внелитературное изучение проблемы идентичности нашло широкое распространение в рамках социологических и психологических исследований. В сфере интересов представителей этих научных направлений находятся вопросы личной идентичности индивидуума [Parfit 1971; Krappmann 1971], предпосылки и социальные условия формирования идентичности [Hall 1994; Henrich 1979; Krappmann 1995, 1997], проблема идентичности в рамках диалога культур [Schilling 1989; Bickmann 1999; Гронская 2013; Drechsel 2000; Krappmann 2009; Porsché 2011; Welsch 1990, 1992], межкультурная идентичность [Schilling 1989; Schoen 2000; Werbner 1997].

Британский социолог С. Холл выделяет три концепции идентичности:

- 1) как предмет просвещения (*the Enlightenment subject*);
- 2) как предмет социологии;
- 3) как предмет постмодерна [Hall 1994: 180 – 222].

В качестве предмета просвещения идентичность образует ядро личности индивидуума, которое остается неизменным на протяжении его жизни и благодаря которой он идентифицирует самого себя. Концепцию идентичности как социологического предмета исследования, по мнению С. Холла, необходимо воспринимать через призму относительности окружающего человека социума: идентичность субъекта формируется во взаимодействии с социальным миром и, «ориентируясь на коллективную идентичность, стабилизирует порядок в нем» [Там же: 183]. Концепция постмодернистской идентичности отходит от ее рассмотрения в контексте взаимодействия неизменного ядра и коллективной идентичности, а рассматривается, скорее, как «рассеянность, прерывность» [Laclau 1990: 38], что, с одной стороны, открывает субъекту новые возможности, а с другой – заставляет его пожизненно находиться в процессе построения идентичности.

Личная идентичность возникает – с постмодернистской точки зрения – как совокупность различных субтождеств, формирующихся в результате

взаимодействий индивида с другими индивидами в разных сферах жизни, таких как семья, работа и досуг, и может быть дополнена языковыми и культурными контекстами [Keupp 2008: 109-188]. В этом смысле идентичность воспринимается не тождественно, а, скорее, как стратегия, «акт идентификации» [Hall 1994: 183], который находится в зависимости от психических особенностей индивидуума. Х. Койпп называет этот процесс «ежедневной работой над идентичностью» [Keupp 2008: 100]. В связи с этим возникает интересный вопрос: является ли этот процесс формирования идентичности осознанным или происходит бессознательно?

М. Бехравеш полагает, что повествование является одним из важнейших аспектов, которые необходимо рассматривать в рамках исследования феномена идентичности. «Повествование как основная способность человека генерировать значения показывает себя не только как средство в процессе формирования идентичности, — отмечает М. Бехравеш, — но также как предпосылка так называемой "частичной идентичности" или "метаидентичности" [Behravesch 2017: 33]. Смена языка становится причиной серьезных нарративных изменений и открывает абсолютно новый подход к пониманию мигрантской литературы. Повествование как средство формирования смысла стало важным объектом новых областей исследования и зачастую основано на предположении, что «понимание субъектом себя происходит через рассказ о себе» [Celik 2005: 80]. Рассказ о себе может содержать многочисленные оценочные суждения и личные интерпретации, что, принимая во внимание синхронное и диахронное многообразие «миров рассказчика» [Kraus 1996: 173], доказывает его детерминированность контекстом и временем и может восприниматься как «ситуативный результат» [Keupp 2008: 104].

В исследовании «Литература и идентичность на чужбине. К литературе итальянских авторов в ФРГ» К. Хиллино указывает на релевантность поиска идентичности в мигрантской прозе, поскольку литературное творчество писателей-мигрантов в Германии тесно связано с поиском авторами

собственной идентичности в чужом культурном пространстве. При этом, как отмечает К. Хиллино, «решение проблемы идентичности могло бы стать концом этой литературы» [Chiellino 1989: 37]. По мнению Аль-Слаймана, авторы так и не находят собственную идентичность между двумя мирами – родиной и чужбиной [Al-Slaiman 2000: 236]. О. Гутъяр подчеркивает, что изменение восприятия «своего» и «чужого» на когнитивном и психологическом уровнях позволяет лучше понять природу формирования межкультурной идентичности. Исследовательница также указывает на то, что категория «чужого» воспринимается в сознании человека лишь относительно категории «своего». Трансформация «чужого» в «свое» происходит в психике человека только в процессе их взаимодействия и на основе различия [Gutjahr 2002a: 48].

Как подчеркивает Б. Баумгертель, «"чужое" представляется как повод, исходная точка и причина разногласий и контрастов идентичности мигранта» [Baumgärtel 1997: 53 – 54]. Чужбина становится причиной формирования новых способов поведения в различных коммуникативных ситуациях и дает возможность примерить на себя новые коммуникативные роли.

Несмотря на кажущуюся автономность процесса формирования личной идентичности, он невозможен без социального взаимодействия, поскольку каждый индивидуум является частью культуры, нации, социальной группы, семьи [Keupp 2008: 299]. Следствие плюрализации миров – значимость публичного признания индивидуальной идентичности, а в дифференцированном обществе, как отмечает М. Бехравеш, «это может стать причиной ее политизирования» [Behravesch: 35]. При этом конкретные интересы личности оказывают существенное влияние на идентификацию, что априори делает весь процесс формирования личной идентичности неоднозначным. С. Холл в этом контексте предпочитает термин «позиционирование субъекта» [Hall 1994: 30].

Политическая инструментализация идентичностей в рамках темы миграции обозначается термином «культурная идентичность». С точки зрения психологии «культурная идентичность» представляет собой некую гибкую

основу для интерпретации значений, а не жесткий «корсет идентичности» [Keupp 2008: 170]. Некоторые исследователи полагают, что для различных биографий «культурная идентичность» имеет разное значение; кроме того, при межкультурных контактах личная идентичность и культурная идентичность могут восприниматься как доступные опции для интерпретации (см., например: [Behraves: 69]), что, в свою очередь, доказывает гибкость процесса формирования межкультурной идентичности.

Х.Б. Бхабха в своей книге «Определение культуры» (*Verortung der Kultur*) указывает на тот факт, что большое количество групп мигрантов подвержено процессу «стирания» культурных и национальных границ, и это ярко выражается в их литературных произведениях. «Демография нового интернационализма, – пишет исследователь, – состоит из рассказов пост-колониальных мигрантов, представителей культурных и политических диаспор и притесненных аборигенов, а также мрачной прозы политических и экономических беженцев» [Bhabha 2000: 6 – 7]. Вследствие стирания границ – между странами, классами, национальностями – на современном этапе развития литературоведения невозможно воспринимать понятие идентичности индивидуума в традиционном определении. «Этот переход между двумя устойчивыми идентификациями, – отмечает Х.Б. Бхабха, – открывает возможность межкультурной гибридности. Наша непосредственная самопрезентация, наш общественный имидж проявляется через непостоянство, неодинаковость, принадлежность к меньшинствам» [Там же: 5 – 6].

Особый интерес в рамках дискуссии об идентичности представляет вопрос о «коллективной идентичности». Самосознание возникает в конкретном социальном пространстве и, следовательно, неизбежно пронизано многообразными коллективными ориентирами. Историческое сознание проистекает из человеческой потребности в нарративности, которая рассматривается как «фундаментальный принцип порядка человеческой деятельности» [Lucius-Noene 1998: 109]. По мнению Х.Ю. Панделя, только

повествование позволяет индивидууму «ориентироваться во времени... и найти ответы на вопросы о его происхождении и будущем» [Pandel 1991: 2]. Кроме того, самопозиционирование в обществе определяется отчасти тем, с какой конкретной исторической группой человек себя соотносит, и это позволяет выделить «региональные, локальные, этнические, национальные и супранациональные "коллективные" идентичности» [Kimminich 2003: 7], отражающие связь индивидуума с тем или иным коллективом людей [Mecheril 2003: 12].

В рамках изучения коллективной идентичности относительно мигрантской литературы особый интерес представляет диссертационное исследование немецкого литературоведа Г. Михеля. Ученый делает попытку рассмотрения проблемы идентичности на примере писателей с греческими корнями и предлагает поставить в основу рассмотрения данного вопроса в целом модель отношений между идентичностью собственного «Я» и коллективной идентичностью [Michel 1992]. При этом автор определяет язык как третье измерение – наряду со временем и пространством, – в котором оба измерения проявятся [Там же: 71]. Исследователь также указывает на элементы родной речи, привносимые авторами-мигрантами в свое творчество на другом языке, что приводит к перениманию нормативных типизаций, содержащихся в родном языке, и может иметь негативные последствия ввиду возможной «рефлексии на двухполярный мир "здесь и сейчас" и "там и тогда", что Г. Михель называет введенным им понятием «эллиптическое сознание» [Там же: 83].

В теории Г. Михеля открытым остается вопрос о разграничении понятий «коллективная идентичность» и «национальная идентичность», который пытается решить А. Виршке, рассматривая идентичность сквозь призму принадлежности писателя к определённой культуре и позиционирования себя как представителя родной культуры в рамках чужой, что, по мнению исследователя, должно проявляться в литературных текстах. А. Виршке вводит понятия «культурной» и «национальной» идентичности как

неотъемлемых частей самоидентификации индивидуума, что означает возможность перехода от норм и ценностей одной культуры к другой [Wierschke 1996: 14]. Однако некоторые ученые указывают на национальную обусловленность такого подхода как проявление культурного детерминизма (см., например: [Thore 2004: 59]) или пытаются уйти от подобного рода национальных маркеров. «Именно у литературы, – пишет Й. Тавадо, – есть шанс доказать, что абсолютно не ясно, что такое Европа и кто такие европейцы. И что также не нужно обладать подобного рода идентичностью, чтобы жить. Идентичность нужна, но она не должна быть национально обусловленной, это излишне. Литература может, например, показывать не клише, а более точные наблюдения и отдельных людей, тем самым избегая таких клише и упраздняя эту необходимость видимой идентичности. Именно поэтому в современной ситуации роль литературы становится все важнее» [Tawada 1998: 205].

Тем не менее поднятый в исследовании А. Виршке вопрос самоидентичности и «национальной идентичности» остается одним из важнейших вопросов мигрантской литературы. Б. Баумгертель считает, что в большинстве исследований, посвященных изучению творчества писателей-мигрантов, понятие самоидентификации рассматривается как процесс самопознания, который становится элементом социальной, культурной и национальной идентификации, а понятие «идентичности» систематизирует не только различные области проблематики, но и различные литературные модели эксплицитной и имплицитной самоидентификации [Baumgärtel 1997: 53 – 54].

Литературные произведения авторов-мигрантов дают основание для понимания идентичности мигрантов как нестабильной субстанции. Н.В. Боруруева на примере франкоязычных авторов магрибинского происхождения отмечает двухуровневый процесс построения идентичности у писателей культурного пограничья: сначала можно наблюдать выстраивание «модели идеальной культурной идентичности в мультинациональном

пространстве» [Боруруева: 196] и лишь через эту модель – «построение автором собственного писательского образа» [Там же]. По мнению исследовательницы, идентичность писателей остается в положении «между» культурами и выстраивается по определенной стратегии, цель которой – изменение мультикультурного общества в целом и литературного пространства этого общества в частности. Однако наряду со стратегией построения идентичности большую роль в этом процессе играют такие факторы, как сложность интеграции в новое культурное и языковое пространство, а также угасающие воспоминания о родной стране.

С. Холл сравнивает межкультурную идентичность авторов-мигрантов с двусторонней «игрой памяти и нарратива, которая также усложняется дискурсами из прошлого и культуры» [Hall 1994: 228]. Д.А. Чугунов обозначает «проблему прошлого в настоящем» в немецкой литературе конца XX века как одну из самых противоречивых в рамках исследования немецкой литературы постмодерна [Чугунов 2010]. Наряду с проблемой межкультурной идентичности, научные дискуссии на тему «категория памяти» и «коллективная память» остаются наиболее актуальными на современном этапе изучения мигрантской литературы. В центре научного интереса находятся такие вопросы, как влияние коллективной памяти на формирование литературного канона, ее функции в современном обществе (посредничество в передаче ценностей, формирование толерантного отношения к мигрантам, метадискурс), формы репрезентации коллективной памяти в литературных произведениях, ее роль в формировании межкультурной идентичности писателей с мигрантским прошлым.

В основе вопроса о связи воспоминаний с творчеством писателей-мигрантов стоит понимание того, как содержание памяти проявляется и тематизируется в литературных произведениях. В рамках этой темы исследователи различают литературное представление индивидуальных воспоминаний и репрезентацию «коллективной памяти» (см., например: [Erl, Nünning 2005: 4]). В немецкоязычном литературоведении выделяют также

общую концепцию памяти – «памяти литературы» («Gedächtnis der Literatur»), в которой рассматриваются диахронное развитие литературной системы и отношения между многими текстами, их связь с культурными контекстами и воспоминаниями, периодом их возникновения, и концепцию «памяти в литературе» («Gedächtnis in der Literatur»), которая концентрируется на изучении форм и структур отдельных произведений [Там же].

Несмотря на конструктивный характер научных дискуссий о коллективной памяти, явление коллективной идентичности подвергается серьезной критике со стороны некоторых исследователей. Список обсуждаемых вопросов достаточно широк: могут ли коллективы формировать, развивать, сохранять идентичность аналогично индивидуумам? каковы условия возникновения «коллективной идентичности» – коммуникация, личная идентичность каждого из участников группы? каковы критерии вхождения в ту или иную группу?

Стоит отметить, что термин «идентичность» часто подвергается критике по причине его излишней динамичности и, как следствие этого, сложности для научного анализа. Кроме того, процесс поиска в литературоведении точного понимания феномена идентичности оценивается многими учеными как дискуссия, «вышедшая из берегов» [Bluhm 1994: 17-38], – ввиду некоторой чрезмерности уделяемого ей внимания. В подобной ситуации сама дискуссия становится в некотором роде шаблоном восприятия проблемы, что лишь подтверждает сложность изучаемого понятия.

Интерес для научного изучения представляет также влияние друг на друга гендерных и этнических параметров, которые четко прослеживаются в творчестве женщин-писательниц с межкультурной идентичностью [Behravesch 2017: 29]. Яркими представительницами этой группы в немецкоязычном пространстве можно назвать, например, Алину Бронски и Ольгу Грязнову. Сами писательницы подчеркивают динамичность своей этнической и гендерной идентичности (см., например: [Allen, 1987: 151]).

Вопрос идентичности в контексте литературы писателей-мигрантов также неразрывно связан с проблемой языковой социализации мигрантов в принимающем обществе. М. М. Бахтин указывает, что любой представитель межкультурной идентичности диалогизирован в определенной мере, а соединившиеся в нем языки характеризуются как реплики диалога. «Это – спор языков, спор языковых стилей» [Бахтин 1975: 439]. По теории Л. Краппманна, особое влияние на формирование идентичности оказывает язык как важнейшее средство коммуникации, развивающее чувство принадлежности к определенной социальной группе [Krappmann 1971]. Миграция приводит к фактическому выходу из родного языкового сообщества и потере «коммуникативной безопасности», которая приобретается через языковую социализацию [Han 2000: 183-184].

В связи с неразрывной связью с процессом коммуникации язык оказывается составной частью культуры [Тер-Минасова 2000]. Культурный компонент, или социокультурный слой, является неотъемлемой частью языка. По мнению С.Г. Тер-Минасовой, важное свойство языка – его умение накапливать, хранить и исторически наследовать в своем семантическом пространстве культурные ценности – в грамматике, лексике, идиоматике, фольклоре, стилях и формах речи [Там же: 14]. Таким образом, язык – это знак принадлежности его носителей к определенному социуму; язык – это фактор этнической интеграции и одновременно основной дифференцирующий признак этноса, то есть язык оказывается еще и инструментом самосохранения этноса и обособления «своих» и «чужих» [Ионин 1996], что открывает новые перспективы для исследований в рамках взаимовлияния языка и идентичности.

К. Тим-Мабри различает понятия «идентичность языка» и «идентичность через язык» [Thim-Mabrey 2003: 1]. «Идентичность языка» рассматривается им в двух смыслах: с одной стороны, он понимает под этим отличие одного языка от других, с другой – принадлежность человека к определенному языку, то есть языковые отношения, которые охватывают как

самопонимание говорящего, так и понимание его другими людьми. «Идентичность через язык» К. Тим-Мабри анализирует в аспекте принадлежности ораторов к определенной группе на основе лингвистического критерия, то есть язык выступает в данном случае как инструмент вхождения в эту группу либо принадлежности к ней [Там же]. Подобный подход включает в себя лингвистические, психолингвистические, социолингвистические и языковые вопросы и демонстрирует междисциплинарность темы идентичности.

В лингвистике и культурологии язык, без сомнения, рассматривается как важная основа формирования идентичности. Язык не только интерпретирует реальную действительность, в нем также отражается образ и поведение человека, национальный характер, традиции и обычаи этноса, его система ценностей и мироощущение. Каждый язык имеет свои традиции и именно ему присущий собственный набор ассоциаций. Любой человек (в частности, писатель) при использовании языка обращается к «скрытому в данном конкретном языке ассоциативному контексту и в то же время, осознанно используя средства языка, меняет этот ассоциативный контекст» [Stratthaus 2005: 9]. Язык формирует языковую картину мира, менталитет, культуру и идеологию этносоциума, которые отражаются в его системе, что дает право рассматривать процесс формирования идентичности в рамках семиотических представлений о культуре ⁵.

Г. Д. Томахин отмечает, что некоторые единицы языковых картин мира людей разных национальностей часто не совпадают. Исследователь определяет их как национально-маркированные единицы и указывает, что это, прежде всего, лексика с национально-культурной семантикой – «реалии (названия присущих только данному народу предметов материальной и духовной культуры) и имена собственные (топонимы и антропонимы)» [Томахин 1999: 6]. И. Ракуза считает, что «писатели иностранного происхождения часто склонны к языковым экспериментам, гибридным жанрам, сложным (пост-

⁵ См. об этом: [Posner 2003: 39-72].

постмодерновым) манерам повествования, что создает впечатление двойной рефлексии» [Rakusa 2011: 50]. «Двойную рефлексию» исследователь определяет двойной идентичностью писателей, которые, а с одной стороны, находят-ся под давлением собственного самоопределения, с другой – «имеют право наслаждаться своей "инаковостью" [Там же]. Для обозначения перехода «к новому мироощущению», ориентированному на расширение «своего» посредством безусловного включения «другого» («и то, и это»), Е.В. Соколова использует термин «парадигма расширения сознания» [Соколова 2018а: 12].

Каждый писатель-мигрант сталкивается с языковой проблемой: того уровня немецкого языка, на котором изъясняются в повседневной жизни, часто недостаточно для выражения литературных форм, вследствие чего появляются новые формы языкового выражения, рассматриваемые в научных исследованиях под терминами «двуязычие»⁶ (см., например: [Верещагин 1969; Вайнрайх 1972, 1979; Winkler-Pöhler 1986; Гавранек 1972; Riehl 2009; Müller, Kupisch, Schmitz 2006]), «немецкий язык гастарбайтеров» (*Gastarbeiterdeutsch*) [Chiellino 1989: 89], «языковые миграции» (см., например: [Hein-Khatib 1998]). Б. Винклер-Полер (Winkler-Pöhler) указывает на то, что в билингвизме можно найти позитивные черты. Например, благодаря своему двуязычию авторы-иностранцы могут «по-новому оживить язык» [Winkler-Pöhler 1986: 54]. Мнение исследователя разделяет и литературовед К. Булут, отмечая роль родного языка авторов-мигрантов, из которого они могут перенимать метафоры и мифологемы. Ученый подчеркивает, что писатели-мигранты обладают возможностью через свой менталитет дополнить немецкий язык и внести в него новую жизненную силу [Bulut 2016].

Несмотря на в целом позитивную оценку влияния языка мигрантской прозы современных авторов на немецкую культуру учеными-литературоведами, существуют и противоположные точки зрения относительно вопроса обогащения языка авторами-мигрантами и общей

⁶ В данной работе термины «двуязычие», «билингвизм», «многоязычие», «мультилингвизм» используются в качестве синонимичных.

языковой компетенции писателей. Языковая игра, неологизмы и другие литературные формы в произведениях авторов-мигрантов часто расцениваются лингвистами как языковые ошибки. Так, У. Хинрихс в своей книге «Multi Kulti Deutsch» указывает на значительные изменения в строе и правописании немецкого языка, вызванные влиянием творчества писателей-мигрантов [Hinrichs 2013]. Исследователь также подчеркивает наличие в речи мигрантов грамматических нарушений, которые авторы часто используют в своих произведениях для создания с помощью речевой характеристики более реалистичного образа мигранта: буквализмы, нарушения падежных форм, упрощения. Язык мигрантов в Германии дает примеры ряда лингвистических понятий, таких как языковое упрощение, языковая интерференция или субстративность. Среди отечественных ученых эту проблему отмечает А.В. Белобратов, указывая на то, что существенное упрощение языка, сглаживание, клиширование – распространенные особенности мигрантской литературы [Белобратов 2015a].

На данный момент нельзя однозначно утверждать, в какой степени творчество писателей-мигрантов оказывает влияние на литературный немецкий язык. Однако большинство исследователей этой области склонны к позитивной оценке мигрантской прозы в языковом аспекте. Так, Ф. Бионди и Р. Шами подчеркивают более чуткое отношение авторов-мигрантов к немецкому языку по сравнению с писателями, для которых этот язык родной. «Многоязычные авторы, – отмечают исследователи, – всегда обладают тем особым вниманием к языку, которого в большинстве случаев не хватает другим авторам» [Biondi, Schami 1981: 125].

Многие литературные критики и журналисты соглашались с мнением литературоведов в том, что писатели-мигранты вносят большой вклад в культуру и язык Германии. «Литераторы-мигранты, – пишет М. Браун, – обогащают и обновляют немецкий язык. А это необходимо... Каждый автор, который закрепляется в чужом культурном пространстве, имеет собственное отношение к немецкому языку и обществу в Германии» [Braun 2011: 40]. В

своей статье «Немецкоязычная литература – пример успешной интеграции» М. Зулнер отмечает, что «современная немецкая литература – так же, как искусство и кино, – стала разнообразней благодаря мигрантам. Язык писателей-мигрантов иногда другой, на что влияет, возможно, мелодика их родного языка. Особенности языка писателей-мигрантов не сильно отличаются от языковых особенностей австрийских, швейцарских или баварских писателей или писателей из Рурской области... Многие авторы-мигранты смотрят на свою новую родину внимательнее и с большим чувством юмора, нежели писатели, для которых Германия является родиной» [Sulner 2010].

Особенность билингвизма, обусловленного миграцией, состоит в том, что, в отличие от последовательного билингвизма, он дополнен биографическими воспоминаниями и оба языка – как родной, так и язык принимающей страны – тесно связаны с вопросами принадлежности и идентификации. Многие писатели-мигранты, живущие и работающие в Германии, намеренно выбирают для своего творчества именно немецкий язык, а не язык родной страны, что Д.А. Чугунов обозначает «фиктивным двуязычием» [Чугунов 2015: 116]. Писатель К. Хиллино следующим образом объясняет выбор немецкого языка как языка для своих произведений: «Из-за внезапного решения писать на немецком писатель должен освободиться от необходимости принадлежать итальянскому языку. Немецкий язык был и есть для меня не только языком немцев и для немцев, но, скорее, «*lingua franca*», давшим мне возможность представить общественности мои будни иностранца в Германии» [Chiellino 1986: 14]. В. Каминер разделяет позицию К. Хиллино в вопросе выбора именно немецкого языка для своего литературного творчества. В одном из рассказов из сборника «Я волнуюсь, мама» («*Ich mache mir Sorgen, Mama*») он иронично замечает: «В отличие от моего родного языка, в немецком можно соединить все слова. Существительные с прилагательными и наоборот. Этот язык своего рода конструктор "Лего", в котором все части подходят друг к другу» [Kaminer 1994: 15].

Вышеприведенные примеры являются доказательством того, что каждый писатель, решивший адаптироваться в иноязычном пространстве принимающей страны, сталкивается с проблемой освоения чужого для себя языка и решает ее исходя из особенностей родного языка. Именно этот факт обуславливает наличие некоторых межкультурных особенностей прозы авторов-мигрантов, которые можно выявить при подробном литературном анализе.

Можно предположить, что важным элементом адаптации авторов с мигрантским прошлым к реалиям иноязычного пространства выступает освоение ими немецкого языка, который в последующем становится для них основным. Тема многоязычия отражается в их творчестве, поскольку и герои их произведений в первую очередь сталкиваются с проблемой освоения языка. В романе «Как солдат ремонтирует свой граммофон» югославского писателя С. Станишича, живущего сейчас в Лейпциге, есть фраза: «Он писал на немецком, потому что его немецкий сейчас лучше, чем его боснийский; потому что немецкий позволил ему прожить вторую жизнь» [Stanišić 2006: 25].

Швейцарский лингвист Г. Люди в своем исследовании, посвященном теме миграции в Швейцарии, отмечает наличие в речи мигрантов «следов идентичности» [Lüdi 2007: 42], к которым относит «определенные слова и выражения, акцент, ударение». Он также выделяет три уровня проявления идентичности: смысловой (определение предмета разговора, отображение стереотипов); дискурсивный (интерпретативный), формальный (выбор языка и стиля, использование регионализмов, форм косвенной речи) [Там же: 43]. То есть можно говорить о том, что индивидуальный биографический опыт может быть вписан в чужой языковой и культурно-специфический контекст, не растворившись в них. Это позволяет нам также предположить, что подобные «следы идентичности» могут проявляться не только в устной речи мигрантов, но и в их литературном творчестве.

Процессы поиска идентичности между двумя культурами и языками, формирование межкультурной идентичности, влияние «коллективной» или «национальной» памяти на личную идентичность писателя, роль языка в процессе адаптации в новой социальной среде – эти вопросы вызывают особый интерес в рамках научных дискуссий, посвященных теме мигрантской литературы. Контуры иноязычной культуры, органично вписанные авторами в свои литературные произведения, необходимо прочитывать не только как миметическую попытку мультикультурного писателя поместить свое творчество в рамки западной традиции, но, скорее, как литературный ответ, провозглашающий новый язык и альтернативный взгляд на мир.

1.2. Внелитературный контекст немецкоязычной мигрантской прозы писателей-мигрантов

Международные общественные, экономические, политические и демографические процессы последних десятилетий, происходящие и в Германии, стали причиной превращения ее из государства, принимающего мигрантов, в государство растущего этнического и культурного разнообразия. По данным Федеральной статистической службы Германии от 31.12.2017 года, в стране проживает 10,6 миллиона эмигрантов, имеющих гражданство другого государства [Statistisches Bundesamt]. К тому же, 18,6 миллиона человек в Германии имеют статус «населения с опытом эмиграции», обладая при этом гражданством ФРГ [Там же]. Журналист известной немецкой газеты «Ди вельт» («Die Welt») С. Плантахольт в статье «Почти каждый пятый в Германии имеет иностранные корни» объясняет этот факт следующим образом: «42 процента немцев с опытом миграции получили гражданство ФРГ с рождения. Как минимум один из их родителей – иностранец, который стал гражданином ФРГ либо получил статус "позднего переселенца", попав под действие "Закона о делах перемещённых лиц и беженцев", принятого в 1953 году. Остальные 33 процента сами являются "поздними переселенцами", из

которых более 25 процентов уже получили немецкое гражданство» [Plantholt 2017].

Благодаря совместным усилиям издательств и немецких литературоведов творчество писателей-мигрантов уже несколько десятилетий воспринимается как неотъемлемая часть литературного и культурного ландшафта страны (см., например: [Bavar 2004: 16]). С 1980-х годов можно наблюдать трансформацию научных дискуссий в рамках темы литературы писателей-мигрантов: подобный вид литературного творчества больше рассматривается не как «литература рабочей миграции», а как форма открытой гибридной межкультурной немецкоязычной литературы, ставшей предметом исследования межкультурной германистики, сформировавшейся в качестве научного течения под влиянием постколониальных научных филологических исследований. Перспективы межкультурного литературоведения обсуждались на научных съездах и конференциях во многих городах Европы, Азии и Америки. При этом подходы к изучению мигрантской литературы очень разнообразны: от восприятия ее как литературы «меньшинства» до серьезных рассуждений о новой форме постколониальной мировой литературы.

Феномен связи между внелитературной жизнью писателя и его творчеством был установлен еще в 1980-х годах. В 1989 году Клаус фон Шиллинг указал на необходимость разработать культурно-научную модель интерпретации текста, способную отобразить подобную особенность. Он исходит из того, что «в повествовательных текстах есть созданные рассказчиком роли, неотъемлемые элементы, которые указывают на общество и культуру в том смысле, что они аналогичны собственному "Я" также вне литературы, в обществе» [Schilling 1989: 147–148]. Анализ литературных текстов в этом случае позволяет провести непосредственную реконструкцию культурных отношений вне текста, «потому что культура сама состоит из проявлений, производимых субъектами в зависимости от их понимания правил процесса коммуникации» [Там же].

Практика культурных и общественных смещений с точки зрения истории человечества не нова. В дискуссиях о глобальных процессах и миграции ученые пытаются выявить основные механизмы протекания подобных процессов, найти первопричины их возникновения, а также предугадать их последствия для современного общества и искусства. Тем не менее большая часть научных и политических дискурсов посвящена теме «категоризации» и «национализации» современного мира, что обязывает проводить некоторые границы в определении главных критериев отбора. Основной фокус в определении терминологии в рамках данной темы лежит в детерминировании межкультурных и межнациональных обменов, что подразумевает взаимосвязь государственно-национальных особенностей со специфично-культурными. Подобное положение вещей становится причиной достаточно проблематичных последствий – таких, как например, популяризация стереотипов и иерархий, таких, как европоцентристские идеи. Кроме того, в исторических, этнологических и лингвистических исследованиях предметом изучения становятся чаще культурные и национальные различия, чем схожесть.

В рамках межкультурных исследований учеными рассматривается ряд важных вопросов: в чем заключается различие между культурами, и можно ли провести территориальные или географические границы их распространения? существуют ли различные идентичности в рамках одной культуры? являются ли культура и идентичность статическими и неизменяемыми особенностями жизни человека или общества? Творчество писателей-мигрантов основано на их личном опыте миграции, что вызывает среди литературоведов также вопрос о том, кто выступает в качестве рассказчика в произведениях мигрантской литературы: фиктивная фигура или сам автор. Эти и другие вопросы до сих пор остаются актуальными в рамках исследования творчества авторов-мигрантов.

Современные научные дебаты о семантическом поле «транскультурности/транснациональности» базируются на переосмыслении

понятий «культура» и «идентичность», в соответствии с которым межкультурное и межнациональное взаимодействие рассматривается, прежде всего, как часть повседневной жизни. Применение «процессуального и текучего» понимания культуры в анализе часто приводит к четкому, «чистому» культурному разграничению, чего, например, по мнению Мак Персона, не существует [McPherson 2007: 19]. Однако именно таким образом межкультурное проникновение легче объяснить с научной точки зрения. Например, причина маргинализации мигрантов лежит не в «другой» культуре, но касается внутриполитического интереса принимающей страны (см., например: [Цветков 2015]). Франк Шульце-Энглер в своем эссе следующим образом высказывается в отношении этой темы: «До тех пор, пока такие феномены, как расизм, недружелюбность по отношению к другим национальностям и культурная дискриминация, будут существовать в обществе, их устранение останется главной общественной задачей» [Schulze-Engler 2006: 45].

Разнообразие подходов к изучению мигрантской литературы свидетельствует о том, что традиционная германистика все еще находится в процессе перехода от восприятия литературы авторов-мигрантов в контексте их биографий к рассмотрению литературного творчества этих писателей через призму их неожиданного успеха в немецкоязычном культурном пространстве [Fischer, McGowan 1997; Howard 1997, Blioumi 2002]. В рамках этой темы обсуждаются вопросы актуальных дискурсов мигрантской литературы, ее роли в мировой глобализации, а также влияния на современную (популярную) культуру и литературу.

Еще в 1996 году И. Аккерманн отметил в своем исследовании «Чужие взгляды. Многокультурная литература в Германии» («Fremde Augenblicke. Mehrkulturelle Literatur in Deutschland»), что «восприятие этой литературы в последние десять лет получило новое измерение благодаря средствам массовой информации, публичным дискуссиям, выступлениям авторов внутри страны и за границей. Она нашла отклик» [Ackermann 1996: 168]. То есть

можно говорить о новом измерении изучения мигрантской прозы с точки зрения представления писателей в средствах массовой информации, а также о роли их произведений в культурном ландшафте страны.

В центре интересов исследователей и литературных критиков находится творчество представителей последних поколений писателей-мигрантов из бывшего СССР, например В. Каминера, Д. Динева, В. Вертлиба, которые отошли в своих произведениях от тематики потери родины, четко прослеживающейся у авторов первых поколений миграции, к «этнографической поэтике» [Ezli 2006: 68]. Речь идет о «различных перформативных индивидуальных историях, которые содержат в себе культурные смешения и потери, но больше не отражают их» [Там же: 72]. Именно в подобной неоднозначности кроется особенность современной мигрантской литературы в Германии: с одной стороны, можно говорить о поэтике миграции, с другой – также об «искаженной инсценировке культурных различий» [Bay 2006: 109], что в итоге открывает «новые и неожиданные перспективы» [Там же], в том числе для всей культуры в целом. Журналист одного из наиболее влиятельных немецкоязычных изданий «Шпигель» («Spiegel») Фолькер Вейдерманн ставит ряд вопросов по теме последствий влияния мигрантской литературы на культуру Германии в целом: «Так на что влияет литература иммигрантов в Германии, и что она делает особенного? Двусторонний взгляд, опыт миграции из одного языкового пространства в другое? Осознание того, что всегда есть еще одна история?» [Weidermann 2015]. По вопросу о роли литературы писателей-мигрантов в современном немецкоязычном обществе Х.-Л. Арнольд отмечает следующее: «В немецкоязычном пространстве межкультурные движения сегодня определяют литературные темы, формы творчества и поэтологические концепты» [Arnold 2006: 3]. Кроме того, некоторые российские ученые указывают на важную роль мигрантской литературы в формировании образа России в немецкоязычном пространстве (см., например: [Соколова 2018б, Чугунов 2004]).

Образ писателя-мигранта в Германии складывается из многих аспектов, немаловажную роль при этом играют литературные издательства, выбирающие ту или иную стратегию продвижения произведений мигрантской прозы. Игру издательств с читателем можно заметить и по тому, как подбираются названия для литературных новинок и оформляются обложки. Многие романы немецкоязычных писателей-мигрантов оформляются с использованием традиционных российско-советских сюжетов и символов, вызывающих определенные стереотипные представления у читателя. Как примеры можно привести сборник рассказов В. Каминера «Es gab keinen Sex im Sozialismus» («В социализме не было секса»), роман О. Грязновой «Der Russe ist einer, der Birken liebt» («Русский – тот, кто любит березы»), а также последняя книга В. Вертлиба «Lucia Binar und die russische Seele» («Люсия Бинар и русская душа»). Часто эффект экзотичности достигается благодаря использованию названий, которые ссылаются на внутринемецкие восточные дискурсы: например, роман А. Бронски «Die schärfsten Gerichte der tatarischen Küche» («Самые острые блюда татарской кухни») и роман В. Каминера «Meine kaukasische Schwiegermutter» («Моя кавказская теща»). Восток при этом ассоциируется у западного читателя, с одной стороны, с загадочной и романтической стороной света, с другой – с развивающимися странами Азии, Северо-Восточной Африкой и Юго-Восточной Европой, противопоставляемыми странам с западноевропейской культурой.

Интерес к теме мигрантской литературы подогревается не только литературными успехами писателей. Авторы-мигранты занимают очень активную позицию в современном немецкоязычном обществе: они выступают с литературными чтениями в университетах, школах, библиотеках и других культурных учреждениях страны, их работы благосклонно принимаются широкой общественностью и литературными критиками, что также подчеркивает важную роль мигрантской литературы для немецких издательств. По мнению руководителя Фонда Конрада Аденауэра Михаэля

Брауна, «межкультурная литература расширяет горизонты общества» [Braun 2010].

Писателям-мигрантам оказывается институциональная поддержка: проводятся различные литературные конкурсы, нацеленные исключительно на авторов с мигрантским прошлым. И здесь особо следует отметить престижную литературную премию имени Адельберта фон Шамиссо, сыгравшую важную роль в становлении мигрантской литературы в Германии. Цель данной премии, учрежденной по инициативе Гаральда Вейнриха, – поддержка писателей немемецкого происхождения, пишущих на немецком языке. Впервые она была присуждена в 1985 году Арасу Орену и Рафику Шами, впоследствии этой премией отмечалось творчество писателей-мигрантов более чем 20 национальностей, в том числе русскоязычных, среди которых Ольга Грязнова (2015), Нелля Веремей (2014), Ольга Мартынова (2011), Владимир Вертлиб (2001), Наташа Водин (1998).

Премия носит имя французско-немецкого писателя Луи-Шарль-Аделаида де Шамиссо де Бонкура, сына французских дворян, вынужденных эмигрировать из Франции в Германию во время Великой французской революции. Совсем юный Шамиссо был вынужден искать свое место между двумя странами, культурами и литературами, поэтому многие исследователи говорят о важной роли писателя, ставшего ярким примером иностранного эмигранта, живущего в чужой стране. Как указывает в своем исследовании Ариг Салех относительно литературного творчества Адельберта фон Шамиссо, «он нашел в немецком языке то, что не смог бы найти в наполеоновской Франции, реализовал это на своей новой родине» [Saleh 2011: 47]. Высказывания Шамиссо, описывающие его внутреннее состояние в период миграции, часто цитируются в научных и публицистических работах в рамках темы положения писателей-мигрантов между двумя различными культурами: «Я обосновался в своей стране, вечном мире правды, идей, поэзии. Стерлась перед моим взором так называемая действительность с ее

изменчивыми случайностями; нужда, вечность и внутренний мир теперь мое пристанище» [Chamisso 1842: 165].

Литературная премия имени Адельберта фон Шамиссо внесла огромный вклад в признание творчества писателей-мигрантов и открыла широкой общественности эстетические качества немецкоязычной межкультурной литературы в Германии. Основной целью премии было усиление роли мигрантской литературы как духовного посредника между различными народами и нациями. Последнее вручение премии состоялось в 2017 году по причине изменения отношения к мигрантской литературе не только среди ученых, литературных критиков, но и самих авторов. Уже в 2009 году в своей вступительной речи на симпозиуме в г. Марбахе знаменитый писатель с болгарскими корнями И. Троянов отметил: «Больше нет никакой "литературы Шамиссо" [Sander 2009: 17] в контексте усиления роли писателей-мигрантов в немецкоязычном обществе в целом. Самих писателей автор полусмешно называет «агентами жизненной мудрости и многоязычности, с помощью которых немецкоязычная литература выросла в "мировую литературу" [Там же], что подчеркивает многостороннюю включенность писателей в различные сферы жизни немецкоязычного общества за пределами литературного творчества.

Комментируя причины закрытия премии, руководитель Фонда Роберта Боша Ута-Микаэла Дюриг отметила, что «премия достигла поставленных перед ней целей. Вместо акцентирования внимания на биографии и происхождении авторов премия должна развивать взаимодействие людей, усиливать чувство "Мы-единства" в обществе. Многие авторы с мигрантским прошлым относятся уже ко второму поколению. Они выросли с немецким языком и сами воспринимают себя как немецкоязычные авторы. Их произведения являются само собой разумеющейся и неотъемлемой частью современной немецкой литературы» [Dürig 2017: 51–52]. Призеры премии имени Адельберта фон Шамиссо часто становятся победителями других

литературных премий, в том числе Немецкой книжной премии (Deutscher Bücherpreis) [Там же].

В самом фонде родилось еще одно обозначение творчества писателей-«иностранцев» – «литература Шамиссо», поставившее его в синонимичный ряд к таким понятиям, как «литература мигрантов», «литература извне», и подразумевающее творчество писателей-иностранцев, пишущих в Германии на не родном для них языке.

Благодаря крупным научным исследованиям, а также статьям в ведущих немецкоязычных изданиях интерес широкой публики к мигрантской литературе сильно вырос со времени первого поколения писателей. На данный момент можно говорить об успешной интеграции авторов в немецкоязычное пространство, что многократно подтверждается публикациями в средствах массовой информации и литературной критикой. Например, журналист М. Зулнер в своей статье «Немецкоязычная литература – пример успешной интеграции» отмечает: «То, что в остальном обществе протекает так тяжело и негладко, кажется, состоялось в современной литературе – интеграция» [Sulner 2010]. По данным автора статьи, трое из шести кандидатов, выдвигающихся на Немецкую литературную премию, родились не в Германии, что говорит о широком общественном восприятии мигрантской литературы как части современного национального литературного ландшафта.

Журналист Рихард Кеммерлингс в статье «Нас нужно принуждать слушать беженцев», написанной для влиятельного интернет-портала *www.welt.de*, называет мигрантскую литературу «мэйнстримом» и отмечает важную роль авторов в жизни общества: «Немецкоязычная литература уже давно обнаружила в себе иностранные корни, мигранты, переселенцы, беженцы уже много лет влияют на ее облик» [Kämmerlings 2016]. Ф. Вейдерманн в журнале «Шпигель» («Spiegel») указывает, что «авторы "не-немецкого" происхождения пишут лучшие книги немецкой современной литературы» [Weidermann 2015: 100]. При этом он задается вопросом о том,

что объединяет авторов-мигрантов, пишущих в немецкоязычном пространстве: «Они родом из Боснии, Болгарии, Грузии, Украины и из Турции, из Ирака или из Праги, немецкий не является их родным языком. Это язык их литературы. Они мигрировали в немецкую литературу. И они могли бы сегодня быть такой силой в немецкой литературе, каковой являлись евреи в Германии до 1933. Они могли бы быть такими же агрессивными и осознающими свою власть, как авторы "Группы 47"⁷. Но они не такие» [Там же].

Попытку найти общие черты в литературном творчестве писателей-мигрантов, поэтике произведений мигрантской прозы делает автор статьи в газете «Ди Вельт» («Die Welt») Клара Обермюллер. «Необычная биография, живая манера повествования и своеобразный язык – достаточно ли этого, чтобы объяснить успех литературы, чьи корни находятся вне Германии?» – задается вопросом автор и тут же дает свой ответ на поставленный вопрос: «Я считаю, что здесь имеет место смешение всех этих факторов, и особенно это захватывающее чувство, возникающее, если мир "с Дамаском в сердце и Германией перед глазами", как это называет Рафик Шами, пытается найти литературное выражение» [Obermüller 2012: 1]. При этом журналистка отмечает, что первые произведения писателей-мигрантов воспринимались как «экзотический бонус» и привлекали внимание читателей прежде всего своей новизной [Obermüller 2012: 1]. «Они (писатели) влияют на немецкоязычную литературную сцену так же, как влияют многие приезжие на общество, в которое мигрируют. Они отражают свою позицию, они участвуют в дебатах, и они требуют подтверждения своей принадлежности к стране, в которой они живут, со всей решительностью» [Там же]. Базисом успешной интеграции в принимающее общество, а также одним из важнейших критериев,

7 «Группа 47» (нем. Gruppe 47) — объединение немецкоязычных авторов, организованное немецким писателем Хансом Вернером Рихтером и активно действовавшее на протяжении двадцати лет (1947—1967). Известная литературная группа в немецкоязычных странах в период после Второй Мировой войны.

объединяющим всех авторов-мигрантов, является освоение ими немецкого языка.

Многие литературоведы указывают на умение авторов находить новую идентичность между культурами «благодаря смене перспективы и инновативному гибриднему языку» [Blödnorn 2006: 134–147]. «Значение писателей, для которых немецкий – не родной язык, – отмечает А. Камманн, – для немецкой литературы выросло в последнее время. В произведениях авторов-мигрантов отражается наш творчески запутанный, глобализированный мир. Конечно, есть различие – менять ли язык в детстве или в 40 лет... Какими бы разными ни были жизненные пути, новый язык оказывается у всех мощным средством творческого выражения. Дело в том, что именно здесь кроется, несмотря на все разговоры об интеграции, невероятное обогащение для литературы. Как и причина некоторой языковой гордости: после английского и французского немецкий язык проявил невероятную притягательность» [Cammann 2014: 45]. В. Шмитц также указывает на интерес к теме языковых особенностей мигрантской прозы: «Третий язык, который при этом возникает, – это самое интересное» [Schmitz 2009: 17]. Язык авторов-мигрантов стал одним из наиболее интересных феноменов периода расцвета популярной литературы в Германии в 1990-х годах, связанный с «попкультурным позиционированием» писателей-мигрантов (прежде всего, речь идет о сборнике коротких рассказов «Русская дискотека» («Russendisko») Владимира Каминера и роман «Канак шпрак»⁸ («Kanak Sprak») Феридуна Займоглу) (см., например: [Ernst 2006]).

Яркий пример позиционирования себя как автора-мигранта показывает известный писатель Владимир Каминер. Его сборник «Русская дискотека», опубликованный в 2000 году, снискал славу у широкого читателя. Чуть позднее, используя популярность книги, писатель стал организатором одноименной «Русской дискотеки» – ночного клуба в Берлине, ставшего

⁸ «Kanak sprach» (нем.) – немецкий жаргонизм, обозначающий речь турецких мигрантов в ФРГ.

популярным местом не только для русскоязычного населения столицы, но и коренных немцев. Словосочетание *русская дискотека* стало для берлинцев тождественным словосочетанию *русский Берлин* [Schütze 2004: 30]. Журналист газеты «Фрайтаг» («Freitag») Дмитрий Попов в статье «Новый русский» отмечает: «Владимир Каминер распространился в немецких средствах массовой информации со скоростью компьютерного вируса» [Роров 2002: 15]. С 2000 года автор публикует книги ежегодно, и на данный момент библиография Владимира Каминера насчитывает более 20 изданий. Писатель стал ведущим популярной берлинской радиостанции «Мульти-культи», основной тематической направленностью которой является жизнь «межкультурного» Берлина; неоднократно участвовал в различных телешоу, в том числе в одной из самых рейтинговых телепередач на немецкоязычном телевидении «Шоу Гаральда Шмидта» («Die Harald Schmidt Show»), также вел собственное утреннее шоу на канале ZDF, написал сценарий фильма «Русская дискотека», вышедшего в прокат в 2012 году. Среди поклонников В. Каминера даже появилось мнение, что «темная лошадка мутировала в поп-звезду» [Роров 2002: 15]. Несмотря на отдельные критические комментарии в отношении Владимира Каминера, имя и личность писателя стали частью успешного бренда, а сам он не ограничивается писательством и играет важную роль в популяризации русской культуры в Германии.

«Попкультурное позиционирование» как прием привлечения внимания публики к своему творчеству на волне популярности темы литературы мигрантов использует не только Владимир Каминер, но и многие другие писатели-мигранты. «Её должны звать Алина Бронски», – с этими словами в 2008 году издательство представило писательнице её псевдоним, под которым она должна была опубликовать свою первую книгу «Парк осколков». Сама писательница до сих пор часто отзывается об «Алине Бронски» в третьем лице: например, в интервью «По-настоящему солнечных дней у матерей было мало» («Richtig sonnige Zeiten gab es für Mütter selten») [Ebmeyer 2016: 23] она говорит о псевдониме как о бренде, который позволил, с одной стороны,

защитить ее семью от внимания общественности, а с другой – подчеркнуть русское происхождение: «Мой псевдоним должен был звучать красиво. И он должен был дать понять, что я писательница с мигрантским опытом» [Schmidt 2010: 15].

Творчество Алины Бронски рассматривается читателями, критиками и литературоведами в контексте «сложных тем», раскрываемых с точки зрения сильной женщины. Её первые произведения всегда тематически «связаны с русскими мигрантами или выходцами из бывшего СССР» [Ebmeier 2016: 23]. Авторы-мигранты часто позиционируют себя как представителей определенной группы, отмечая в своих интервью важные аспекты существования своего сообщества. Будучи многодетной матерью, Алина Бронски часто поднимает в своих интервью тему защиты прав женщин и матерей в Германии. «По-настоящему солнечных дней у матерей немного. Мы говорим только о том, что в нашем, в общем-то, свободном от предрассудков обществе появились регрессивные тенденции. Матерей подавляют, и это лишь обостряется последние десять лет» [Ebmeier 2016: 23]. Тема положения матери в современном немецком обществе отражена и в литературном творчестве А. Бронски: совместно со своей коллегой Аннет Вилк она опубликовала в 2016 году книгу «Abschaffung der Mutter» («Упразднение матери»), где авторы попытались осветить все проблемы материнства в современной Германии, а также семейные ценности, которые, по их мнению, переживают кризис в сегодняшнем западноевропейском обществе. На вопрос одного из своих читателей: «Вы же не считаете себя феминисткой?» – писательница дала серьезный ответ: «Конечно, считаю, если рассматривать феминизм как движение и образ мыслей, который защищает права жизни. То, что мы критикуем, – это феминизм, который ставится в кавычки, потому что он враждебен по отношению к женскому и материнскому началу» [Ebmeier 2016: 23].

Писательница Лена Горелик, как и ее коллега Алина Бронски, активно использует средства массовой информации в качестве способа привлечения

внимания широкого читателя к собственным произведениям, позиционируя себя как представительницу еврейской диаспоры. Писательница открыто и смело представляет свои убеждения и по многим темам, не связанным с литературой. Например, очень долгое время Л. Горелик вела специальную колонку о жизни мигрантов в Германии в известном немецком журнале «Зюддойче цайтунг» («Die Süddeutsche Zeitung»), освещающая в ней вопросы политики, культуры и образования в России периода 1990-х годов и современности. Кроме того, Лена Горелик длительный период была автором автобиографичной рубрики в еженедельнике «Юдише альгемайне» («Jüdische Allgemeine»), тематика которой – жизнь русскоязычных евреев в Германии⁹.

Популяризация произведений авторов-мигрантов через средства массовой информации становится новым феноменом интермедиальности как механизма межкультурной диффузии. Пристальное внимание исследователи уделяют текстам авторов-мигрантов. При этом важную роль в изучении данного вопроса играют также внелитературные аспекты, обусловленные социальным и политическим контекстом, часто выступающим как литературный мотив либо намеренно выбранная стратегия литературного творчества авторов.

Интерес к литературным произведениям авторов-мигрантов тесно связан с различными внешними факторами: представлением в средствах массовой информации, стратегией издательства, определенным ожиданием читателей. О. Брейнингер подчеркивает, что, несмотря на присутствие существования в мигрантской прозе этнических категорий, очевидной является «необходимость провозглашать этническую самодетерминацию отчасти избыточной» [Брейнингер 2014: 255]. С одной стороны, писатели пытаются преодолеть стереотипы, связанные с жизнью мигрантов в Германии, и уйти от этнических категорий, с другой – их тексты приводят к нежелательному усилению роли национальных клише: «И хотя они намерены

⁹ С 2006 года рубрика называлась «Ежедневник Лены Горелик» – «Lena Goreliks Tagebuch»; с 2009 стала выходить в несколько измененном формате под названием «Мир Лены» – «Lenas Welt».

нарисовать аутентичную картину мира мигрантов, в итоге зачастую возникают те самые образы, которых писатели хотели бы избежать» [Брейнингер 2014: 256]. В этом контексте важно отметить, что творчество авторов-мигрантов рассматривается читателями не только как бренд, цель которого – зарабатывать денег. Оно воспринимается и как медиаплощадка, которая, с одной стороны, позволяет привлечь внимание широкой общественности к социально важным темам, связанным с жизнью мигрантов в чужом культурном и языковом пространстве, а с другой – оказывает серьезное влияние на формирование образов мигрантского сообщества и принимающей страны в целом.

1.3. Генезис мигрантской литературы в Германии

Германия всегда была мультикультурной страной, на чьей территории проживали представители многочисленных диаспор: польской, литовской, мазурской, французской, датской. Следствием этого стало создание здесь многих значимых произведений различных национальных литератур. Географически близкое расположение поселений, характерных для Европы, и традиционное приграничное взаимодействие жителей разных стран часто становилось причиной желания писателей пограничных регионов поднять тему «жизнь с другими» в своих литературных произведениях [Hartmann 2002: 197-214].

По мнению Ю. Йоахимсталера, первым шагом к формированию «межкультурной литературы» стало соприкосновение культур не в философском или культурологическом смысле, а на уровне физического пересечения границ: «Раньше культуры существовали как географически четко разделенные друг от друга блоки, которые начали ... взаимодействовать, когда человек (в данном случае речь идет именно о мигранте) впервые нарушил географические границы» [Joachimstaler 2009: 21]. Исследователь указывает и на то, что в основе понятия «межкультурная

литература» в современном литературоведении лежат идеи «смешения», ассимиляции, притяжения и отторжения другой культуры, культурного обмена и гибридности [Там же], и в научных кругах это часто воспринимается как «вызов концепту гомогенной национальной литературы» [Там же: 8].

История литературы, созданной авторами, для которых немецкий язык не является родным, имеет глубокие корни. В связи с особым вниманием научного сообщества, литературной критики и общественности к современным произведениям писателей с мигрантскими корнями может сложиться впечатление, что немецкая межкультурная литература возникла в послевоенное время и появилась в Германии с первыми волнами рабочей миграции. Исторически более ранние тексты, затрагивающие тему межкультурного взаимодействия, часто рассматриваются специалистами вне контекста межкультурной литературы либо «как её предтеча» [Joachimstaler 2009: 21]. В то же время М. Хоффманн отмечает, что такие выдающиеся литературные памятники, как, например, «Западно-восточный диван» И.В. Гёте или немецкая колониальная литература эпохи правления Вильгельма II (вильгельмовской эры), безусловно, должны учитываться в контексте диахронического развития литературного процесса, поскольку «их исключение из этого ряда может привести к одностороннему рассмотрению феномена межкультурной литературы и игнорированию важных аспектов ее становления в Германии» [Hoffmann 2006: 7].

Взаимодействие культур и рефлексия культурных различий в Германии еще в XVIII и XIX веках поставили такие категории, как «идентичность», «гибридность», а также оппозицию концептов «свой» – «чужой», в центр интересов индивидуума, принадлежащего к национальному меньшинству, следствием чего стало закрепление межкультурной литературы в культурном ландшафте страны. Именно с XIX века можно говорить не просто о литературе с межкультурным контекстом, но о межкультурной литературе в актуальном для нас смысле слова.

Несмотря на многочисленность исконно проживающих на территории Германии народностей и существование уже в то время межкультурной литературы, приблизительно с 1878 года в государстве наблюдается укрепление национальной идентичности, что оказывает сильное воздействие на восприятие обществом «ненемецкой литературы»: «произведения иностранных авторов зачастую были изъяты из публичных библиотек» [Penkert 1933: 495]. При этом понятие «ненемецкий» (*undeutsch*) впервые появляется в контексте обозначения представителями немецкой знати крестьянского прибалтийского населения, преимущественно латышей (см., например: [Lenz 2004:167–184]). Вследствие усиления национальных настроений значение понятия «ненемецкий» расширилось и стало распространяться на все, что «в негативном смысле противопоставлялось политически окрашенному слову *немецкий*, позднее отраженному в расистском обозначении "Deutschtum" (принадлежность к немецкой нации – А.А.)» [Joachimstaler 1996: 37-72].

Несмотря на то что в период с 1919 по 1945 года на территории Германского государства иностранными авторами были написаны многие значительные произведения [Hartmann 2002: 197-214], эпоха нацистской пропаганды остановила развитие межкультурной литературы в стране, с чем, вероятно, связано ложное определение момента зарождения этой литературы лишь после Второй мировой войны. Но даже в этот период «идея гомогенной нации встречала сопротивление в контексте политических и экономических событий в стране» [Gutjahr 2002b: 353].

Литературный феномен, обозначенный в современном немецкоязычном пространстве как «межкультурная литература», имеет глубокие исторические предпосылки, поскольку неотъемлемо связан с темой межкультурной коммуникации на территории Германии. На современном этапе научных исследований под «межкультурной литературой» понимается «литературное творчество авторов с опытом миграции, а также писателей с мигрантскими корнями, родившихся в Германии» [Chiellino 2000: 61]. Несмотря на

достаточно длительный период изучения мигрантской литературы в этой стране, творчество писателей-мигрантов до сих пор является важным объектом научных дискуссий в рамках межкультурного литературоведения. Это связано, прежде всего, с многогранностью подходов в изучении произведений мигрантской прозы. Для понимания феномена творчества писателей-мигрантов как объекта исследования отдельного научного направления необходимо рассмотреть исторический аспект межкультурной литературы, а также этапы ее развития в контексте политических и общественных условий ее формирования.

Первый этап массовой миграции в Германию продолжался с 1955 по 1973 год и получил неофициальное название «период гастарбайтеров», так как всех иностранных рабочих в Германии называли в это время «гастарбайтерами» (*Gastarbeiter*) [Yano 2000: 2]. Динамичное развитие экономики Германии после Второй мировой войны в 1950-х годах остро поставило вопрос нехватки рабочей силы, в связи с чем руководство страны заключило взаимовыгодные соглашения с целью привлечения в немецкую экономику иностранных рабочих из ряда стран: Италии (1955), Греции (1960), Испании (1960), Турции (1961), Марокко (1963), Португалии (1964), Туниса (1965) и Югославии (1968). Менее чем за два десятилетия в ФРГ прибыло около 5,1 миллиона рабочих, «которые стали оказывать колоссальное влияние на культурную, социальную и политическую жизнь страны» [Там же: 5]. Сложившаяся общественная ситуация обострила мигрантский вопрос и вызвала критику со стороны коренного населения. В 1973 году общественное напряжение стало причиной массовой забастовки турецких рабочих на заводе «Форд» в г. Кёльне, что стало началом волны недовольства со стороны рабочих-мигрантов на более чем 80 фабриках по всей стране. Принятое правительством решение приостановить прием иностранных рабочих в ноябре 1973 года обозначило окончание первого этапа массовой миграции в страну.

В подобных сложных социальных условиях в Германии зародилась мигрантская литература, которая «вплоть до конца 1970-х годов оставалась

незамеченной на немецкоязычной литературной сцене» [Reeg 1998: 11]. Творчество писателей-мигрантов рассматривалось как нишевый феномен и получило название «литература гастарбайтеров» (*Gastarbeiterliteratur*) [Rösch 1998: 1]. Попутно заметим, что впервые понятие «литература гастарбайтеров» ввели Франко Бионди и Рафик Шами в манифесте 1978 года [Biondi, Schami 1981: 136-150]. Затем это понятие использовали в своих работах Анна Пикарди-Монтесардо [Picardi-Montesardo 1985] и Зигрид Люхтенберг [Luchtenberg 1986: 37-52] и чуть позднее – Хорст Хамм в своей докторской диссертации [Hamm 1988]. Хайди Рёш подчеркивает иронический характер термина «литература гастарбайтеров», который Ф. Бионди и Р. Шами использовали для привлечения внимания научного сообщества к вопросам дискриминации литературного творчества писателей-мигрантов [Rösch 1992]. Несмотря на это, понятие «литература гастарбайтеров» надолго закрепилось не только в литературоведении, но и в средствах массовой информации. С одной стороны, данное обозначение намекает на низкое качество произведений авторов-мигрантов, с другой – именно это название стало одной из причин «особого внимания широкой читательской публики и научного сообщества к проблемам рабочих-мигрантов и их социальной интеграции» [Rösch 1992: 25].

Большую часть публикуемых литературных произведений писателей-мигрантов в период с 1955 по 1973 год составляли стихотворения, письма, романы и рассказы мигрантов итальянской диаспоры (см. подробнее: [Reeg 1988: 14]), например Франко Бионди (Franco Biondi) и Карминно Хиллино. Впоследствии оба автора стали активно заниматься вопросами литературы миграции. Наряду с писателями итальянского происхождения в литературном пространстве Германии были представлены писатели из Турции, среди которых наиболее известным стал Юкзел Пацарска, основатель издательства «Апарат» и ответственный редактор литературного журнала «Анадил» («Anadil»). Также в литературном немецкоязычном пространстве того периода были писатели-мигранты, представлявшие арабскую диаспору. Среди самых

известных авторов арабского происхождения стоит упомянуть Рафика Шами, обладателя многих литературных премий (в том числе национальных, а также премии Адельберта Шамиссо 1985 года) и Сулеймана Тауфика, известного писателя, переводчика и редактора литературных текстов арабских писателей, живущих в Германии, номинанта европейской радио- и телевизионной премии CIVIS в 2015 году.

«Литература гастарбайтеров» обладала некоторыми общими характерными чертами, относящимися, прежде всего, к языку произведений. Речь в данном случае идет о литературе, написанной авторами-иностранцами на своем родном языке либо переведенной на немецкий язык профессиональными переводчиками, поскольку «писатели первого поколения миграции практически не владели немецким языком» [Stratthaus 2005: 28]. Также важной особенностью является общая тематика произведений. Эта черта впоследствии станет характерной для всех поколений писателей-мигрантов. Кроме того, говоря о первом поколении «литературы гастарбайтеров», специалисты отмечают в качестве лейтмотива их творчества «чувство покинутости и одиночества» [Chiellino 1989: 37].

Писатели первого поколения миграции сыграли важную роль в становлении и распространении мигрантской литературы: своим творчеством авторы, прежде всего, привлекли внимание читательской публики к проблемам мигрантов в Германии, что создало острую необходимость обозначения феномена творчества писателей-мигрантов в межкультурном литературоведении.

Целью второго этапа миграции в ФРГ (1973 – 1979 годы) была обозначена консолидация трудоустройства мигрантов [Yano 2000: 5], что подразумевало ограничение приема иностранных рабочих, содействие мигрантам в возвращении на родину, а также социальную интеграцию в период пребывания в Германии. Принятые меры позволили сократить количество иностранных работников в стране приблизительно на 20% – с 2,6 до 2,1 миллиона, однако в то же время количество постоянно проживающего

на территории ФРГ иностранного населения выросло приблизительно с 3,5 до 4,5 миллиона. Несмотря на экономический кризис 1974 года, а также ужесточение налогообложения иностранных работников в этот период, увеличение длительности их пребывания в стране указывает на постепенное укрепление позиций мигрантов в Германии.

Принятие в сентябре 1979 года так называемого Меморандума Куна, провозгласившего Германию «страной миграции» [Kühn 1979], стал официальным признанием прав мигрантов в ФРГ и обозначил начало самой непродолжительной, переходной третьей фазы миграции, которая продлилась до 1981 года. Именно тогда «мигрантская проблема» становится главным предметом обсуждения в рамках не только общественных, но и научных дискуссий: мигранты заняли важное место в экономической и политической жизни страны.

В период с начала 1970-х до начала 1980-х годов резко увеличивается количество опубликованных произведений авторов-мигрантов разных национальных диаспор, объединенных темой миграции: языковые различия, культурный шок, тоска по родине побудили писателей к литературному творчеству. Увеличение сроков пребывания рабочих-мигрантов в стране в связи с переездом на длительное или постоянное проживание (в том числе с семьями) обусловило выбор писателями-мигрантами немецкого языка в качестве основного для своих произведений. Вследствие оседлости иностранных рабочих в ФРГ термин «гастарбайтер» потерял свою актуальность и был постепенно заменен на более нейтральный – «иностранец» [Chiellino 2000: 1], что доказывает положительную динамику взаимоотношений между мигрантами и коренным населением.

В период четвертого этапа миграции (1981–1990 годы) в немецкоязычном обществе появилась острая необходимость конкретизации различных групп мигрантов в связи с введенными правительством ФРГ мерами ограничения в отношении пребывания иностранных граждан в стране. Нейтральное название «иностранец» получило более конкретные и точные

варианты: «мигрант», «беженец», «лицо, просящее политического убежища», «мигрант второго поколения» и т.д. – что обусловило возникновение в литературоведении проблемы обозначения творчества писателей с мигрантским прошлым и, в свою очередь, стало причиной появления различных, «подчас противоречивых понятий» [Manni 2014: 113–114], таких как «литература иностранцев» (*Ausländerliteratur*) [Ackermann, Weinrich 1986; Chiellino 1989] или «не только немецкая литература» (*nicht nur deutsche Literatur*) [Там же]. И. Амодео отмечает возникновение целого ряда названий: «литература меньшинства» (*Literatur der Minderheiten*), «литература извне» (*Literatur von außen*), «немецкая гостевая литература» (*deutsche Gastliteratur*), «литература без определенного места жительства» (*Literatur ohne festen Wohnsitz*), «литература чужбины» (*Literatur der Fremde*), «литература с мотивом миграции» (*Literatur mit dem Motiv der Migration*) [Amodeo 1996]. Все эти обозначения концентрировались, прежде всего, на биографии писателя, игнорируя эстетику его художественного творчества, поэтому на данный момент не используются в современном литературоведении.

Наряду с биографией авторов одним из ключевых критериев обозначения мигрантской литературы стала общая тематика произведений. В 1988 году Х. Хамм в своем исследовании указал на типичное изображение Германии в литературе писателей-мигрантов как своеобразного «рая» [Hamm 1998: 7]. В этот период авторы обращаются в своем творчестве к общим темам, таким как причины миграции, жизненный опыт на родине, проблемные ситуации, которые с ними произошли в стране, принявшей их в статусе мигрантов. Х. Хамм утверждает, что творчество писателей-мигрантов отражает социальные и политические причины их переезда из родной страны, и считает, что «большинство писателей указывают в своем творчестве на то, что бедность и чувство безысходности являются самыми частыми причинами эмиграции» [Там же].

Исследователи Ф. Бионди и Р. Шами также обратили внимание на существование аспекта общей тематики произведений авторов первых

поколений миграции: «Рабочие-мигранты приезжают чаще всего из южных стран, они приезжают из сельской местности, и на них оказывает большое влияние их прежнее культурное развитие. Они приезжают сюда и переживают перелом, так как входят в другую культуру со своими прежними установками. Этот перелом приближает их к культурной катастрофе, подобной той, которую пережили колониальные народы. Результатом становится литературное "онемение", могущее тянуться сколь угодно долго. В этой фазе мигрант пытается сначала прояснить свое окружение и свою идентичность. Это революционный процесс, который одних писателей заставляет замолчать, а иных... впервые понять, насколько важно поделиться своим опытом с другими» [Biondi, Schami 1981: 10]. В произведениях писателей первых поколений мигрантов сливаются мотивы путешествия и эмиграции переплетаются с образами потери, печали и отчуждения [Kien Nghi Ha 2001]. Как указывает П. Хан, писатели-мигранты находятся в том положении, когда они, с одной стороны, оторваны от своего старого окружения, а с другой стороны – «пока не нашли свое место на чужбине» [Han 2000: 180].

С началом пятого этапа массовой миграции в 1990 году политика Германии в отношении мигрантского вопроса изменилась, что было связано, прежде всего, с увеличением количества иностранцев в стране. Именно в 1990 году принят ряд мер, цель которых – ограничить поток мигрантов. Несмотря на ужесточение правил, за время смены трех поколений мигранты прочно укоренились в немецкоязычном культурном пространстве, а мигрантская литература стала феноменом, который стало невозможно игнорировать. У немецкоязычной общественности появилась сложная задача – «внедрить» литературу так называемых «не-немецких писателей» (*nicht-deutsche AutorInnen*), «литературу других» (*Literatur der Anderen*) в монокультурное сознание, что привело к необходимости переосмысления феномена мигрантской литературы и поиска подходящих категорий для определения творчества писателей-мигрантов.

Немецкоязычную литературу писателей из бывшего СССР нельзя рассматривать исключительно в рамках общих тенденций миграционного движения в ФРГ, поскольку русско-германская миграционная история обладает рядом значимых особенностей.

Большинство немецкоязычных писателей, чьи произведения стали материалом исследования в данной работе, например Л. Горелик, О. Грязнова, А. Бронски, О. Мартынова, переехали в ФРГ в статусе «контингентных беженцев» в период четвертой волны миграции в 1990-х годах. Предпосылкой их переезда из Советского Союза стало решение народной палаты ГДР от 12 апреля 1990 года о признании военной вины и предоставлении убежища подвергавшимся преследованиям в военное время евреям и их семьям.

Вопрос еврейской идентичности немецкоязычных писателей-мигрантов из бывшего СССР требует отдельного рассмотрения ввиду наличия некоторых культурно-специфических черт русского еврейства. Стоит отметить, что принадлежность к еврейской национальности часто становилась в СССР причиной некоторых ограничений, прежде всего в образовательной и профессиональной сферах. Подобное отношение к еврейству на протяжении нескольких десятилетий стало причиной стремления представителей этой этнической группы, проживающих в СССР, скрыть свою национальную принадлежность, что постепенно привело к упадку еврейской культуры в стране. По мнению С. Гильмана, после открытия границ ФРГ для некоторых граждан Советского Союза пришло осознание, что они вновь «могут стать евреями, став немцами» [Gilman 2006: 210]. Исследователь полагает, что еврейская идентичность русско-немецких писателей-мигрантов носит автофикциональный характер и возникла лишь после переезда авторов в Германию. А. Ваннер развивает идеи С. Гильмана и высказывает предположение, что идентичность немецкоязычных писателей-мигрантов в Германии является продуктом творческого процесса самопознания [Wanner 2011: 189]. В данной работе мы также придерживаемся мнения, что принадлежность к еврейской национальности у писателей-выходцев из

Советского Союза не играет основополагающей роли при формировании идентичности героев их произведений.

Следующая особенность русско-немецкой миграции в ФРГ – обозначение всех переселенцев из Советского Союза в 1980-х –1990-х годах не «иностранцами», а «вернувшимися на родину немцами» [Isterheld 2017: 33], что, по мнению Н. Истерхельд, приводит к феномену «двойной неинтеграции» [Там же]: в СССР эта группа населения воспринималась как немцы или евреи, а в Германии – как русские, в первую очередь, потому, что переселенцы зачастую не владели немецким языком и не могли интегрироваться в общество принимающей страны. Следствием этого становились их изоляция в немецком обществе и ограничение их круга общения русской диаспорой (см. например: [Kurilo 2010: 364]) или семьей [Helfferich 2012: 66].

Первая волна русской миграции началась сразу после Октябрьской революции 1917 года и привела к массовому переезду в Берлин (прежде всего, представителей творческой интеллигенции), где в 1920-х годах была образована русская колония. Чаще всего эмигранты рассматривали Германию как временную остановку перед эмиграцией в США или Францию. Русские писатели первой волны миграции – такие, как Андрей Белый, Максим Горький, Владимир Маяковский, Борис Пастернак, Алексей Ремизов, Марина Цветаева и, прежде всего, Владимир Набоков, – нашли в Германии вдохновение для литературного творчества. В отличие от представителей четвертой волны русской миграции, писатели первой, второй и третьей волн использовали для своих произведений исключительно русский язык (см., например: [Blum-Barth 2014]). Тематически и эстетически произведения, созданные ими в эмиграции, были связаны с их дореволюционными работами и были адресованы русскоязычной публике [Kissel 2011: 276]. Исключением стал В. Набоков, которому удался переход от писательства на русском языке для русской читательской публики к статусу «америрусского классика» [Rippl 1998: 163].

Вторая мировая война стала причиной массового появления русских военнопленных в Германию, многие из которых остались в стране после войны из страха быть обвиненными на родине в шпионаже и предательстве. Наиболее ярким представителем этого периода стала Наташа Водин, несмотря на то, что известность в немецкоязычном пространстве пришла к ней позднее, в 1980-х годах.

Третья волна русской миграции началась в 1960-х годах. Миграционный поток состоял в основном из оппозиционному правительственному режиму интеллигенции и евреев, вынужденных покинуть СССР из-за дискриминации. Отъезд данных групп населения часто был инициирован самим государством. В этот период центром восточной миграции стала Вена. Среди писателей-мигрантов третьей волны следует особо отметить Владимира Вертлиба и Юлию Рабинович. Они значительно отличаются от других авторов этого периода, например В. Войновича, Г. Владимова, Л. Копелева, Ю. Вознесенской, которые стали знаменитыми еще в Советском Союзе и получили в эмиграции «свободу от цензуры» [Tichomirova 2000. S. 168]. В. Вертлиб и Ю. Рабинович переехали в Германию еще в детстве и выросли здесь, чем, вероятно, обусловлен сделанный ими выбор немецкого языка как языка своего литературного творчества. Язык, а также тематика их произведений делают их схожими с авторами четвертой волны русской миграции.

На основе существования явных отличий произведений писателей четвертой волны миграции от творчества писателей первых трех волн Е. Хаусбахер предлагает различать термины «литература эмиграции» («литература изгнания») и современная «литература миграции» [Hausbacher 2009: 32]. Исследовательница отмечает внелитературные критерии различия этих двух понятий. «Если литература эмиграции в значительной степени связана с ностальгическим дискурсом, – замечает Е. Хаусбахер, – и стремится стать частью канонической национальной литературы, миграционная литература развивает эстетические парадигмы в контексте

транскультурности» [Там же]. Рассматривая внелитературные аспекты Е.Хаусбахер противопоставляет принудительную, обусловленную политическими причинами эмиграцию и добровольную, вызванную экономическими причинами миграцию.

Идеи Е. Хаусбахер о внелитературных критериях мигрантской прозы поддерживают многие исследователи, например Б. Менцель и У. Шмид, которые подчеркивают также различия в произведениях представителей разных волн миграции на языковом и тематическом уровнях [Menzel, Schmid 2007: 18].

Следует отметить, что проблема поиска определения для литературного творчества авторов-мигрантов до сих является одной из наиболее актуальных и обусловлена многообразием подходов к изучению этого феномена: в центре внимания исследователей находятся различные аспекты, среди которых важнейшими остаются тематика, биография автора, культурный фон создания произведений и др. В межкультурном литературоведении на данный момент существует необходимость поиска единого термина, который в полной мере отразил бы гетерогенность, межкультурность произведений писателей-мигрантов.

В докладе «Литература миграции в межкультурном дискурсе» (1998 год) Х. Рёш выделяет следующий терминологический ряд для обозначения творчества писателей-мигрантов: «Immigrantenliteratur» («литература иммигрантов»), «Emigrationsliteratur» («литература эмиграции»), «Migrantenliteratur» («литература мигрантов») или «Migrationsliteratur» («литература миграции»), «interkulturelle Literatur» («межкультурная литература»), «multikulturelle Literatur» («мультикультурная литература»), – определяя последние четыре термина как наиболее приемлемые для обозначения литературы писателей иностранного происхождения в Германии. «Несмотря на широкий спектр вопросов, возникающих в контексте анализа мигрантской литературы, – отмечает Х. Рёш, – понятия "литература мигрантов", "литература миграции" и "межкультурная литература"

ориентированы на понимание общества принимающей страны как страны написания и восприятия произведений писателей-мигрантов, что является важным аргументом выбора мигрантской литературы в качестве предмета анализа» [Rösch 1998: 2].

Важной особенностью исследований в области литературы писателей-мигрантов всегда оставалась страна их происхождения. Наряду с исследованиями творчества итальянских авторов [Chiellino 1985, 1989], существуют работы, посвященные греческой [Michel 1992: 98–105], арабской литературе [Khalil 1997b: 115–132, 1997a: 77–94]. Особое место занимают исследования литературы турецких мигрантов в ФРГ¹⁰, за которой закрепилась фраза «Schreiben gegen Vorurteile» – «Писательство против предрассудков» [Frederking 1985], – дополненная тезисом Аннете Виршке из ее одноименного исследования «Schreiben als Selbstbehauptung» – «Писательство как самоутверждение» [Wierschke 1996], а также творчества писателей русского происхождения и др.

В рамках данной темы актуальны научные дискуссии об излишнем политизировании определения «мигрантская литература», в том числе со стороны самих писателей. «Несмотря на то что авторы живут в этой стране, – пишет С. Тауфик, – к сожалению, есть разделение между ними и культурной жизнью общества. Мы, иностранные авторы, чувствуем себя обделенными немецкой культурой» [Taufiq 1986: 98].

Термин «литература мигрантов», или «мигрантская литература» (нем. *Migrantenliteratur*) обозначает литературу, написанную авторами, мигрировавшими в страну самостоятельно либо с родителями, будучи еще детьми, и схож с термином «литература иностранцев» (*Ausländerliteratur*), введенным в 1980-х годах [Ackermann, Weinrich 1986]. Термин «литература мигрантов» подчеркивает биографические факты, жизненную ситуацию и общественный статус писателей [Rösch 1998: 1].

¹⁰ Турки являются самой многочисленной группой иностранцев в Германии (14,4% всех иностранцев, по данным 2017 года) [URL: <https://www.bpb.de/nachschlagen/zahlen-und-fakten/soziale-situation-in-deutschland/61646/migrationshintergrund-i>].

Как и все остальные обозначения феномена литературного творчества писателей-мигрантов, термин «литература мигрантов» подвергается критике со стороны некоторых литературоведов. Например, Х. Рёш выражает опасение, что игнорирование литературного компонента творчества авторов представляет опасность анализа текстов на основе внелитературных критериев [Rösch 1998: 1]. Кроме того, появляется вопрос о справедливости называть авторов, родившихся или выросших в Германии, иностранцами или мигрантами (если речь идет о писателях второго или третьего поколения миграции). В. Нелл также указывает на проблему определения «литература мигрантов»: «Уже само понятие пренебрегает эстетическим аспектом текста, что выводит политический аспект на первый план. Однако лишь тематическое разграничение текстов тоже не имеет смысла, поскольку не все мигранты используют в своем творчестве исключительно тему миграции» [Nell 1997: 38]. Ученый также замечает, что «паспорт не создает ни литературный жанр, ни стиль, но он может быть разумно использован для разграничения содержания (*zur inhaltlichen Eingrenzung*)» [Там же: 37].

Обозначение «литература миграции» (*Migrationsliteratur*) было впервые применено Ф. Бионди и Р. Шами [Biondi, Schami 1981] и затем нашло широкое распространение в исследованиях литературы писателей-мигрантов в 1980-х годах [Hamm 1988]. Данный термин несколько схож с понятием «литература гастарбайтеров», поскольку рассматривает явление рабочей миграции как контекст возникновения мигрантской литературы. Кроме того, понятие «литература миграции» позволило включить в дебаты о творчестве авторов-мигрантов некоторые дополнительные критерии, такие как, например, последствия рабочей миграции для немецкого общества, фактически превратившегося в мультиэтническое и столкнувшегося с проблемой преодоления расистских настроений. Перспектива возникновения литературы переселенцев заключалась как раз в самом обществе.

Как подчеркивает Хайди Рёш, понятие «литература миграции» указывает на существование авторов-мигрантов, которые не обращаются в

своих произведениях к теме мигрантского опыта [Rösch 1998: 2], но тем не менее воспринимаются немецкоговорящей общественностью в рамках темы миграции. Некоторые исследователи не согласны с использованием термина «литература миграции», считая его политически некорректным (см., например: [Biondi 1981, Ackermann 1986]). По мнению Ф. Бионди, этот вид литературы самобытен и стоит провести четкую границу между литературным творчеством авторов, не являющихся мигрантами как таковыми, но использующих в своем творчестве тему миграции, и литературой писателей с личным опытом миграции [Biondi 1981: 124–136]. Подобное разделение поддерживают немногие ученые, часто в литературоведческих работах предпринимаются попытки преодолеть фиксированность на биографии авторов [Picardi-Montesardo 1985; Sölçün 1992; Chiellino 1991, 1995] и заменить внетекстуальные компоненты на внутретекуемые критерии литературного анализа.

Широко употребляемое понятие «межкультурная литература» принимается учеными как своеобразный вызов концепциям гомогенных национальных идентичностей и как форма освобождения от четких национальных культурных определений после периода противостояния восточного (Варшавский договор) и западного блоков, а также как «форма преодоления "своего" и "чужого" и отражения гибридной идентичности, характерной для мультикультурной ситуации в Германии в целом» [Schmitz 2009: 8]. Позиция преодоления границ, которой придерживаются многие ученые-литературоведы в последнее десятилетие, привела к развитию «межкультурной германистики», которая пытается осветить проблему определения литературы писателей-мигрантов с точки зрения культурного полилога.

В современной межкультурной германистике нашел отклик и термин «мировая литература» (*die Weltliteratur*) [Hoffmann 2006: 59], примененный И.В. Гёте в 1817 году в связи с его работой в журнале «Über Kunst und Alterthum» («Об искусстве и инаковости»). Впоследствии его идеи нашли

широкий отклик среди исследователей мигрантской прозы, в том числе у Х. Рёш: «не существует патриотичного искусства или науки, так как они принадлежат миру» [Rösch 2004: 90]. На данный момент понятие «мировая литература» обсуждается учеными как обозначение возможного слияния гомогенной категории «мигрантская литература» с другими группами литератур в будущем. Кроме того, понятие «мировая литература» подчеркивает роль мигрантской литературы как своеобразного посредника между двумя культурами, что служит более глубокому пониманию феномена всего творчества авторов-мигрантов. Несмотря на вышеуказанные преимущества, термин «мировая литература» на данном этапе исследования представляется нам слишком широким для обозначения литературы авторов-мигрантов в Германии.

Важно отметить, что многие современные писатели-мигранты, в том числе Владимир Вертлиб, Алина Бронски, Ольга Грязнова, Владимир Каминер и другие, чьи произведения стали материалом данного исследования, имеют личный опыт миграции. Кроме того, тема родины эксплицитно и имплицитно представлена в их творчестве. Эти факты говорят о невозможности отказаться от классификации произведений по категории их тематики и неразрывно связанной с ней биографией писателя, что объясняет использование в данной работе термина «мигрантская литература».

Принятие творчества авторов-мигрантов обществом Германии происходило постепенно: от восприятия этой литературы как феномена некой ниши, существовавшего в 1950-х годах до ее становления в качестве полноценной части немецкоязычного культурного пространства. Творчество авторов-мигрантов уже несколько десятилетий выступает объектом исследования литературоведения, однако многообразие и изменчивость этого явления не позволяют сделать однозначные и точные выводы о векторе его дальнейшего развития. При рассмотрении генезиса межкультурной литературы в Германии становится ясно, что феномен мигрантской прозы

представляется особенно динамичным и, безусловно, интересным объектом изучения современного литературоведения.

Выводы

В рамках темы культурного диалога и творческой реализации в нем писателей-мигрантов на современном этапе научных исследований ученые-литературоведы выделяют ряд важных вопросов, среди них особенно актуальными являются следующие: проблема обозначения мигрантской литературы и определение ее места в литературном и культурном ландшафте Германии; «гибридность» как «третье пространство» между культурами и языками, в котором берет начало творчество писателей-мигрантов, возможность слияния двух культур в их литературных произведениях; особенности формирования межкультурной, или гибридной, идентичности и проявление межкультурных особенностей в литературном произведении; репрезентация коллективной памяти в произведениях мигрантской литературы.

Несмотря на то, что мигрантская литература является неотъемлемой частью немецкой культуры XXI века, можно говорить о том, что она все еще рассматривается критиками и литературоведами как закрытая, гомогенная группа. Споры о том, какое место в немецкоязычном литературном ландшафте занимают произведения мигрантской литературы, сменились дискуссиями о положении самих авторов, что подчеркивает особую важность личности писателя-мигранта в формировании интереса к его произведениям на литературном рынке страны. Писатели занимают активную общественную позицию, выступают на телевидении и радио, часто дают интервью ведущим печатным изданиям.

Традиционная германистика делает попытки перехода от существовавших ранее в науке подходов к исследованию форм литературного творчества писателей к новому межкультурному подходу осмысления

литературы писателей-мигрантов, учитывающему их успешную интеграцию в современное немецкоязычное пространство. Тематика произведений современных писателей-мигрантов имеет схожие черты с тематикой работ первых поколений турецких и итальянских авторов-мигрантов: тоска по родине, поиск собственной идентичности между культурами, «этнографическая поэтика». Однако исследователи отмечают новые тенденции мигрантской литературы: расширение тематического ряда произведений (в том числе обращение к общечеловеческим проблемам, таким, например, как права женщин или толерантность в обществе принимающей страны); успешная интеграция писателя-мигранта в общество принимающей страны; использование самопозиционирования как стратегии продвижения личного бренда в средствах массовой информации с целью привлечения общественного внимания к своим произведениям.

ГЛАВА 2

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ МИГРАНТОВ ИЗ БЫВШЕГО СССР

2.1. Транскультурность как основная тема в мигрантской прозе в Германии

Еще в 1986 году И. Аккерманн и Г. Вайнрих отметили в своем исследовании «Не только немецкая литература. К определению места литературы иностранцев» присутствие в произведениях писателей-мигрантов в Германии единой тематики, непосредственно связанной с личным опытом миграции авторов [Ackermann, Wenrich 1986]. Идея общей тематики немецкой мигрантской прозы получила широкое распространение среди ученых-литературоведов в 1980-х годах и до сих сохраняет свою актуальность.

Как мы уже говорили выше, исследователи ранних произведений мигрантской литературы отмечают их узкий тематический круг: тоска по родине, чувство отчуждения в обществе принимающей страны, проблема общения на иностранном языке, а также негативный опыт расизма и дискриминация мигрантов со стороны коренного населения. У. Реег указывает, что в творчестве авторов-мигрантов первых поколений можно наблюдать ярко выраженную тоску по родине в чужой стране, но и после того, как ФРГ становится домом для них и их семей, это чувство не проходит [Reeg 1988: 100-101]. Х. Хайнце в этом контексте подчеркивает, что большинство писателей первых поколений миграции находили вдохновение в реальности, которую переживали ежедневно» [Heinze 1986: 16]. Исследователь приводит в качестве примера высказывания писателя и литературоведа К. Хиллино о начале карьеры в Германии: «Родина и чужбина, потеря родины и повседневная жизнь на чужбине, а также необходимость поделиться переживаниями и мыслями стали источниками моей мотивации

писать лирику и анализировать» [Там же]. Чужой мир и новые события в произведениях писателей-мигрантов представляются в контексте воспоминаний о прошлом, что становится причиной частого описания (в том числе с использованием в тексте произведения элементов устной разговорной речи) нелегких условий жизни на чужбине, с которыми приходится сталкиваться авторам (например, бюрократические проблемы или несправедливое отношение в бытовых ситуациях) [Heinze 1986: 12, 26, 48]. К. Хиллино в своем исследовании «Литература и идентичность на чужбине. К литературе итальянских авторов в ФРГ» выдвинул предположение, что основной темой мигрантской литературы является идентичность [Chiellino 1989: 37].

Наряду с узостью тематики важной особенностью мигрантской литературы первых поколений является особое отношение героев произведений к концепту «родина». «Родина, – пишет Х.Хамм, – кажется им фантазией внутренне и внешне упорядоченного мира, в котором есть бог, гарантирующий течение времени и ход вещей» [Hamm 1988: 58]. Именно с понятием родины связан интересный парадокс: родина становится причиной внутренней тоски, несмотря на то что именно она была причиной, вынудившей героев произведений мигрантской прозы (как и самих писателей) эмигрировать в другую страну [Там же: 75–77]. Многие исследователи в контексте темы мигрантской литературы первых поколений отмечают, что описания родины героями произведений часто представляются читателю в идеалистических тонах [Suhr 1991:72].

В отличие от произведений писателей-мигрантов первых поколений, типичными признаками которых являются узкая тематика произведений, а также особое отношение к родине, современные писатели-мигранты задают новые тенденции в тематике своего творчества. А. Шуманн в статье «Новые тенденции в мигрантской литературе» указывает на отсутствие категорий родины и чужбины в произведениях современных писателей-мигрантов, что для исследователя означает также невозможность интеграции в чужое

общество или отчуждения от него [Schumann 2006]. Герои произведений мигрантов последних поколений похожи на самих авторов – это люди, которые потеряли свою родину, но нашли ее вновь в стране, принявшей их, либо те, кто фактически уже не мигранты, поскольку родились или выросли в ФРГ и имеют её гражданство. Можно говорить о переходе от темы тоски по родине и чувства потерянности между двумя культурами, типичной для писателей первых поколений, к теме новой родины и формированию новой формы идентичности.

Рассмотрим некоторые немецкоязычные произведения современных писателей из бывшего СССР, пишущих в Германии на немецком языке, с целью выявить основные тематические тенденции их литературного творчества.

В 2008 году ярко дебютировала на немецкоязычной литературной сцене писательница Алина Бронски, уроженка российского города Екатеринбурга, переехавшая в ФРГ в 1981 году в возрасте тринадцати лет. Ее роман «Парк осколков» («Scherbenpark»), повествующий о жизни района русского «гетто» в Берлине, вызвал интерес у широкого круга читателя, стал бестселлером продаж опубликовавшего его издательства «Kiepenheuer & Witsch», был поставлен на сцене театра «Theaterhaus» в городе Штуттгарте (Германия), а в 2013 году роман успешно экранизирован. За роман «Парк осколков» Алину Бронски номинировали на престижную молодежную немецкую литературную премию «Аспекты».

В центре сюжета произведения находится семнадцатилетняя Саша Найман – девочка из семьи мигрантов, пытающаяся найти свое место в чужом культурно-языковом пространстве. Она адаптируется к новым условиям жизни в другой стране на фоне трагических семейных обстоятельств. Тема миграции становится одной из ключевых в романе: автор старается в наиболее реалистичной манере донести до читателя все сложности жизни мигранта в современной Германии: «Я представила себе, как чистенькая Мелани в своей джинсовой куртке едет со мной в лифте. Как она при этом оглядывается так

же суетливо, как и ее мать. Как запах ее мыла вступает в безнадежную борьбу с парами нечистот в подъезде и проигрывает. Как она входит в дверь. Смотрит на наш подержанный диван и столик перед ним, чья третья ножка может сломаться, если не так на него посмотреть. На книги на полу. На маленький телевизор и стопку видеокассет перед ним. Уже тогда ни у кого не было видеокассет! На шкаф без двери. На носки моего отчима на батарее. На рейтузы моего брата, перекинутые через спинку стула. У нас было пять стульев, и все были разные, так как все были из сэконд-хэнда» [Bronsky 2008: 18].

Главная героиня сталкивается с непониманием чужой культуры со стороны некоторых представителей коренного населения, предрассудками в отношении мигрантов. Все это делает ее образ схожим с героями произведений первых поколений миграции, за исключением, пожалуй, одного элемента – отсутствие тоски по родине. В начале романа героиня чувствует себя «чужой», «потерянной» между двумя культурами, однако пытается стать «своей» и адаптироваться в инокультурном пространстве. В конце романа мы можем наблюдать полное стирание границ между «чужим» и «своим» и полную адаптацию главной героини к реалиям другого языкового и культурного мира. Она находит свое место в стране, принявшей ее в качестве мигранта, и в немецкоязычном обществе обретает гармонию со своим «мигрантским» прошлым.

Вторая книга Алины Бронски «Самые острые блюда татарской кухни» также затрагивает тему миграции, несмотря на активные заверения автора в интервью различным журналам о смене темы во втором литературном произведении: «После моего первого романа я повсюду объявляла, что второй будет о чем-то совсем другом: тема будет другая, герои совершенно изменятся. Но мне это не удалось, потому что все-таки многие вещи связаны с моей биографией, многие темы, многие чувства для меня важны. Я думаю, жаль было бы искусственно искать что-то еще, если есть много историй, которые я хотела бы рассказать. — Мне кажется, высказывание о том, что

автор присутствует во всех своих героях, очень близко к истине. Ведь в каждом из нас есть разные черты, разные эмоции, разные чувства. В каждом из нас живет, скажем, агрессия, но с другой стороны — ум и милосердие. Это — составляющие одной индивидуальности. А когда человек пишет роман, в котором несколько главных героев, есть возможность разделить свою индивидуальность, свою личность на несколько частей, на нескольких людей» [Шуман 2011]. Как видно из приведенного отрывка, сама писательница не отрицает автобиографичность своих литературных произведений, а также близость их героев к ней самой, что дает нам право рассматривать прозу А. Бронски, проводя четкие параллели между сюжетом и событиями ее биографии.

В центре романа «Самые острые блюда татарской кухни» находится история одной семьи, состоящей из трех сильных женщин разных поколений — коренной татарки Розалинды, ее дочери Сульфий, выросшей в СССР и переехавшей в ФРГ в молодом возрасте, а также внучки Амины, родившейся уже в Западной Германии. Переезд в Германию становится для них, с одной стороны, новым витком жизни, а с другой — сталкивает с проблемами адаптации в иноязычном пространстве. Каждая из героинь по-своему справляется с трудностями, воспринимая происходящее через призму своего поколения. Столкновение трех разных менталитетов, поколений и характеров в условиях жизни в принимающей стране в статусе мигранта, становится лейтмотивом романа. При этом, как и в дебютном произведении писательницы «Парк осколков», можно вновь наблюдать процесс успешной интеграции в общество принимающей страны.

Во многих произведениях А. Бронски, в той или иной степени прослеживается тема миграции. Уже упомянутые романы «Парк осколков» и «Самые острые блюда татарской кухни» содержат в себе подробные описания эмоционального состояния главных героев при переезде, их переживаний при подготовке к нему, а также сравнения двух стран с точки зрения мигрантов. Лейтмотивом романа «Последняя любовь бабы Дуни» становится переписка

главной героини, живущей в небольшой деревне возле Чернобыльской АЭС, со своей внучкой, которая родилась и выросла уже в Германии. В произведении можно наблюдать угасающую связь между поколениями из-за языкового барьера: баба Дуня не может прочитать письмо своей внучки, потому что не понимает язык, на котором оно написано. Содержание письма не открывается читателям даже в конце романа, что подчеркивает необратимость событий, произошедших с семьей главной героини. В подростковом романе «Зеркальный ребенок» («Spiegelkind») и его продолжении «Трещина в зеркале» («Spiegelriss») главные герои носят русские имена, что также намекает на миграционный опыт их семей [Bronsky 2012, 2013] .

Хронотоп романа «Последняя любовь бабы Дуни» («Baba Dunjas letzte Liebe») выделяет его среди других произведений писательницы: сюжет романа протекает в почти безлюдном поселении Черново возле Чернобыльской АЭС после аварии. Главная героиня баба Дуня – одна из немногих вернувшихся в опасную радиоактивную местность людей, не потерявших при этом веру в лучшее. Тема миграции раскрывается в романе через письма бабы Дуни своей дочери Ирине, эмигрировавшей в Германию, и родившейся уже в ФРГ внучке Лауре: «...У меня есть внучка, которая носит очень красивое имя: Лаура. Ни одну девочку не зовут у нас Лаура, только мою внучку, которую я еще никогда не видела» [Bronsky 2016: 17]. Баба Дуня пишет Лауре трогательные письма на русском языке, зная при этом, что внучка не владеет родным языком своей бабушки и мамы. Несмотря на тяжелые условия быта и опасность пребывания в зараженной радиацией местности, главная героиня не хочет покидать свой родной дом и дает отрицательный ответ на предложение дочери переехать в Германию. Даже в одной из последних сцен романа, когда на кону стоит ее жизнь, баба Дуня отчаянно противится переезду в другую страну:

«– Аркадий говорит, что мне всё предоставят в аэропорте.

– Что предоставят? Какой аэропорт?

- Вы летите к своей дочери в Германию. Всё уже улажено.
- Итак, – говорю я, – никуда я не собираюсь лететь. Я еду домой».
- (Bronsky 2016: 149).

В романе «Последняя любовь бабы Дуни» Алина Бронски обращается к тематике миграции нестандартно: не со стороны мигранта, которому приходится мириться с другой языковой и культурной реальностью, а со стороны человека, который не решился переехать в другую страну и, возможно, не способен на интеграцию. Нельзя однозначно сказать, что обращение писательницы к мигрантскому прошлому является следствием осмысления лично пережитого опыта, а не результатом какой-либо стратегии писательской самопрезентации. Ее интервью в различных немецкоязычных изданиях относительно причины использования в романах темы миграции доказывают, что А. Бронски понимает растущую популярность произведений писателей-мигрантов на литературном рынке ФРГ. В 2010 году (год публикации дебютного романа) в беседе с известным журналистом С. Шмидтом писательница дает следующий комментарий по поводу желания издательства сменить ее настоящее имя на псевдоним: «Мой псевдоним должен был звучать красиво. И он должен был дать понять, что я писательница с мигрантским опытом» [Schmidt 2010: 15]. Писательница до сих пор часто отзывается об «Алине Бронски» в третьем лице и как о бренде, который позволил, с одной стороны, защитить семью автора от внимания общественности, а с другой – подчеркнуть ее русское происхождение (см., например: [Ebmeyer 2016: 23]).

Несмотря на многочисленные примеры обращения А. Бронски к теме миграции, можно наблюдать тенденцию ее постепенного отхода от указанной темы с каждой последующей опубликованной книгой. Например, в написанном от первого лица романе «Просто называй меня супергероем» Бронски делает серьезную попытку отойти от ожидаемой от писателя-мигранта тематики. В центре сюжета произведения находится история молодого человека Марека, лицо которого обезображено шрамами от укусов

бойцовской собаки. По сюжету Марек родился и вырос в Германии, что выясняется на самых первых страницах романа в одном из разговоров главного героя с руководителем группы психологической поддержки:

«– Что за имя такое – Марек?, – спросил он.

– Польское.

– Ты поляк?»

– Нет. Единственное восточноевропейское, что во мне есть, – это жена моего отца» [Bronsky 2015: 10].

В этом романе единственным упоминанием другой, понятной самой А. Бронски, культуры, стал образ успешно ассимилирующейся в немецкоязычном пространстве русскоязычной мигрантки Тамары, что доказывает намерение писательницы лишь опосредованно затронуть тему миграции и объективно воссоздать в своем произведении типичную культурную картину современного немецкоязычного общества, в котором многие семьи имеют родственные и дружеские связи с людьми иностранного происхождения.

Последняя книга Алины Бронски под названием «Упразднение матери» написана в соавторстве с немецкой писательницей Дэнис Вилк и посвящена теме материнства. В ней прослеживается очевидное намерение авторов отойти от тематики миграции и обратить внимание на актуальные общественные проблемы, такие, как ущемление прав женщин.

Возможно, именно социальная значимость представленных в творчестве тем наряду с автобиографичностью написанных произведений сделали популярной еще одну писательницу из бывшего СССР – Катю Петровскую. Она написала книгу «Возможно, Эстер» («Vielleicht, Esther»), благодаря которой была номинирована на ряд престижных литературных премий, в том числе на премию «Аспекты», а также национальную немецкую премию имени Ингеборг Бахманн. В названном произведении К. Петровской ярко выражен мотив памяти: история одной семьи раскрывается через воспоминания о прабабушке писательницы, имя которой точно неизвестно, но «возможно, ее

звали Эстер» [Petrovskaja 2014: 209] – название книги повторяет название одного из коротких рассказов, включенных в книгу. Сборник «Возможно, Эстер» посвящен трагической судьбе украинских евреев в период Второй мировой войны, и эта тема нашла широкий отклик среди немецкоязычной публики.

Книга «Возможно, Эстер» занимает особое место в мигрантской литературе Германии, поскольку является не просто автобиографичной, но претендует на достоверность на основании представленных в ней фактов, хранившихся многие годы в семье автора. Описанные в ней истории пробуждают в читателе чувство сострадания жертвам режима нацистской Германии, чему помогают и фотоматериалы, представленные на страницах издания. Особую роль играет именно подчеркнутая автобиографичность произведения: читатель понимает, что описываемая в книге история – это история семьи писательницы, которая в данный момент живет и работает в Германии, что позволяет воспринимать текст в реалиях новой эпохи. Сопричастность к истории этой семьи помогает осознать возможность быстрого преодоления культурных различий между людьми разных национальностей и делает транскulturность основной ценностью современного мира.

До публикации книги «Возможно, Эстер» Катя Петровская стала соавтором фотоальбома «Избранные: лето в лагере отдыха Орлёнок» подготовленной совместно с фотографом Анитой Бак. Петровская написала эссе, основой которого стали воспоминания о ее детстве в Советском Союзе и проведенных каникулах в одном из самых известных детских лагерей отдыха «Орлёнок». В книге использован жанр фоторепортажа и содержится большое количество красочных фотографий различных временных периодов легендарного детского лагеря, а также краткие заметки Кати Петровской, основанные на личном опыте писательницы. Также задолго до выхода книги «Возможно, Эстер» она уже была достаточно известным журналистом благодаря колонке «Западно-восточный диван» («West-östlicher Divan») в

крупном немецкоязычном еженедельнике «Frankfurter Allgemeine», в которой описывала будни русскоязычного мигранта в ФРГ. Интересно, что название рубрики является прямой отсылкой к сборнику «Западно-восточный диван» («West-östlicher Divan») И.В. Гёте, часто рассматриваемому учеными-литературоведами в контексте синтеза западной и восточной культур.

Как и произведение Кати Петровской «Возможно, Эстер», роман Элеоноры Хуммель «Рыбы Берлина» связан с памятью о прошлом семьи автора и носит автобиографический характер. В 2006 году это произведение было отмечено престижной премией Адельберта фон Шамиссо. Историчность романа «Рыбы Берлина» обусловлена выбором описанных в нем событий из истории России: сталинские репрессии, положение немецкого населения в европейской части страны, оккупированной немецко-фашистскими войсками в период Второй мировой войны, массовые ссылки в Сибирь. События прошлого открываются перед читателем в разговорах между главной героини с ее бабушкой, что представляет мотив памяти через коммуникацию представителей двух разных поколений и выделяет роман среди других произведений мигрантской прозы.

Э. Хуммель обращается к устной традиции и ставит в основу раскрытия сюжета разговор между бабушкой и внучкой. Сначала бабушка сопротивляется подробным расспросам о произошедших с ним в прошлом событиях: «Кто старое помянет, тому глаз вон» [Hummel 2005: 52], однако впоследствии решается открыть свое прошлое внучке. Он выступает в роли мудрого рассказчика, а она – в роли внимательного слушателя, что можно расценивать как процесс передачи исторической, культурной, семейной памяти. При этом все происходящее события описываются от первого лица и воспринимаются с точки зрения ребенка. Этот ход позволяет, с одной стороны, подчеркнуть искренность эмоций, описанных автором, а с другой – допустить непонимание некоторых исторических фактов ребенком.

Наряду с мотивом памяти в произведениях авторов-мигрантов ярко выражен мотив путешествия или дороги. Герои часто обращаются к

воспоминаниям о подготовке к переезду, своих волнениях и ожиданиях, связанных с принимающей страны. Мотив присутствует в романах Э. Хуммель «Венера в окне» («Die Venus im Fenster»), «В хороших руках, в прекрасной стране» («In guten Händen, in einem schönen Land»), в уже упомянутых романах «Парк осколков» и «Последняя любовь Бабы Дуни» А. Бронски, и во всех произведениях Владимира Каминера и Ольги Грязновой.

Название дебютного романа Ольги Грязновой делает прямую отсылку к родной культуре автора: «Русский – тот, кто любит березы» («Der Russe ist einer, der Birken liebt»). Как у Алины Бронски и Кати Петровской, первый роман Ольги Грязновой автобиографичен. Главная героиня Мария так же, как и сама писательница, родом из еврейской семьи, проживавшей в советской республике Азербайджан, откуда она эмигрирует в ФРГ. Главная героиня обладает ярко выраженной склонностью к языкам и владеет несколькими иностранными языками: «Я сажусь в комнате для ожидания. На заднем плане звучит радио. Я синхронно перевожу новости на английский, рекламу – на французский» [Grjasnowa 2013: 14]. Освоение языков, отсутствие акцента создают образ успешно интегрировавшегося в общество страны мигранта.

В романе поднимается важная тема отношения к мигрантам в современном немецкоязычном обществе:

«–Мне нужно мигрантское прошлое, чтобы поиграть в футбол? – спросил он и посмотрел мне прямо в глаза».

–Ты опять используешь это слово?». Я попыталась говорить как можно ироничнее, но у меня это не получилось. Всегда, когда читаю или слышу это слово, я чувствую, как поднимается тошнота. Еще хуже становится разве что от прилагательного "постмигрантский". Прежде всего, я ненавижу связанные с этим дискуссии – не только в средствах массовой информации, но и между мной и Элиасом. В таких разговорах никогда не обсуждалось ничего нового, но тон был нравоучительный и резкий» [Grjasnowa 2012: 12].

Преодоление стереотипов, связанных с мигрантами, является важной проблемой современного немецкоязычного общества. В условиях растущего национального многообразия писатели, приехавшие в Германию еще в детстве, часто негативно воспринимают такие обозначения, как «мигрантская литература» или «авторы-мигранты», поскольку они не считают себя мигрантами в стране, в которой выросли и которую воспринимают как свою родину. Вероятно, именно личные установки писателей влияют на образы создаваемых ими героев, что, с одной стороны, помогает привлечь внимание широкой общественности к этой теме, но, с другой стороны, лишь подчеркивает присутствие темы личной идентичности в их творчестве.

Вторая книга писательницы Ольги Грязновой, вышедшая через два года после дебютного романа, носит название «Юридические неточности брака» («Juristische Unschärfe der Ehe») [Grjaznowa 2014]. В центре внимания здесь история двух молодых людей – Лейлы и Алтая, которые, будучи представителями сексуальных меньшинств, заключают фиктивный брак, чтобы преодолеть те проблемы, с которыми они столкнулись в родном городе Москве: Лейла уходит из Большого театра из-за травмы, Алтай разочаровывается в любви. Супружеская пара эмигрирует в Германию, чтобы начать свою жизнь заново, однако проблемы, с которыми они сталкивались в Москве, преследуют их и в кажущемся свободным государстве.

Можно говорить о том, что в романе «Юридические неточности брака» автор пытается показать читателю, что в сложных жизненных ситуациях проблем поиска собственной идентичности и себя между различными культурами часто уходит на второй план на фоне личных проблем каждого человека и представляется второстепенной.

В последней, опубликованной в 2017 году, книге «Бог нескромен» («Gott ist nicht schüchtern») Ольга Грязнова также не уходит от темы миграции. В центре сюжета романа – история двух сирийских беженцев, которая развивается на фоне трагических событий гражданской войны в Сирии, ставшей причиной разрухи и хаоса в родной стране героев и

вынудившей их покинуть дом и спастись в Евросоюзе. Роман получил положительные отзывы в ведущих печатных и онлайн-изданиях Германии. Так, журнал «Шпигель» («Spiegel») посчитал произведение «достойным эстетического и политического уважения» [Lohr 2017], а журнал «Дойтшланд радио культур» («Deutschland Radio Kultur») назвал роман Ольги Грязновой «великим и вызывающим скорбь» [Kramatschek 2017]. Широкое распространение информации о ситуации в Сирии в средствах массовой информации обеспечивает достаточные фоновые знания, чтобы читатель мог составить собственное мнение о представленных в произведении фактах.

Как и у вышеупомянутых авторов, в основу литературного творчества писательницы Лены Горелик легли темы миграции и идентичности, что связано с ее биографией автора, поскольку в начале 1990-х годов семья писательницы эмигрировала в Германию. Лена Горелик стала лауреатом многих литературных премий для писателей с мигрантским прошлым, а также традиционных немецких премий, таких как премия Эрнста Хоферихтера, присуждаемая писателям Мюнхена за «оригинальность, искренность и юмор», Баварская премия поддержки искусства, присуждаемая молодым талантам за особый вклад в искусство. Дебютный роман писательницы «Мои белые ночи» («Meine weißen Nächte»), название которого напоминает о всемирно известном романе Федора Достоевского «Белые ночи», посвящен теме жизни и поиска себя в другом культурном пространстве. Вслед за дебютной книгой последовали путеводитель «Влюбленная в Санкт-Петербург. Мое русское путешествие» («Verliebt in Sankt-Petersburg. Meine russische Reise») (2008), романы «Свадьба в Иерусалиме» («Hochzeit in Jerusalem») (2007), «Дорогой Миша, ты еврей» («Lieber Mischa, du bist ein Jude») (2011) и сборник коротких рассказов «А Вы хорошо говорите по-немецки!» («Sie sprechen aber gut Deutsch!») (2012), объединенные общей темой миграции и жизни в другой стране.

После выхода книги Лены Горелик «Дорогой Миша, ты еврей» журналист Йохен Хибер отметил в своей статье для «Франкфуртер

Алльгемайне» («Frankfurter Allgemeine»): «Два года назад Лена Горелик озвучила, что не хочет больше писать об идентичностях. Хотя именно это она делает в своей новой книге и создает прекрасную литературную азбуку воспитания» [Hieber 2011]. В этой книге Лена Горелик последовательно высмеивает все клише, традиционно связанные с евреями: «Мы, евреи, имеем тягу всё комментировать, даже нас самих, поэтому Талмуд выглядит как исписанный школьный учебник» [Gorelik 2012: 9]. Теме еврейства посвящена еще одна книга писательницы – «Свадьба в Иерусалиме»: в романе поднимается не только проблема жизни евреев в Германии, но и проблема различного восприятия культурных обычаев своего народа разными поколениями.

Особое место в современной мигрантской литературе занимает книга Лены Горелик «А Вы хорошо говорите по-немецки!», в которой писательница призывает читателей воспринимать мигрантов, живущих в Германии, не как отдельную социальную группу, а как неотъемлемую часть мультикультурного общества, создаваемого совместными усилиями всех его членов. Подзаголовок книги звучит вызывающе: «Почему я больше не хочу благодарить за то, что я могу здесь жить, а толерантность больше не помогает». Это задает общий тон всей книге, написанной в достаточно прямолинейной саркастической манере: «Иногда мигранты могли бы и выступать в мигрантском цирке. Там они показывали бы удивительные трюки, например: "Я могу говорить по-немецки без акцента" или "Я мигрант, и я могу цитировать Гёте". Они могли бы отвечать на команды следующими фразами: "Ну конечно, Германия является моим домом!" или "Я благодарен, что мне разрешено здесь жить", а если бы у них это особенно хорошо получалось, то они произносили бы эти слова на местном диалекте, и тогда все бы радовались, что турки адресированы так хорошо, что на свободном франкийском признают своей родиной Верхнюю Франконию, возносят хвалу небесам и даже меньше критикуют "стремящихся к интеграции", потому что те одной ногой еще находятся в Малой Азии и отваживаются следовать своей

старой религии. А в конце они бы смело садились на свой стул, потому что они ведь не сидят на двух стульях. Аплодисменты, аплодисменты! Аплодисменты гарантированы на таких выступлениях» [Gorelik 2011: 98]. Саркастичный тон повествования показывает личное отношение писательницы к проблеме отношения коренных немцев к иностранцам в ФРГ.

На примере своего маленького сына писательница показывает нерациональность понятия «мигрантское прошлое», закрепившегося за каждым человеком, у которого есть родственники, родившиеся в другой стране: «Людей с другим цветом кожи, в экзотической одежде, с непривычной внешностью, говорящих на языке, которого он до этого не слышал, он находит наиболее интересными, хочет к ним прикоснуться, познакомиться с ними, дает им руку. Если люди ему улыбаются, он улыбается им в ответ, независимо от их происхождения, независимо от их статуса в обществе. Его симпатия не зависит от паспорта или от религии тех людей, которых он встречает. Для него само собой разумеется, что он слышит и понимает русский и немецкий. Мама поет ему на одном языке, папа на другом языке; главное – кто-то поет. То, что это имеет отношение к миграционному прошлому, то, что это может стать проблемой, он не знает. Если бы я могла ему что-то пожелать, то это было бы следующее: пусть все остается как есть – то, что он растет в Германии и здесь знакомится с людьми. Просто людьми» [Gorelik: 2011: 240]. Возникает интересный парадокс: с одной стороны, в книге «А Вы хорошо говорите по-немецки!» Лена Горелик пытается показать бессмысленность приписанных каждой диаспоре мигрантов клише и стереотипов, остро критикует политику государства в отношении мигрантов и открыто призывает не выделять мигрантов, в том числе писателей-мигрантов, в особую социальную группу. С другой же стороны, выбранная Л. Горелик тематика повышает читательский интерес к мигрантскому вопросу и становится причиной ее растущей популярности именно как «писателя с мигрантским прошлым».

Можно даже говорить о том, что, несмотря на позиционирование автора как противника клише и предрассудков, связанных с авторами-мигрантами, свою писательскую карьеру Лена Горелик выстроила именно на теме миграции в Германии и воспоминаний о России. Она опубликовала книгу, посвященную восприятию мигрантов в ФРГ, описав множество аспектов жизни представителей других национальностей на территории Германии, а также путеводитель по родному Санкт-Петербургу, ставший бестселлером продаж в Германии. Успешность книг этого автора, а также других писателей-мигрантов из бывшего СССР дает основание оценивать тематику миграции в современной немецкоязычной прозе как одно из самых успешных направлений.

Пример творчества Лены Горелик, как и других названных авторов, демонстрирует присутствие в литературном творчестве современных авторов-мигрантов классической тематики миграции, исходящей из противостояния «своего» и «чужого». В произведениях мигрантской прозы наблюдаются процесс преодоления границ и динамика транснациональных миров, однако писатели нередко используют популярную тематику миграции в своем творчестве намеренно, формируя с ее помощью образ писателя-мигранта на немецкоязычном литературном рынке.

В этом контексте нельзя не упомянуть писателя Владимира Каминера, опубликовавшего в 2000 году свою первую книгу «Русская дискотека», побившую рекорды продаж в немецкоязычном пространстве и переведенную на русский язык (но не получившую широкой известности в России). Данное произведение, в котором автор изображает жизнь мигрантов из СССР в центре Берлина, написана в юмористической форме в формате коротких рассказов. После дебютной «Русской дискотеки» Каминер опубликовал еще двадцать три книги, каждая из которых посвящена теме жизни мигрантов (прежде всего, выходцев из СССР) в ФРГ.

Многие названия книг В. Каминера ярко отражают его желание привлечь внимание широкого круга читателя к своим произведениям именно

благодаря тематике: «Моя немецкая книга джунглей» («Mein deutsches Dschungelbuch»), «Я не берлинец» («Ich bin kein Berliner»), «Кухня по-тоталитарному. Кулинарная книга социализма» («Küche totalitär. Das Kochbuch des Sozialismus»), «При социализме не было секса: легенды и мифы прошлых лет» («Es gab keinen Sex im Sozialismus»), «Мои русские соседи» («Meine russischen Nachbarn»), «Моя кавказская теща» («Meine kaukasische Schwiegermutter»), «Дядя Ваня едет. Путешествие сквозь ночь» («Onkel Wanja kommt. Eine Reise durch die Nacht»). Косвенно отражают происхождение писателя названия и других его книг. Так, «Путешествие в Тру-ла-ла» («Die Reise nach Trulala») дает немецкоязычному читателю намек на отношение мигранта к стране, принимающей его в этом статусе. «Тру-ла-ла» в немецком языке обозначает сказочную страну обилия и достатка – именно это мигранты, особенно первых поколений, приписывали стране принимающего их общества. Название опубликованной в 2011 году книги «С наилучшими пожеланиями из Германии» («Herrzliche Grüße aus Deutschland») очень напоминает надпись на открытках, которые обычно отправляют за границу родным и друзьям, что тоже подчеркивает стремление автора к использованию темы миграции.

В живой манере Каминер повествует о жизни немцев с точки зрения уже адаптированного в их стране мигранта, в отличие от типичного героя первых книг писателя – недавно прибывшего в Германию иностранца, не знакомого с ее культурой, обычаями и языком, что, с одной стороны, говорит о развитии героев Каминера в процессе адаптации в иноязычном пространстве, а с другой – о неотъемлемой связи творчества автора с его биографией. Эту мысль доказывает и одна из последних книг В. Каминера, опубликованная в 2013 году, которая носит название «По эту сторону рая». Как отмечалось нами ранее, Х. Хамм подчеркивает, что писатели-мигранты первых поколений зачастую описывают Германию в своих произведениях как «райское место». В этой книге В. Каминер находит свой собственный эдем в немецкой деревушке Глюклитц (Glücklitz, от немецкого *Glück* – счастье) с ее не меняющимися

жителями и погодой, «как в Бермудском треугольнике». Однако протагонист не отходит от своего «мигрантского прошлого» – организует «русскую дискотеку», которая является отсылкой к первой книге писателя и становится своеобразным лейтмотивом всех его произведений.

В одном из интервью Владимир Каминер заметил, что его творческая карьера началась именно в миграции. У него появилось желание поделиться своими наблюдениями и мыслями с другими людьми и рассказать им об особенностях жизни мигранта в Германии. В сборнике коротких рассказов «Военная музыка» («*Militärmusik*») автор от первого лица повествует о своих первых литературных опытах на родине: «Я рассказывал и рассказывал, кто-то восхищался, кого-то мои истории злили, но тем не менее все слушали внимательно. Я стал самым большим чудаком в школе» [Kaminer 2001: 11].

Основная часть творчества Владимира Каминера посвящена темам, наиболее часто встречающимся в произведениях авторов-мигрантов – темам родины и чужбины. Исключительная известность автора лишь подчеркивает интерес немецкоговорящих читателей к вопросу миграции, условиям жизни мигрантов в Германии и культуре людей, которые нашли свою вторую родину в их стране. В своих книгах Каминер выступает в качестве проницательного, участливого и остроумного наблюдателя процессов берлинского мультикультурализма – так называемого феномена «мульти-культи».

Как и многие другие авторы-мигранты, В. Каминер в своих произведениях обращается и к теме жизни на родине: «Обычно в Советском Союзе пытались скрыть свое еврейское происхождение, только с "чистым" паспортом можно было надеяться на какую-нибудь карьеру. Причиной этого был отнюдь не антисемитизм, а просто тот факт, что любая более-менее ответственная должность была связана с членством в Коммунистической партии» [Kaminer 2000: 6]. В каждом его рассказе описываются разные, подчас нелегкие жизненные ситуации, в которые попадает главный герой – двадцатилетний юноша, эмигрировавший в 1990-х годах из СССР в восточную часть Германии, – и то, как он с юмором, и прежде всего с

самоиронией, выходит из сложных ситуаций. Выбранный писателем жанр коротких рассказов обуславливает многоплановость создаваемых образов и позволяет читателю лучше познакомиться со многими сторонами жизни человека в миграции: работа, бытовая сфера, общение с органами правопорядка, друзья, соседи-мигранты, любовь, семья. Имя Владимира Каминера неразрывно связано с темой миграции в ФРГ, адаптации мигрантов в немецкоязычном пространстве. Писатель не стремится «адаптироваться» в чужой стране, а наоборот, подчеркивает свое мигрантское прошлое, разговаривая с ярко выраженным русским акцентом и часто затрагивая тему России в теле- и радиовыступлениях¹¹.

Как мы уже отмечали, в своей карьере В. Каминер не ограничился писательством, он также является организатором так называемой «Русской дискотеки» – музыкальных мероприятий с элементами русской культуры; был владельцем ночного клуба «Rodina» в центре Берлина. Невероятный успех Каминера в создании собственного бренда доказывает актуальность темы миграции у немецкоязычного читателя: двадцать четыре опубликованные книги, десятки интервью, выступления на радио и телевидении. Активное позиционирование писателем себя как русского мигранта в Германии нередко становилось причиной обвинений в адрес В. Каминера о намеренном использовании личного миграционного опыта на фоне феномена популярности темы мультикультурализма и миграции в ФРГ с целью заработка и привлечения читателей к собственному литературному творчеству.

В языковом и культурном выражении Владимир Каминер не пытается изолироваться в своей этнической группе. Он не создает особой мигрантской языковой системы, его произведения литературно не особо притязательны. Однако у автора есть потенциальная возможность быть прочитанным и

¹¹ Писатель на протяжении нескольких лет вел программу «Wladimirs Welt» на радио ZFB 4 Radio Multikulti, а также рубрику в утреннем шоу на телеканале ZDF; с марта 2014 года В. Каминер ведет ежемесячную рубрику «Кино Каминера» для журнала о кино «epd Film».

понятым всеми: не только представителями иностранных диаспор в Германии, но и коренным населением. Определенная солидарность с представителями других иностранных общностей находит свое отражение в одном из монологов главного героя в рассказе «Suleyman und Salieri» («Сулейман и Сальери»): «Враждебность к иностранцам была какое-то время популярной темой, и вдруг у многих, кто не имеет между собой ничего общего и кто раньше, возможно, ничего не хотел слышать друг о друге – арабы, евреи, китайцы, турки, – появляется чувство сплоченности, а все потому, что они иностранцы» [Kaminer 2000: 73].

Авторы, которых принято относить к «мультикультурной» литературе, не поднимают в своем творчестве специфических мигрантских тем, характерных для первых поколений приехавших в Германию писателей: «Вместо конструкций, подчеркивающих чуждость, или описания жизни мигрантов, вызывающие сострадание, эти сочинения больше посвящены необратимой связи мигрантской жизни с принимающим обществом, а также описаниям ярости против расистских структур» [Kien Nghi Ha 2001]. Тем не менее мотив миграции явственно присутствует в их литературном творчестве, что доказывают многочисленные примеры из произведений Л. Горелик, О. Грязновой, К. Петровской, А. Бронски, Э. Хуммель, В. Каминера, В. Вертлиба. Авторы, переехавшие в Германию в детском или подростковом возрасте, намеренно выбирают для своих произведений немецкий язык, что делает целевой аудиторией их произведений немецкоязычных читателей. Несмотря на это, писатели активно используют его – в силу востребованности миграционных тем – и их произведения занимают значимое место на литературной сцене Германии.

Таким образом, в произведениях авторов-мигрантов можно выявить постепенный отход от тематики миграции. В то время как первые немецкоязычные произведения авторов (особенно дебютные) посвящены теме миграции, самые последние их работы часто затрагивают проблемы жизни мигрантов в немецкоязычном пространстве лишь опосредованно либо не

затрагивают вовсе. Таким писателям, как Алина Бронски, Лена Горелик, Владимир Каминер и другим, безусловно, удалось выработать индивидуальный почерк, что можно интерпретировать как выражение самобытной литературной практики.

2.2. Оппозиция «свой» – «чужой» в мигрантской литературе

Уже несколько десятилетий оппозиция «свой» – «чужой» является объектом исследования многих наук: социологии, психологии, культурологии, филологии и др. В художественной литературе мотив противопоставления «своего» – «чужого» встречается уже в таких древних памятниках литературы, как «Одиссея» Гомера. Стоит подчеркнуть двойственный характер процесса восприятия «своего» и «чужого», в котором понимание одной категории строится на актах понимания другой. С одной стороны, оппозиция «свой» – «чужой» раскрывается при применении текста в актуальной ситуации интерпретации, с другой – «обладает функцией предварительного понимания текста читателем» [Wierlacher 1994: 4].

Поскольку категории «свой» и «чужой» находятся в бинарной парадигматической оппозиции, возникает закономерный вопрос об особенностях внутритекстового выражения этой оппозиции в литературных произведениях авторов-мигрантов. Еще в ранних их работах наблюдалась ярко выраженная «проблематика идентичности» [Baumgärtel 1997: 54]. Речь в данном случае идет о «постоянном поиске авторами-мигрантами своего места между родиной и чужбиной и неуверенности в собственном будущем» [Amodeo 1996: 42].

Как отмечает М. Хоффманн, понятия «свой» и «чужой» легли в основу межкультурного литературоведения, стремящегося теоретически обосновать процессы, происходящие в литературе на границе столкновения культур [Hoffmann 2006: 26]. Примеры того, как герои-мигранты несут в себе культуру родной страны и представляют ее носителям «чужой» культуры, можно

встретить в произведениях всех русскоязычных писателей-мигрантов, создающих свои произведения в немецкоязычном пространстве на немецком языке. Противостояние концептов «свой» и «чужой», «родина» и «чужбина», «Запад» и «Восток» встречается в творчестве таких современных писателей, как Владимир Вертлиб, Алина Бронски, Ольга Грязнова, Владимир Каминер и др. Более того, образ родины и его противопоставление чужбине играют важную роль в произведениях авторов-мигрантов, отражая отношение героев к окружающей их действительности и помогая передавать их внутреннее развитие.

В романе Лены Горелик «Мои белые ночи» образ родины проходит лейтмотивом через всё произведение. Переехав в чужую страну, герои не замыкаются на чувстве тоски и потерянности, а наоборот, открыты для взаимодействия с представителями другой культуры и испытывают к ней искренний интерес. В начале романа перед читателем предстает картина подготовки семьи главной героини к переезду из России в ФРГ. Сомнения героев в правильности сделанного выбора и их обеспокоенность будущим в чужой стране отражены в следующем отрывке из романа: «Хороший вопрос. Что нужно брать с собой, когда мигрируешь из России в Германию? Что брать с собой, когда уезжаешь в страну, где раньше ни разу не был и не знаешь никого, кто хоть раз её видел» [Gorelik 2004: 9]. Семье приходится жертвовать очень многим: общением с оставшимися в России членами семьи и друзьями, дата следующей встречи с которыми неизвестна, работой, уютной квартирой и даже любимой собакой, которую немецкое консульство не разрешает взять с собой: «Письмо, которое мы получили на свой запрос, можно ли нам взять собаку с собой, начиналось со слова "к сожалению". Это единственное слово, которое я знала по-немецки. Я проплакала всю ночь» [Gorelik 2004: 9]. Несмотря на определенные трудности, связанные с переездом, семья делает выбор в пользу эмиграции в ФРГ. Географическое перемещение из одной страны в другую формирует образы родины и чужбины в сознании читателя уже в самом начале произведения. Прослеживаются четкие соответствия

«родина» – «свой», «чужбина» – «чужой» и оппозиция между этими двумя категориями. Позднее, с развитием сюжета романа и процесса постепенной интеграции протагонистов в культуру принимающей страны, соотношения концептов в рамках этой оппозиции меняются.

Говоря об изменении оппозиции «свой» – «чужой», следует отметить подвижность границы между этими категориями. Подобное явление обозначили ученые-литературоведы еще в 1980-х годах, а также сами писатели. Например, говоря о своем творчестве в контексте нахождения между двумя различными культурами, К. Хиллино отмечает: «Неправильно указывать в отношении моей лирики только ее роль посредника между родиной и чужбиной, между вчера и сегодня (в обоих направлениях). Так как то, что связывает меня с родиной, – это ее потеря, а не родина как собеседник или адресат моей литературы» [Chiellino 1986: 13]. В своем научном труде «Введение в межкультурное литературоведение» М. Хоффманн указывает, что особенностью современного глобализированного общества и является стирание границы между «своим» и «чужим», и это ведет к появлению «переходного состояния» и «открытой идентичности» [Hoffmann 2015: 12], так же, как и наличие оппозиции «свой» – «чужой» в литературном творчестве мигрантских авторов. М. С. Потёмина отмечает бинарные оппозиции «я – другой» и «свой – чужой» как центральные концепты «национального ощущения писателей и их протагонистов в современной Германии» [Потёмина 2016: 91].

Четкие параллели концептов «свой» и «чужой» можно встретить во многих произведениях писателей-мигрантов. При этом описания родины в их произведениях выполняют различные функции. Например, у Владимира Вертлиба в романе «Люсия Бинар и русская душа» родина представляется, прежде всего, как географическое место, откуда родом один из героев произведения: «Город в Уральской области, в котором жили три поколения семьи, находился не в Башкортостане. Дома, разумеется, говорили исключительно на русском, и когда в Австрии у Александра спрашивали, кем

или чем он является, он чаще всего именовал себя русским» [Vertlib 2015: 56]. Обозначение конкретного места, откуда родом герой, вызвано необходимостью, прежде всего, объяснить его акцент, что никак не отражается в его отношении к стране, откуда он в прошлом уехал в Австрию:

«А Вы откуда родом?», – поинтересовался у него водитель такси».

«Из России».

«На самом деле? Вы совсем не похожи на чеченца».

«Я башкир» [Vertlib 2015: 54].

Очень часто перенесенный негативный миграционный опыт накладывает отпечаток на героев, эмигрировавших в другое культурно-языковое пространство, в связи с чем образ родины нередко вызывает у героев-мигрантов определенные эмоции, чаще всего – негативные.

Пример подобных негативных ассоциаций с родиной мы можем встретить, например, в романе Ольги Грязновой «Русский – тот, кто любит березы». «Слово Родина ассоциировалось у меня с погромом. То, по чему я скучала, – были близкие люди», – пишет главная героиня романа «Русский – тот, кто любит березы» [Grjaznowa 2012: 203]. Как и в творчестве Ольги Грязновой, в произведениях других писателей-мигрантов прослеживается четкий ассоциативный ряд: «свой» – «родина» – «бюрократия» – «бедность» – «разруха». То есть «свое» чаще всего ассоциируется у героев современной прозы с негативными ситуациями, которые послужили причиной их эмиграции в другую страну. При этом образ принимающей страны и связанный с ним ассоциативный ряд формируется антонимично: «чужой» – «чужбина»; «благополучие» – «комфорт» – «богатство». Четкое противопоставление концептов «родина» – «чужбина» обычно наблюдается в начале произведений с ярко выраженной тематикой миграции (например, в дебютных либо ранних книгах современной мигрантской литературы). После четкого противопоставления названных понятий в произведении можно наблюдать размытие границы между концептами «свой» – «чужой», при котором происходит смешение элементов и гибридизация.

Герои произведений мигрантской прозы всегда имеют некоторые ожидания относительно принимающей страны: «Мы были за границей, мы втроем, и не где-то, а в Германии. В стране, которая нас не покорила» [Bronsky 2012: 201]. При этом ее образ в ожидании переезда часто формируется в идеалистическом ключе. Как уже было упомянуто нами относительно тематики мигрантской прозы, подобная особенность имеет сходство с формированием образа родины в произведениях писателей первых волн миграции: несмотря на тоску по своей покинутой родине, герои представляли свою покинутую родину в виде некоего рая и чувствовали себя потерянными в чужой стране. В современной мигрантской прозе наблюдается прямо противоположный процесс: у героев произведений резко негативные ассоциации, связанные с родной страной, но они очень позитивно воспринимают принимающую страну, несмотря на отсутствие полной информации о ней.

В романе Ольги Грязновой «Русский – тот, кто любит березы» сразу после прибытия в ФРГ к семье главной героини на вокзале подходит незнакомый мужчина и заговаривает с ними по-русски: «Это вы правильно сделали, что уехали. Но вы сделали две ошибки: вы должны были это сделать еще двадцать лет назад, и вы должны были взять с собой лишь это. Он показал на желтую папку с документами» [Grjaznowa 2012: 82]. Ожидания и внутреннее идеалистическое представление героев о «чужой» стране поначалу совпадают с реальностью в момент приезда на Запад.

Однако впечатление о Германии как о «яркой», «светлой» стране вскоре разбивается о реальность, в которой «чудный запах на вокзале в Берлине... вообще-то только в одном месте, там, где продают что-то, что выглядит как хлеб с расплавленным на нем сыром. Стоимостью в половину заработной платы» [Grjaznowa 2012: 81]. Не совпадающие с реальностью ожидания становятся причиной размыwania ассоциативных рядов «свой» – «чужой», «родина» – «чужбина», что ведет к замене «своего» (Россия) на «чужое»

(Запад), и наоборот: образ России приобретает положительные оттенки в сознании героев, а образ Германии становится более реалистичным.

Стоит также отметить, что, поскольку Германия является неотъемлемой частью топоса мигрантской литературы, ее образ складывается у читателя через призму восприятия героев произведений, причем описание дается с двух сторон: с точки зрения героев-мигрантов, которые воспринимают страну как новый дом: «В Германии нельзя было так просто лениво лежать и ничего не делать. Здесь нельзя было ничего получить просто так» [Бронски 2012: 208]; и с точки зрения коренного населения, вынужденного принимать мигрантов в своем обществе: «...Нашим согражданам, будь они приезжими или рождёнными в Германии, но тем не менее остающимся чужими, не стоит показывать, что их игнорируют, не воспринимают всерьез или не ценят их намерений быть приветливыми и дружелюбными» [Vertlib 2015: 43].

Герои-мигранты постепенно учатся проводить четкую грань между «своим» и «чужим», поскольку вынуждены мириться с определенным отношением к себе: «В посещаемой мной гимназии люди были знакомы с мигрантами лишь по низкосортным журналам и телевидению. Хотя в моём классе и училась девочка, чья мама была родом из Финляндии, а в параллельном классе был мальчик голландского происхождения, но ни та, ни другой не носили одежды из "Алди", да и вообще они были мормонами. Арабов, чернокожих и турок не было вовсе... Три года я почти не разговаривала» [Grjaznowa 2012: 38]. Можно наблюдать негативное отношение со стороны принимающего общества к иностранцам в их стране: «Пожилая женщина вдруг начала кричать на меня: что я за женщина такая, и как я вообще посмела заговорить с ней, женой партизана? Мой муж, вероятно, заказал меня из украинского каталога. Есть ли у меня вообще манеры?» [Grjaznowa 2012: 78]. В романе Владимира Вертлиба «Люсия Бинар и русская душа» на предложение открыть квартиры для беженцев одна из героинь едко замечает: «Скоро у нас тут будет колония нигеров и штаб-квартира исламской террористической организации. Афганские талибы. Наркоторговцы из Ганы.

Марокканские воры» [Vertlib 2015: 76]. Также показательна фраза одного из героев романа Ольги Грязновой «Русский – тот, кто любит березы»: «Как ты вообще себя ведешь на немецких улицах? Ты здесь лишь гость» [Grjaznowa 2012: 155]. Подобные примеры отражают острую проблему взаимоотношений мигрантов и коренного населения в современном обществе Германии и приносят реалистичность в произведения авторов-мигрантов.

Для процесса адаптации героев-мигрантов в чужой культуре характерно присутствие в нем воспоминаний о родной культуре. С одной стороны, они пытаются найти гармонию между «своим» и «чужим» и интегрироваться в принимающее общество, с другой – не потерять память о собственном прошлом. Примером определения интеграции в данном случае может служить высказанное в романе Ольги Грязновой мнение одного из политиков, речь которого переводила главная героиня: «Успешная интеграция требовала ясности вместо приукрашивания действительности, понимания последствий, а не ограничений. Открытость миру, взаимное уважение, а также закон и порядок неотъемлемы друг от друга. И для совместной жизни людей различных культурных и религиозных взглядов в нашей стране отличной основой является четкое осознание себя в лучшем смысле этого слова, как и осознанное принятие нашей христианской традиции» [Grjaznowa 2012: 137]. В этом высказывании прослеживается отношение самого автора к вопросу взаимоотношений представителей двух различных культур на территории одного государства.

Смешанное, гибридное состояние, вызванное постоянным нахождением между двумя культурными традициями, проявляется в столкновении различных стилей жизни, показанном в произведениях писателей-мигрантов. Несмотря на опыт миграции, жизни в другой стране, герои мигрантской прозы часто испытывают чувство потерянности. Такой представляется и главная героиня романа Алины Бронски «Парк осколков». Находясь между двух культур, вначале она не может найти свое место в иноязычном пространстве, однако постепенно «культурный монолог» превращается в «культурный

диалог», и она наконец находит гармонию внутри себя. Успешную интеграцию героев в принимающую культуру при сохранении памяти о родной культуре можно наблюдать практически во всех произведениях с ярко выраженной мигрантской тематикой – это становится типичной чертой немецкоязычной мигрантской прозы таких писателей, как Л. Горелик, А. Бронски, О. Грязнова и др.

Особую группу в современной мигрантской прозе составляют второстепенные герои-мигранты, не способные адаптироваться в чужой культуре. Например, в отличие от главной героини романа Алины Бронски «Парк осколков», героиня ее же романа «Последняя любовь бабы Дуни» показывает противоположный вариант поведения. Баба Дуня не хочет переехать в другую страну, несмотря на предложение дочери, успешно ассимилировавшейся в Германии несколько лет назад, не хочет подстраиваться под стремительно изменяющуюся окружающую реальность. Она оказывается заложницей сложившейся ситуации и собственного выбора, поскольку ее нежелание уехать из опасной, зараженной радиацией местности угрожает ее здоровью. Следование своим принципам становится для нее в определенный момент единственным приемлемым выбором.

Подобный вариант культурного поведения можно наблюдать и у героини романа «Парк осколков» Марии, приехавшей из Екатеринбурга ухаживать за племянниками после смерти их матери: «Если она делает покупки в русском супермаркете, то должна показывать пальцем или писать цифры. Для этой цели она всегда носит с собой блокнот. После каждого похода в «Алди»¹², она сама не своя. Если к ней обращаются на улице, она начинает запинаться и покрывается красными пятнами. Предложение "я говорю только по-русски" я учила с ней две недели. Бумажку с ним она носит в кошельке с транскрипцией кириллическими буквами» [Bronsky 2008: 27]. Неспособность Марии адаптироваться к изменениям, происходящим в окружающей реальности – пример отторжения «чужого» и полного

¹² «Алди» – нем. «Aldi» – сеть супермаркетов в Германии.

растворения в «своем», причем изоляция в «своем», делает героев сужающими собственные горизонты.

Интеграция мигрантов в немецкоязычное пространство становится причиной постепенного смешения элементов «своего» и «чужого», появления идей мультикультурализма у героев как формы преодоления вражды. Пример подобного мировоззрения показывает один из героев романа Алины Бронски «Самые острые блюда татарской кухни», который высказывает свою точку зрения следующим образом: «Хотя этого не было видно с первого взгляда, но он был татарин. Он всегда говорил, что это все субъективно – это разделение между русскими и украинцами, между евреями и цыганами, узбеками, башкирами, азербайджанцами, армянами, чеченцами, молдаванами ... и татарами. Он родился в Казани, но это не пошло ему на пользу. У него была мечта: перемешать всех людей, увезти их далеко от родительских домов, от того, что определяет культурные корни, освободить от тяжелого бремени. Он считал, что все эти различия дискриминировали людей» [Bronsky 2010: 80]. В романе «Русский – это тот, кто любит березы» в контексте национального и культурного многообразия А. Бронски иронически отмечает: «Его мультикультурализм находил отклик в залах конгрессов, в конференц-центрах и дорогих отелях. Для него интеграция выражалась в требовании отмены головных платков в пользу более свободной одежды, в поиске эксклюзивного вина или необычного путешествия [Grjaznowa 2012: 33], – что подчеркивает болезненное отношение героев к положению мигрантов в ФРГ.

Следует также отметить, что оппозиции «свой» – «чужой», «Восток» – «Запад» находят отражение в эксплицитном и имплицитном использовании авторами-мигрантами в своем литературном творчестве определенных авто- и гетеростереотипов. Писатели часто обращаются к вопросам национально-культурных различий между русскими и немцами. Так, «типично немецкими» качествами характера в произведениях мигрантской прозы являются скупость [Martynowa 2013: 292], педантизм и стремление к порядку [Kaminer 2011a: 237], мещанство [Grjaznowa 2013: 113], заикленность на здоровье и

экологически чистых продуктах [Kaminer 2011c: 216]. В отношении стереотипов о русских, прежде всего, стоит отметить эмоциональность и душевную теплоту [Gorelik 2004: 30; Gorelik 2007: 69], религиозность [Gorelik 2007: 48; Bronsky 2008: 199], глубокомыслие [Martynowa 2013: 294; Kaminer 2011a: 267], тесную связь с природой [Gorelik 2007: 146; Gorelik 2004: 248]. Говоря о встречающихся в мигрантской прозе стереотипах о России следует назвать нередкие клише о «новых русских» [Vertlib 2016: 219], русской мафии [Kaminer 2000: 103; Kaminer 2005: 69], необразованных жителях «русских гетто» в Германии [Bronsky 2008: 7].

Обращаясь в своих произведениях к национально-культурным стереотипам, писатели-мигранты часто используют такие литературные приемы, как юмор, ирония и сатира. Ярким примером является ситуация, описанная в конце романа Владимира Вертлиба «Остановки в пути». Главный герой предстает перед читателем как человек, давно освоившийся в обществе принимающей страны – превратившийся «в настоящего австрийца, точнее говоря, в венца»¹³. Он воспринимает свой переезд из Вены в Зальцбург очень оптимистически и даже покупает стереотипную «зеленую тирольскую шляпу с перьями» [Vertlib 1999: 292], чтобы стать более похожим на жителя провинции. Тем не менее шляпа воспринимается, скорее, как очередная маска – инструмент новообретенной идентичности человека, привыкшего адаптироваться в новой среде, что позволяет рассматривать «хэппи энд» в заключительной сцене романа в сатирическом ключе.

Многочисленные примеры иронии можно найти в романе Ольги Мартыновой «Даже попугаи переживут нас». Например, главная героиня так комментирует расстрел матросами слона в 1917 году: «Матросы-революционеры расстреляли императорского слона, вероятно, как классового врага пролетариата» [Martynova 2013: 44]. Роман пронизан критикой советского времени, озвученной чаще всего главной героиней Мариной.

¹³ Перевод с нем. Веры Ахтырской. Роман В. Вертлиба «Остановки в пути» был переведен издательством «Симпозиум» в рамках серии «Австрийская библиотека» в 2009 году.

Говоря о Советском Союзе, она всегда упоминает бедность как характерную черту жизни людей того периода. Например, описывая наряд Марины, она иронически отмечает: «Так подходящие ей к лицу жакет и блузка были сшиты из мешка» [Martynova 2013: 68]. Данный пример указывает на трудную жизнь деятелей искусства в СССР и еще раз подчеркивает негативное отношение героини к советской эпохе.

Литературное творчество Владимира Каминера – пример юмористического использования стереотипов и клише. Так, стереотип о стремлении немцев к тотальному порядку и контролю автор обыгрывает при описании мягкой немецкой зимы, о наступлении которой обычно сообщают «на специальном языке катастрофы, как только с неба упадут несколько снежинок» [Kaminer 2011b: 91]. Стоит отметить, что наблюдения писателя часто основаны на простом сравнении «русских» и «немцев» в повседневных ситуациях общения, однако отдельные рассказы писателя можно рассматривать с более широкой – исторической – точки зрения. Некоторые исследователи полагают, что определенные рассказы В. Каминера дают примеры метонимических сдвигов и представляют интерес с точки зрения формирования коллективной памяти (см., например: [Isterheld 2017]). Речь идет, в частности, о рассказах «Соревнование», «Кенгуру» из сборника «С наилучшими пожеланиями из Германии» («Herrzliche Grüße aus Deutschland»), в которых писатель обращается к сравнению русской и немецкой культур через призму более глубоких исторических наблюдений: «Когда я говорю с немцами о моей родине, я почти всегда слышу похвалу. "О, этот Достоевский! О, Толстой! О, эта мафия! И таинственная русская душа" ... Последняя всегда действует на них как змея на кролика. Гёте воспевал её, то же самое делали Рильке, Чингисхан, музыкальная группа "Бони М". При этом не стоит забывать об Иване Реброве и популярной певице Александре с хитом "Черная балалайка", самым впечатляющим шлягером, который я когда-либо слышал на немецком языке» [Kaminer 2011a: 268]. Однако вопрос использования писателем приема метонимичных сдвигов остается дискуссионным ввиду

сомнений отдельных исследователей относительно качества литературного творчества Владимира Каминера и обоснованности поиска субтекста в его произведениях (см., например: [Hausbacher 2009: 257]).

В своих произведениях авторы репрезентируют знакомые им самим ситуации реального взаимодействия представителей различных культур, основанные на столкновении оппозиций «родина» – «чужбина», «свой» – «чужой». Часто сравнение двух концептов выражается в использовании авторами национально-культурных стереотипов и клише. Тем не менее своим творчеством писателям-мигрантам удается не только показать возможные стратегии развития кризисных ситуаций, но и привлечь внимание широкой общественности, а также средств массовой информации к острой проблеме миграции в ФРГ.

2.3. Репрезентация гибридной идентичности в произведениях немецкоязычных писателей-мигрантов

В современном глобализированном обществе нередко можно наблюдать процессы размывания границ между «своим» и «чужим» и смешения элементов различных культур, что становится причиной появления новых форм открытой межкультурной идентичности. Британский ученый Х. Бхаба указывает на существование переходного «гибридного» состояния между двумя языками и культурами, где авторы-мигранты, с одной стороны, «находят черты принадлежности к каждому из них, с другой – не относятся при этом ни к одному» [Bhabha 1994: 2]. В данном контексте особый интерес представляет отношение самих писателей к вопросу существования гибридного пространства. Например, французко-сенегальская писательница Фатоу Диоме в одном из своих интервью отметила, что «она, как часто говорят мигранты, сидит не между двумя стульями, а на одном большом стуле, "который состоит из двух стульев"» [Mbiga 2010: 127].

Как отмечает О. Ильясова-Моргер, в современных литературных текстах все чаще тематизируются пересекающие национальные границы стили жизни, идентичности, опыт, встречи, которые не могут быть адекватно описаны в бинарных категориях «чужого» и «своего» [Ijasowa-Morger 2009: 46]. Герои произведений мигрантской прозы, как и сами авторы, находятся в состоянии поиска собственного «Я» между культурами и языками, а также своего места в новой межкультурной реальности.

Процесс формирования межкультурной идентичности неотъемлемо связан с интеграцией мигранта в общество принимающей страны и происходит постепенно. Проблема определения героя-мигранта между культурами отражена во многих произведениях современной мигрантской прозы. Одним из примеров можно назвать героиню романа Владимира Вертлиба «Люсия Бинар и русская душа»: «После развала Советского Союза она на какое-то время уверовала, изучала Коран и ходила на занятия у муллы, но в скором времени, под влиянием свойственного ей сарказма, отреклась от веры и заявила: "Бог, Моисей, Иисус, Мухаммед, Павел, Гитлер, Сталин, Брежнев, Горбачев или Ельцин и, конечно же, все четыре Папы, митрополиты и патриархи – одно у них всех общее. Все они выдавали свои слова за правду, а в действительности хотели лишь одного: подавить нас и за наш счёт обогатиться, особенно нас, женщин, страдая, по всей видимости, одинаковым комплексом или просто стесняясь своих маленьких писюлек"» [Vertlib 2015: 111]. Найти себя через религию пытается и главная героиня романа Ольги Грязновой «Русский – тот, кто любит березы». Маша ищет свое место между языками, между культурами и религиями, пытаясь сделать выбор между двумя верованиями, однако не может найти ответ ни в одном: «Я знала только две молитвы: "Отче наш" и "Внемли, Израель". "Отче наш" был бесполезен, а одной лишь "Внемли, Израель" было недостаточно» [Grjaznowa 2012: 23]. Можно предположить, что поиск ответов в религии становится для персонажей мигрантской прозы одним из самых простых и понятных решений сразу после переезда в другую страну, поскольку не требует от них

интеграции в принимающее общество и коммуникации с представителями другой культуры, а ограничивается лишь внутренним миром героя.

С течением времени герои-мигранты вынуждены контактировать с окружающей их иноязычной реальностью. Культурные особенности чужой страны, с которыми приходится сталкиваться, заставляют их задуматься о своем месте в обществе принимающей страны, что непременно ставит их в положение острой необходимости определения своего места в иноязычном пространстве, а также собственной идентичности. Показательно в этом отношении следующее высказывание О. Грязновой: «Непозволительно долго я не могла себе представить, на каких языках говорили тогда мои родственники, каким языком они учили своих детей. С высоты моих космополитических взглядов, они должны были научить всех "глухонемых" всем языкам мира, как будто "глухонемые", как и сироты, были белым листом – свободны сделать любой язык и историю своими собственными. Я оставалась "глухонемой" для еврейства. Это была моя история, мои корни, но все это была не я» [Petrovskaja 2015: 51]. Как видно из приведенного отрывка, сделать этот выбор для героев мигрантской прозы нелегко, поскольку он требует от них четкого определения особенностей каждой из возможных культурных групп:

«–Ты выглядишь не как немка.

–А как выглядят немцы?

–Без понятия.

–А русские, как выглядят они?

Он пожал плечами и сказал:

–Как люди, которые любят березы.

–А американцы?

–Посмотри вокруг. В Палестине их полно.

–А палестинцы?

–Как люди, которые привыкли долго ждать» [Grjaznowa 2012: 265].

Поскольку положение мигрантов можно определить как некое пространство «между», где происходит смешение элементов различных культур и языков, перед героями-мигрантами открывается возможность различных вариантов самоидентификации. Можно говорить о том, что в произведениях мигрантской прозы наблюдаются три четко прослеживаемые манеры поведения, определяющие уровень интеграции героев-мигрантов в принимающее общество. Речь идет следующих поведенческих вариантах:

1. изолированность от окружающей иноязычной действительности;
2. полное слияние с иноязычной действительностью;
3. гармоничное «вписывание» в инокультурное пространство при условии сохранения традиций и культуры родной страны = формирование межкультурной идентичности.

Изолированность от окружающей мигранта иноязычной действительности может быть преднамеренной, а также неосознанной. Примером преднамеренной изолированности могут служить герои романа Алины Бронски «Парк осколков», живущие в квартале для русских мигрантов. Они осознанно отгораживаются от иноязычной действительности, не контактируя ни с кем за пределами района. Мигрантский квартал становится для них своего рода малой родиной, в которой они пытаются сохранить традиции родной страны, однако ограниченность числа жителей квартала и полная информационная изолированность от окружающего мира в итоге приводят к постепенной деградации живущих там. Ненамеренная (неосознанная) изолированность выражается в кажущейся открытости героя к контактам с представителями другой культуры, однако внутренняя скованность мешает ему по-настоящему открыться окружающему иноязычному миру. Пример ненамеренной изолированности можем найти также в романе Алины Бронски «Парк осколков» – дальняя родственница главной героини Мария, уже упомянутая ранее: «За два года Мария выучила двадцать немецких слов, среди которых "автобус", "картофель", "масло",

"мусор", "готовить", "стирать", "отвали" (последнее она иногда кричит темноволосым подросткам, когда те свистят ей вслед на улице и показывают угрожающие жесты). Из всех этих слов она пытается составлять предложения. Чаще всего, ей это не удается"» [Bronsky 2008: 26]. Стоит отметить, что и в случае намеренной изолированности, и при ненамеренной результатом становится оторванность от окружающей иноязычной реальности и замкнутость в своем мире.

Второй вариант поведения – слияние с инокультурной реальностью – характеризуется полным отказом героя-мигранта от традиций родной страны и растворением в принимающей культуре. Речь идет о героях, полностью отрицающих культурную память своего народа. Однако в этом контексте возникает вопрос о том, можно ли в принципе говорить о возможности полного перехода в культуру чужой страны? Как показывает пример одной из героинь романа Алины Бронски «Последняя любовь Бабы Дуни» – внучки бабы Дуни, живущей в Германии, память о корнях не может быть бесследно забыта. Даже не зная родного языка своей матери и бабушки, девушка стремится познакомиться с историей своей семьи. Письма к бабушке в другую страну становятся для внучки надеждой понять не только родную культуру предков, но и себя.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что как отторжение культуры принимающей страны, так и полное слияние с ней – это крайние состояния для героев-мигрантов, которые нельзя назвать гармоничными. Очень часто поиск своего места в иноязычном и инокультурном пространстве, который вынуждены проделать герои-мигранты, очень извилистый, нередко им приходится пройти последовательно через несколько этапов и только потом найти гармонию внутри себя и в окружающем мире, в новой культурной и языковой реальности. И это становится возможным лишь при условии формирования у героев новой межкультурной идентичности, позволяющей им успешно сочетать элементы различных культур.

В современной мигрантской прозе можно найти немало героев с успешно сформированной межкультурной идентичностью. Одна из них – главная героиня дебютного романа Алины Бронски «Парк осколков». Саша ищет свое место в иноязычной реальности и на фоне трагических семейных обстоятельств пытается адаптироваться к условиям жизни в другой стране. В самом начале романа девушка рассказывает о первых днях в ФРГ, когда было полное непонимание чужой культуры. Героиня предполагает, что в элитную гимназию ее взяли, «чтобы немного попробовать интеграцию» [Бронски 2008: 14], поскольку в своем классе она была единственной с «мигрантским прошлым». Впоследствии героиня адаптируется к реалиям другого языкового и культурного пространства и находит свое место в новой межкультурной реальности. Саша проходит стадии адаптации, первая из которых сопровождается отторжением от культуры принимающей страны и чувством потерянности. На этой стадии она ощущает себя ненужной и потерянной в чужой стране, где ее никто не понимает. Затем она начинает непроизвольно сравнивать Германию с Россией и небольшой частью России в Германии – кварталом для русских (в котором сама живет) или, как она его называет, «русским гетто». Героиня понимает, насколько невыигрывшно выглядит при таком сравнении место, откуда она родом, насколько ограниченны и неинтересны люди, связывающие ее с Россией, – те, кто живет вместе с ней в квартале для русских мигрантов: «Я тут же вспоминаю те слова, что написаны в Москве на ветхих заборах и нацарапаны в квартале на стенах домов. За любое из этих слов я бы тут же вылетела из школы» [Bronsky 2008: 163]. На этом этапе адаптации культура бывшей родины уступает для нее культуре «нового дома» – Германии, буквально растворяясь в ней: «Я всегда цеплялась за эту квартиру. Но я больше не могу. Я хочу уехать отсюда. Возможно, в центральную часть города, но я же должна здесь закончить школу. Я ненавижу этот квартал. Я ненавижу этих людей. Но я ничего не могу сделать, а они еще меньше. Все нищие свиньи. И становятся все беднее. Я их провоцирую, и им это нравится, и они тайно ненавидят меня. Я ненавижу эту

вонь здесь, и вещи на балконах, и спутниковые тарелки» [Bronsky 2008: 199]. В конце романа главная героиня полностью ассимилируется в инокультурном и иноязычном пространстве, не отвергая при этом собственное мигрантское прошлое, но найдя свое место в иноязычной культуре. Именно успешный поиск себя в пространстве между разными языками и культурами позволяет ей построить свою жизнь в другом направлении и развиваться дальше уже в новой стране.

Для героев мигрантской прозы залогом успеха становится принятие собственного положения «между» культурами, обретение гармонии между «своим» и «чужим». Подобным образом ведут себя герои многих произведений немецкоязычных писателей-мигрантов из бывшего СССР, например персонажи юмористических рассказов Владимира Каминера. Будучи мигрантами, они находятся в положении «между» культурами, однако не страдают от чувства потерянности или тоски по родине, а ищут способы адаптироваться в иноязычном пространстве. Как и для героини романа Алины Бронски, для героев В. Каминера Россия – родная страна, но постепенно она становится далекой и чужой, а единственным, что связывает их с ней, остаются воспоминания. Однако эти воспоминания не окрашены в идиллистические цвета, как у героев мигрантской литературы первого поколения [Hamm 1988], и содержат негативные воспоминания о разрухе, несправедливости, бюрократизме, упадке, характерных для страны в советские времена либо в эпоху Перестройки. Современные герои-мигранты не испытывают тоски по родине, не хотят вернуться туда. Их главным стремлением становится полная адаптация в обществе страны, в которой они провели большую часть своей жизни, что делает их самих «гибридами», соединяющими в самоидентификации элементы обеих культур. К таким героям-«гибридам», обладающим межкультурной идентичностью, можно отнести, помимо вышеназванных, также героиню романа Лены Горелик «Мои белые ночи» Аню, очень похожую на Сашу Найманн – протагониста романа Алины Бронски «Парк осколков». Обе девушки свободно владеют немецким

языком, разговаривая на нем без акцента. Как иронично говорит Ольга Грязнова о встрече героини своего романа с ее лучшим другом (также мигрантом), они становятся примером «прекрасно интегрировавшихся образцово-показательных мигрантов» [Grjaznowa 2012: 57]. Более того, они хорошо социализированы в немецкоязычном обществе: учатся или работают, строят личные отношения с представителями другой культуры, не ограничены в правах и обязанностях – то есть ведут абсолютно нормальную жизнь гражданина Германии. В этом контексте возникает интересный вопрос о том, когда мигрант перестает быть мигрантом: после получения гражданства принимающей страны, после полного освоения языка или, может быть, только, если он родился в этом государстве? Или он навсегда останется «чужим», обладающим «мигрантским опытом», пока есть память об этом?

В рамках дискуссии об идентичности данные вопросы можно сформулировать следующим образом: «Когда мигрант перестает чувствовать себя мигрантом и когда может назвать принимающую страну родиной?» В романе писательницы Ольги Грязновой «Русский – тот, кто любит березы» главная героиня так выражает свою идентичность: «Я живу в Германии. У меня немецкий паспорт. Я не израильтянка. Я живу не в Израиле. Я не выбирала Израиль, и у меня нет никакой связи с израильским правительством» [Grjaznowa 2012: 63]. Герои романа О. Грязновой «Юридические неточности брака» Лейла и Алтай сразу воспринимают для себя Германию как спасательный круг, здесь они могут не скрывать свою ориентацию, они открыты для всего нового, очень легко чувствуют себя между двумя разными культурами, имеют отличную работу, говорят на нескольких языках. Для них процессы мировой глобализации и транскультурности были априори понятными и естественными, а миграция стала способом освобождения. Становится очевидным, что невозможно получить однозначные, подходящие для всех ответы на вопросы о самоопределения человека (мигранта) между двух культур, в связи с чем дискуссия о межкультурной идентичности актуальна по настоящее время.

Современная мигрантская проза предоставляет широкий диапазон поведенческих вариантов героев произведений внутри так называемого «пространства между»:

1. Отторжение «чужого» культурного и языкового пространства и неспособность полностью адаптироваться в новых условиях, заикливание на прошлом (например, Мария из романа Алины Бронски «Парк осколков», герои рассказов Владимира Каминера из «русских» районов).

2. Полное принятие культуры принимающей страны и стирание культурной памяти (например, внучка главной героини из романа «Последняя любовь Бабы Дуни», которую читатель воспринимает исключительно как носителя немецкой языковой и культурной традиции, несмотря на русские корни).

3. Восприятие героем пространства «между» культурами, в котором он существует, как шанса для саморазвития, обретения гармонии в межкультурном пространстве, часто связанной с возникновением новой, гибридной идентичности (например, Саша Найман из романа А. Бронски «Парк осколков», главная героиня романа Л. Горелик «Мои белые ночи» Аня, герои романа Э. Хуммель «В хороших руках, в прекрасной стране»).

Именно третий вариант отражает процесс формирования межкультурной идентичности как новой формы самоопределения между культурами. С одной стороны, писатели-мигранты стремятся «преодолеть национальные и колониальные различия, тем самым показывая, что вопросы идентичности, посредничества и принадлежности к какой-либо национальности могут обсуждаться, обходя эти барьеры» [Steiner 2009: 19]. С другой стороны, именно положение мигрантов «между» культурами, странами и языками дает им исключительную возможность объединить в себе черты и ментальности разных народов и сформировать новую, межкультурную идентичность. Транскультурное положение мигрантов рассматривается в разных аспектах и до сих пор является одной из важнейших тем изучения в рамках многих гуманитарных наук. При знакомстве мигранта с

новыми странами, обществами и ценностями возникают новые культурные знаки и формы языкового выражения. Это также относится и к произведениям, которые содержат в себе транснациональные элементы и могут рассматриваться как на монокультурном, так и межкультурном уровне.

Выводы

Проведенный анализ процесса формирования межкультурной идентичности в произведениях писателей-мигрантов позволил сделать следующие выводы.

Как и писатели первых поколений миграции, современные авторы часто обращаются к классическим «мигрантским» темам, таким как жизнь мигрантов в обществе принимающей страны, воспоминания о родине, проблемы преодоления стереотипов в отношении мигрантов в ФРГ. В литературном творчестве ярко выражены мотивы путешествия, переезда в другую страну, памяти о прошлом родной страны, с которым часто неотъемлемо связано прошлое семьи. Однако стоит отметить также наличие в творчестве писателей-мигрантов не связанных с миграционным опытом социальных тем, например ущемление прав женщин, общественные стереотипы, материнство.

Можно говорить о заметном отличии творчества современных писателей от творчества первых поколений авторов-мигрантов: их произведения современников уже не пронизаны болью расставания с родиной, тоской по дому. Хотя герои нынешних произведений мигрантской прозы также испытывают чувство потерянности между двумя культурами и языками (особенно сразу после переезда в чужую страну), это состояние становится переходным к новой форме осознания собственной идентичности и связано с интеграцией в немецкоязычное общество.

Анализ тематики произведений таких авторов, как Алина Бронски, Ольга Грязнова, Владимир Вертлиб, Владимир Каминер, Катя Петровская,

Элеонора Хуммель, выявил тенденцию постепенного отхода авторов от миграционных проблем к общественно значимым темам и актуальным вопросам общества страны, в которой писатели живут, что, вероятнее всего, становится следствием их успешной интеграции в немецкоязычное культурное и языковое пространство.

Наблюдается феномен намеренного использования авторами в своих произведениях мигрантской тематики на волне большого интереса к ней в немецкоязычном литературном пространстве. Речь идет о таких авторах, как, например, Владимир Каминер или Лена Горелик. Позиционирование себя автором-мигрантом становится средством популяризации своих произведений.

В основе литературного творчества авторов-мигрантов лежит оппозиция концептов «свой» – «чужой», «родина» – «чужбина», находящихся в парадигматических отношениях. В своих произведениях писатели часто рассматривают национально-культурные различия между мигрантами и немцами в контексте существующих стереотипов и клише. Типичными художественными приемами при этом являются юмор, сатира и ирония как средства критики политического строя родной страны и борьбы против дискриминации по отношению к мигрантам в принимающем обществе.

Положение писателей между двумя различными культурами и языками вызывает необходимость формирования межкультурной идентичности с целью адаптации к чужой культуре, не забывая при этом родную. Подобный вариант культурной адаптации становится единственно возможным способом получения опоры для дальнейшего развития, что оказывается невозможным при других формах проживания собственного миграционного опыта, которые предполагают либо полное отторжение чужой культуры, либо полное растворение в ней. Оба эти варианта не являются успешными способами интеграции – в отличие от принятия своего положения «между» культурами и выстраивания новых отношений с окружающей реальностью.

ГЛАВА 3

ПОЭТИКА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ РОМАНОВ ПИСАТЕЛЕЙ-МИГРАНТОВ ИЗ БЫВШЕГО СССР

3.1. Язык как основа транснационального мышления

Языковой аспект – один из важнейших аспектов интеграции в общество другой страны. Как уже было отмечено нами выше, герои мигрантской прозы схожи с самими писателями: это мигранты в первом поколении либо потомки мигрантов, родившиеся или выросшие в Германии, которые становятся носителями сразу двух (или более) культурных традиций и являются билингвами. Именно поэтому язык произведений мигрантской прозы выступает одним из наиболее интересных объектов изучения межкультурного литературоведения.

Освоение немецкого языка становится необходимым условием успешной жизни мигранта в обществе принимающей страны. Это утверждение неоднократно доказывается в произведениях современной мигрантской прозы. Например, в романе Алины Бронски «Парк осколков» героиня вспоминает: «Мои одноклассники смотрели на меня так, будто я сошла с НЛО. Они задавали мне вопросы, которые я вначале не понимала. Вскоре я смогла их понять, но к тому времени уже все думали, что со мной разговаривать невозможно» [Bronsky 2008: 14]. Проблема непонимания приезжих со стороны коренного населения принимающей страны знакома и героям романа Ольги Грязновой «Русский – тот, кто любит березы». Первые контакты героев произведения с представителями другой культуры происходят в миграционной службе, где они впервые сталкиваются с проявлением несправедливости со стороны людей другой национальности, одной из причин которой становится языковой барьер: «Я сопровождал родителей в миграционную службу, где понял, что знание языков – страшная сила. Кто не говорил по-немецки, не имел голоса вовсе, а того, кто говорил на

нѐм совсем немного, попросту игнорировали. Заявления принимались в зависимости от того, насколько сильным был акцент» [Grjaznova 2004: 37]. Уже на начальном этапе оформления документов для переезда в другую страну герои романа понимают важность знания ими немецкого языка, и постепенно языковая проблема проявляет себя все более остро.

Для героев мигрантской прозы чужой язык становится единственным средством, позволяющим рассказать о своих потребностях и желаниях, выразить свое мнение, а незнание языка фактически лишает их голоса и права выбора. Более того, в некоторых произведениях писателей-мигрантов читатель оказывается свидетелем того, как языковой барьер становится существенной помехой общения некоторых героев с молодым поколением собственной семьи, выросшим уже в иноязычной реальности. Например, для бабы Дуни из романа Алины Бронски «Последняя любовь бабы Дуни» незнание немецкого языка является причиной обрыва связи с любимой внучкой, письма которой она не способна понять: «Я пододвигаюсь ближе к лампе, опускаю очки на глаза. Мое сердце стучит. Вообще-то у меня очень спокойное, рассудительное сердце. Но если я начинаю читать письма из Германии, оно буйствует до того места, где становится понятно, что все живы и здоровы и что как минимум в этом письме не будет никаких плохих новостей. В этот раз мне нужно несколько попыток, но я все равно ничего не понимаю, и в конце мое сердце все еще бьется очень сильно. Письмо подписано Лаурой. Оно не на русском» [Bronsky 2015: 41]. Письма между внучкой и бабушкой становятся основой романа, вся переписка сопровождается тоской, вызванной невозможностью понять язык друг друга. Баба Дуня пытается перевести письмо Лауры, но в своем окружении она не может найти ни одного человека, способного помочь ей в этом. Лишь однажды случайный знакомый дает ей следующую рекомендацию: «Если там стоит the, тогда это английский. Если там много der, die, das, то это немецкий. Если un или une – то, скорее всего, французский. А если много il – то речь идет об итальянском. Или опять же о французском» [Bronsky 2015: 131]. Даже

на последних страницах романа читатель так и не получает ответ, что же написала внучка своей бабушке в чужую страну, при этом сама баба Дуня смиряется с этим фактом: «Я поняла только the, – сказала я. – Я не нашла никого, кто мог бы мне перевести это» [Bronsky 2015: 144]. Любовь к своей родине и месту, где главная героиня романа прожила свою жизнь, оказалась сильнее ее стремления что-либо поменять в своей жизни и открыться новой языковой реальности.

Важность освоения языка подчеркивает главная героиня другого романа Алины Бронски «Самые острые блюда татарской кухни», пытаясь объяснить эту истину своей дочери: «Если ты будешь стараться говорить на его языке, то сразу найдешь ключ к его сердцу» [Bronsky 2010: 179]. Именно по причине того, что героиня понимает важность владения языком при общении с людьми другой культуры как одного из главных условий адаптации, она старается привить своей внучке любовь к иностранному языку: «Я была для нее хорошим примером. Я обращала внимание на свое произношение и следила за тем, чтобы у меня не проскальзывало ни одно татарское слово. Амина должна была говорить идеально. Она уже выглядела достаточно по-татарски. Но она не должна была так разговаривать. У меня больше не было семьи, но я видела в деревне у родственников Калганова, как все происходит. Сначала говорили только по-татарски, потом забывали русский, а потом вдруг становились неграмотными. Она должна была быть лучшей, самой красивой и самой умной. Советским ребенком без национальности, как говорил Калганов» [Там же: 32].

В. Каминер в своей книге «Аллея Шёнгаузер» отмечает: «Интеграция в чужую культуру без языковых знаний невозможна. Для многих повседневных феноменов в русском языке попросту нет обозначений. Поэтому в немецком языке закрепились такие слова, как „Gerichtsvollzieher“, „Terminkalender“ und „Überweisungsauftrag“» [Kaminer 2001: 69-70]. Относительно темы языковых трудностей, с которыми сталкиваются мигранты в Германии, писатель замечает так же иронично: «В немецком "девочка" – среднего рода, а

"картошка" – женского. Все "автобусы" – мужского рода, а все существительные начинаются с большой буквы – жалуются русские. Ну и что? Мне нет до этого дела» [Kaminer 2000: 183-184]. Как показывают вышеназванные примеры, отношение к освоению иностранного языка у героев произведений писателей-мигрантов абсолютно разное, тем не менее, каждый из них понимает важность знания немецкого языка как единственного способа адаптации в немецкоязычном общества.

С проблемой освоения языка герои произведений писателей-мигрантов справляется по-разному в силу своих способностей и возраста. Например, наблюдается ожидаемая тенденция – более легче осваивают язык молодые люди. Баба Дуня замечает в одном из своих писем внучке: «Тебе в этом смысле легче, и ты быстро найдешь кого-то, кто сможет перевести тебе письмо. Возможно, хоть ты не умеешь писать по-русски, но читать-то умеешь? Вам, молодым людям, намного проще с языками» [Bronsky 2015: 121]. Примеров молодых людей, успешно освоивших немецкий язык, очень много. Так, главная героиня романа «Парк осколков», которая добивается немалых успехов в освоении немецкого языка и впоследствии даже замечает несовершенства речи у других героев с мигрантским опытом: «Мама Мелани говорила с акцентом, который при первом посещении я еще не замечала» [Bronsky 2008: 16]. Успешно освоила немецкий язык и маленькая внучка главной героини романа «Самые острые блюда татарской кухни». В какой-то период героиня замечает: «Однажды я пришла домой и услышала её рассерженные крики. Я испугалась, как бы она не набросилась на Дитера, и тут же побежала к её комнате. К счастью, он был в порядке ... Я остановилась перед дверью и вслушалась. Я мало что понимала. Общий смысл я не улавливала. Амина ругалась на немецком длинными, сложными фразами. Она говорила не просто лучше меня, она говорила в тысячу раз лучше. Она говорила, как немецкие дети. Я совсем этого не замечала раньше» [Bronsky 2010: 225].

Успех в освоении языков представителями молодого поколения мигрантов можно также наблюдать на примере главной героини романа Ольги Грязновой «Русский – тот, то любит березы», которая учится на переводчика и проявляет особые языковые способности: «Я сидела в комнате ожидания. На заднем плане работало радио. Я синхронно переводила новости на английский, а рекламу на французский» [Grjaznowa 2012: 14]. Ее яркие языковые способности и особое отношение к немецкому языку проявляется во множестве различных ситуаций, описанных в романе: «Я попробовала сделать киш, потому что хотела попробовать вкус слова "куихе"¹⁴ на языке. Если бы я была французской актрисой, которая играет французскую домохозяйку, ждущую своего французского любимого, возвращающегося покалеченным с войны, и которая для него печет "куихе". И она даже не знает, какую часть тела ему ампутировали. "Куихе" оставлял приятный вкус на языке, и мне нравилось, что на немецком у него женский род» [Там же: 11]. Немецкий язык становится для нее не просто языком общения, но и профессиональным инструментом. Более того, с течением времени можно наблюдать лишь усиление роли немецкого языка в жизни девушки. Показателен в данном контексте пример встречи главной героини с другом, также мигрантом. Их разговор протекает на немецком языке: «Мы разговаривали друг с другом по-немецки, как два прекрасно интегрированных образцово-показательных мигранта» [Там же: 57]. Данный пример доказывает возможность плавного перехода немецкого языка из категории иностранного в родной.

Молодое поколение мигрантов либо их потомки, родившиеся или выросшие уже в ФРГ, очень легко адаптируются к чужой языковой реальности, без проблем осваивая неродной для себя язык. В какой-то момент они становятся билингвами, сочетая в своем сознании оба языка и, соответственно, обе культуры. Сложнее дается язык старшему поколению мигрантов, как можно наблюдать, например, в одной из описанных ситуаций в романе Ольги Грязновой «Русский – тот, кто любит березы»: «Немецкий у

¹⁴ Прим.: перевод с нем. Quiche, транскрипция с нем. «куихе».

отца всегда получался невежливым. На русском он звучал дипломатичнее. Даже его манера держать себя была другой, когда он говорил по-немецки, спина была прямой, мускулы напряжены. Его немецкий остался рудиментарным, сопровождался турецким звучанием, русской интонацией и латинскими словами» [Grjaznowa 2012: 113]. Несмотря на кажущееся успешным освоение языка, коммуникативные задачи при общении отца героини с представителями другой культуры не выполняются из-за фонетических, грамматических и стилистических ошибок в его речи.

Катя Петровская также отмечает подобную проблему на примере своей матери: «Моя мама была убежденной атеисткой, выросшей на земле богов в лице Сталина и Ленина, да и Франк сторонился церквей, из-за чего я не была уверена в том, нашла ли она Господа в последние часы страха и не использовала ли она слово "молиться" лишь как оборот речи. За тридцать лет, проведенных в Германии, она переняла множество выражений, которые зачастую использовала не к месту либо подвергала их забавным изменениям (по этой причине еще с молодости я вела "список улуч[худ]шенных выражений моей матери")» [Petrowskaja 2014: 187]. И чуть дальше в тексте встречаем более конкретный пример: «Единственное, что я вынесла из разговоров со своей матерью, так это то, что Советский Союз был местом, откуда нужно было "спасаться"; это, кстати, одно из слов, которое моя мама так и не научилась правильно произносить на немецком после тридцати лет, проведенных в Германии: "errettet" – так оно звучит, двойное "r" до сих пор доставляло ей проблемы» [Petrowskaja 2014: 189]. Адаптация людей разных поколений к новому языковому пространству происходит в разном темпе, и если более молодые герои обычно гармонично вливаются в немецкоязычную реальность за достаточно короткий промежуток времени, то более взрослые вынуждены проходить этап адаптации намного дольше. При этом стоит иметь в виду, что у пожилых людей вероятным становится и вариант невозможности полной интеграции в общество принимающей страны даже по прошествии многих лет.

В связи с особенностями освоения иностранного языка людьми, принадлежащими к разным поколениям, можно наблюдать интересный пример диалога между «отцами и детьми» в вариации общения представителей разных поколений миграции на разных языках. Так, в романе Алины Бронски «Называй меня просто героем» мы глазами главного героя видим интересные сцены общения матери и сына, в которой мать общается с ребенком на русском языке, а он, в свою очередь, отвечает ей уже на немецком языке:

«—Тамара кричала на каком-то языке, который я принял за украинский, Ферди отвечал на немецком:

—Я туда не спущусь!!

Украинские вопли.

—Я все равно боюсь!

Украинские вопли.

—Я тебе не верю! Папа придет!!» [Bronsky 2013b: 136].

Тем не менее, поскольку Германия становится домом для героев-мигрантов, язык новой родины дает им возможность жить в другой стране в качестве полноценного члена общества. В романе «Возможно, Эстер» писательница Катя Петровская в лице главной героини высказывает точку зрения, которая довольно эмоционально отражает общее отношение мигрантов к немецкому языку как средству освобождения: «Мой немецкий — правда и обман, язык врага; он стал выходом, второй жизнью, любовью, которая не пройдет, потому что ее нельзя постичь, дар и проклятие, отпущенная на волю птичка» [Petrowskaja 2014: 80]. Эта фраза подчеркивает тот факт, что сами герои понимают важность для них владения немецким языком, а также роль этого языка в их жизни, хотя сам процесс изучения часто дается им очень нелегко.

Немецкий язык становится для мигрантов не просто инструментом для полноценной жизни в немецкоязычном пространстве, но и способом выразить себя. Героиня романа «Возможно, Эстер» так описывает свои чувства, когда

ей становится сложно найти себя между двумя языками: «Я жестикулировала, кричала, открывала рот, я пробовала "Внемли Израиль", снова и снова, "Внемли Израиль", как будто я никогда не говорила, я сотрясала воздух, "Внемли Израиль", я хотела быть услышанной, я пробовала язык на вкус, я пробовала рассказывать истории, переводить их на немецкий, я рассказывала истории, одну за другой, но сама не слышала, что говорила» [Petrovskaja 2014: 55]. Чуть позже она подчеркивает роль языков в своей жизни следующим образом: «Его иврит и мой немецкий – эти языки изменили наши жизненные пути, на наш страх и риск. Мы были советской семьей, русской и нерелигиозной, русский язык был великим наследием всех тех, кто знал, что такое отчаяние ... как говорил поэт, "ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!"» [Там же: 78]. Как видно из приведенного отрывка, язык становится не просто средством общения, но и важной частью восприятия мира.

Хотя освоение немецкого языка является важнейшим фактором адаптации в чужом культурном и языковом обществе, родной язык продолжает играть важную роль в самоидентичности героев мигрантской прозы. У них формируется разное отношение к родному русскому языку уже после переезда в другую страну. В романе Алины Бронски «Называй меня просто супергероем» описывается следующая ситуация:

«—Ne spi, Ferdi, chas budem kushat», – сказала Тамара Ферди.

Он никак не отреагировал.

—Возможно, он не понимает украинский, – сказал я.

—Я вообще-то тоже не особо понимаю, – сказала Тамара.

—Почему же ты тогда на нем говоришь?

—Это русский, интеллектual ты наш. На Украине очень много русских. Ребенок должен понимать свой родной язык.

—Почему?

—Потому что [Bronsky 2013b: 167].

Мы можем наблюдать особое отношение к родному языку героини романа Алины Бронски: она стремится разговаривать со своим ребенком по-русски, чтобы он не забыл язык ее семьи. Хотя причины этого поведения не указываются прямо, мы можем предположить, что сохранение знания родного языка в данном случае выступает как своеобразная связь персонажей с родиной, не позволяет героям забыть свои корни и помогает им сохранить гармонию при самоопределении между двумя культурами.

Доказательством особой роли родного языка в самоидентификации героя между культурами может служить и пример из романа «Русский – тот, кто любит березы», в котором показано, насколько важно чувство сопричастности героини к родной культуре через язык страны, в которой она родилась. Для нее родной язык становится, прежде всего, связью с воспоминаниями о детстве: «На Ютубе я слушала Муган, азербайджанский джаз, Азизу Мустафа Заде и Муслима Магомаева. Я подпевала. Азербайджанский – язык моего детства. Детские песни и пара выученных наизусть стихотворений – это все, что я взяла из него» [Grjaznowa 2012: 151]. Можно говорить, что родной язык часто становится возможностью сохранить воспоминания о прошлом, связанные с жизнью в родной стране.

Интересен в этом контексте вопрос об использовании авторами фразеологизмов либо афоризмов в речи своих героев. Известные устойчивые выражения, употребляемые героями, малоизвестны для носителей немецкого языка или совсем не представлены в немецкоязычном языковом ландшафте, что вызывает интересный эффект: с одной стороны, для представителей немецкоязычного культурного пространства речь «иностранцев» становится еще более экзотичной, с другой – подобные выражения являются маркерами родной культуры для других героев-мигрантов. Использование их в речи, безусловно, обогащает немецкий язык.

Примерами подобных фраз может служить интертекстуальность, использованная, например, Владимиром Каминером в сборнике рассказов «Русская дискотека»: «Берлин – загадочный город. Здесь всё не то, чем

кажется» [Kaminer 2002: 120], где явно присутствует аллюзия к повести «Невский проспект» Николая Васильевича Гоголя: «О, не верьте этому Невскому проспекту! ... [здесь] всё обман, всё мечта, всё не то, чем кажется!» [Гоголь 2014: 107]. Или другой пример – из рассказа «Fähnrichs Heirat» – («Женитьба прапорщика»), в котором автор, описывая одного из главных героев, использует такое выражение: «В таком виде он кое-как добрался до Берлина. Носков у него вообще не было» [Kaminer 2000: 154]. В данной цитате заключен намек на «великого комбинатора» Остапа Бендера, героя знаменитого сатирического романа «12 стульев» Ильфа и Петрова, которого «живость характера... привела в Старгород без носков, без ключа, без квартиры и без денег» [Ильф, Петров 2016: 47].

Русский язык занимает особое место в произведениях мигрантской прозы. В своих разговорах герои произведений писателей-мигрантов часто обсуждают тему родного языка, в том числе с коренными немцами: «Русский, – самодовольно протянул Франк, – какой же это красивый и выразительный язык! После этого обычно следовал столь же выразительный монолог о русских метафорах, стилистических средствах, игре слов и символике» – пишет Лена Горелик в романе «Собирательница списков» [Gorelik 2013: 71]. Цитаты из произведений великих русских классиков можно встретить у героев романа «Люсия Бинар и русская душа» Владимира Вертлиба: «Как однажды сказал великий русский поэт Иосиф Бродский: в деревне Бог живёт не по углам, как думают насмешники, а всюду. Он освещает кровлю и посуду и честно двери делит пополам» [Vertlib 2015: 36]. И в этом же произведении: «Как говорил великий классик Пушкин в своём романе¹⁵ "Капитанская дочка": чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст!» Он вручил Александру плотный красный конверт. «Это аванс. Используйте его на Ваше усмотрение. Он Ваш вне зависимости того, что Вы решите» [Там же: 152]. Несмотря на красоту и богатство русского языка,

¹⁵ Жанр исторической драмы А.С. Пушкина «Капитанская дочка» многие литературоведы определяют как повесть.

используемые в немецкой речи героев-мигрантов интерференции фразеологизмов зачастую воспринимаются носителями немецкого языка, прежде всего, как экзотизмы.

С одной стороны, отсылки к произведениям русской литературы помогают писателям-мигрантам в полной мере раскрыть образы своих персонажей, с другой стороны, использование цитат из классических русских произведений или устойчивых выражений обогащает речь носителей немецкого языка, в том числе героев произведений мигрантской прозы. Ярким примером подобного языкового и культурного диалога становится общение главной героини романа «Парк осколков» со своим немецким знакомым:

«—Это просто слепой дождь, — говорю я.

—Что?

—Слепой дождь. Вы не знаете такого выражения?

—Нет. Никогда не слышал. У нас так не говорят» [Bronsky 2008:

97].

Главная героиня романа А. Бронски Саша выступает в роли своеобразного посредника в понимании реалий русского языка носителями иностранной культуры. В этом романе мы можем наблюдать процесс обогащения немецкого языка через обогащение языковой картины мира конкретного персонажа (коренного немца, друга главной героини). Он запоминает перевод русского выражения, сказанного ему ранее, и повторяет его чуть позже в подходящем для этого контексте:

«—Мне жаль, твоя рубашка немного влажная, здесь, на плече.

—Слепой дождь? [Там же: 276].

Следует отметить, что некоторые выражения родного языка, которые используются героями-мигрантами, не всегда становятся элементами обогащения немецкого языка, поскольку не поддаются трансляции его носителям. Так, героиня романа Алины Бронски иногда не может или не хочет объяснять своим немецким друзьям значения тех или иных выражений. Речь идет о русской поэзии, например, о детских стихотворениях Сергея

Михалкова: «У меня стальные нервы или вовсе нервов нет» [Bronsky 2008: 40]. Или о рифмах петербургского поэта Осипа Мандельштама: «Мы с тобой на кухне посидим, сладко пахнет белый керосин» [Там же: 170]. Все стихи так или иначе связаны с воспоминаниями героини романа о матери и жизни в России и остаются единственной, но очень сильной связью с родной культурой, удерживая ее в своего рода «пограничном» состоянии между двумя языками и культурами на фоне успешной языковой интеграции.

Освоение немецкого языка помогает героям мигрантской литературы адаптироваться к окружающему пространству. При этом они оказывают существенное влияние на окружающее их пространство, как это происходит, например, в романе Ольги Грязновой «Русский – тот, кто любит березы»: «Мои родители долго ломали голову, как бы русифицировать имя Элиаса, чтобы подчеркнуть их любовь и нежное отношение. В тот момент, когда мой отец, наконец, выкрикнул "Элиша", мама захлопала в ладоши от радости – Элишу приняли» [Grjaznowa 2012: 2].

Адаптирование иноязычной реальности на языковом уровне можно также наблюдать в романе Лены Горелик «Собирательница списков»: «Франк нашел уменьшительно-ласкательные формы русского языка, всегда сильно удлинняющие слова, забавными, но и на немецком моя мама часто говорила "Stiefelchen" – "сапожки", видя зимние сапоги, а каждая книга именовалась как "Büchlein" – "книжечка", даже если речь шла о произведениях Толстого» [Gorelik 2013: 329].

Процесс адаптации к окружающей действительности на языковом уровне всегда является двусторонним, что подчеркивает важную роль языка в диалоге культур. Осознанно или неосознанно, герои произведений авторов-мигрантов, представляющие разные культуры, взаимно влияют друг друга: «К сожалению, я не знала, как сказать „У Вас есть жена или невеста?“ на немецком языке, но Сульфия сказала, что все самое важное Дитер все равно может сказать по-русски» [Bronsky 2010: 179].

Сегодня можно констатировать стремление писателей-мигрантов адаптироваться в чужую языковую реальность: авторы больше не воспринимают немецкий язык как язык страны, принявшей их в статусе мигранта или беженца, а как полноценный инструмент для создания литературных произведений и самовыражения. По мнению исследователя Марии-Леены Хаккараинен, применительно к литературному творчеству авторов-мигрантов можно говорить о новом немецком литературном языке, «который закрепился не только в немецкой культуре» [Hakkarainen 2004: 202]. Влияние этих авторов на литературный немецкий язык указывает на успешную интеграцию писателей в принимающее общество и стирание четкой границы между культурами.

3.2. Концепты гибридности в произведениях авторов мигрантской прозы

«Гибридность» – общенаучное понятие, имеющее важное значение для многих естественных, технических и гуманитарных дисциплин. Каждое научное направление наполняет этот термин особым содержанием в зависимости от объекта исследования, однако обобщенно можно говорить о том, что «гибридность» означает «скрещивание», «смесь». В гуманитарных науках данное понятие рассматривалось, прежде всего, Ю.М. Лотманом в контексте явлений культуры. В своей статье «Текст и полиглотизм культуры» ученый отмечает, что «зашифрованность многими кодами есть закон для подавляющего числа текстов культуры» [Лотман 1992: 144], а возникновение гибридных структур происходит «на границе смены кодов» [Там же]. В контексте культурного явления «границы» (см., например: [Потёмина 2009]) литература мигрантов выглядит как непосредственная зона возникновения гибридных структур.

В.Г. Зусман отмечает несколько уровней образования гибридных структур в немецкоязычных произведениях писателей-мигрантов: жанровый,

композиционный, словесно-образный, фонетический [Зусман 2013: 182], при этом, как указывает исследователь, «внутренняя гибридность» формируется именно на словесно-образном уровне. На примере творчества Владимира Вертлиба ученый рассматривает порождение гибридных образов на словесно-образном уровне и делает вывод о том, что творчество данного писателя является примером сочетания немецкой поверхностной структуры с глубинной структурой двойственности русского и немецкого ментальных и языковых миров. То есть можно говорить о том, что мигрантская литература становится ярким примером гибридизации, при этом процесс «скрещивания» в произведениях писателей-мигрантов происходит на различных уровнях и может быть рассмотрен также в рамках метафорической модели [Lakoff, Johnson, 1980]¹⁶.

Взаимопроникновение родного и приобретенного языков является важнейшей базой для формирования межкультурной идентичности писателей-мигрантов. Вероятно, можно утверждать, что первоначально гибридность в творчестве авторов-мигрантов возникает как результат смешения языков, а процесс интеграции писателей в чужое межкультурное пространство связан, прежде всего, «с освоением новых ментальных и языковых концептов» [Зинченко 2011: 10]. При этом возникает ряд вопросов относительно символизации внелитературного опыта писателей в их произведениях, а также определения категорий гибридности, формирующихся в мигрантской прозе на образном уровне.

Как уже отмечалось, мигрантская литература часто основывается на личном опыте писателя либо опыте его семьи, что становится причиной выраженной оппозиции концептов «родина» и «чужбина» в произведениях. Чаще всего сближение или отдаление концептов чужбины и родины происходит в повседневных ситуациях жизни мигранта, когда он сравнивает

¹⁶ Рассматриваемый вариант теории метафорического моделирования восходит к ставшей уже классической монографии Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson, 1980], где метафора представлена как основная когнитивная операция, как важнейший способ познания и рубрикации мира.

две страны – родину, которую он по тем или иным причинам вынужден был покинуть, и принимающую страну, в которой он и его семья нашли новый дом. Гибридизация на уровне концептов «родина» – «чужбина» встречается в творчестве всех писателей-мигрантов, чьи произведения стали материалом для исследования в данной работе.

Ранее нами уже было рассмотрено противопоставление «своего» и «чужого» как важнейший признак мигрантской прозы: многие авторы-мигранты используют в своих произведениях оппозицию образов родины и чужбины, что позволяет говорить об этих двух концептах как о ядерных. Чаще всего именно противопоставление родины и чужбины предшествует формированию у героев межкультурной идентичности, которая, в свою очередь, сопровождается процессом создания различных гибридных структур. «Да, я знаю, это были очень ужасные и очень страшные времена», – пропела мать Эриха спустя пять долгих секунд. «Прошу Вас, расскажите о том, как Вашим родителям удалось сбежать из Советского Союза и что с ними приключалось впоследствии. Наверняка никто из нас такое даже представить не сможет. Остальные согласились» [Vertlib 2012: 150]. Такое негативное представление о стране, из которой уехала семья главного героя, отражено в романе Владимира Вертлиба. Несмотря на явное противопоставление концептов «свой» – «чужой», открытость участников разговора к межкультурному диалогу является признаком начального этапа гибридизации концептов «родина» и «чужбина» за счет утрачивания антонимических отношений.

Именно в тот момент, когда герои произведений мигрантской прозы задаются вопросом о различии и сходстве двух миров, границы концептов «родина» и «чужбина» начинают размываться, образуя при этом новые гибридные структуры. «В коридоре нашей квартире висит записка, в которой мой отец отметил дату и время, намеченную для отъезда: 2 мая 1992 года, 23:55, а под записью на стене написано: "Кто с нами?" Записка должна была просто напомнить о дате нашего отъезда, а вопрос был скорее шуткой ...

Через какое-то время под ней кто-то прикрепил другую записку, на которой было написано: "И я тоже с удовольствием поеду с вами!", и вскоре на ней совсем не осталось места» [Gorelik 2004:8]. Уже в момент ожидания переезда в сознании героини романа Лены Горелик «Мои белые ночи» происходит размывание границ между двумя концептами, поскольку родина перестает быть для нее лишь настоящим, а постепенно уходит в прошлое, уступая место чужбине.

Такой процесс стирания границ между двумя концептами можно наблюдать и в романе писательницы «Собирательница списков». Мечтая об Америке, один из героев произведения, маленький мальчик, задается несколькими вопросами относительно чужой для него страны: «Он был не уверен, живут ли там люди тоже в коммуналках. Может быть, они все живут в собственных квартирах? Но как они это делали? Но как они это сделали? Возможно, их дома были выше? Гриша спросил у отца, почему в этой стране просто не строят дома повыше, тогда у всех было бы больше места. Его отец не нашел, что ответить, хоть сам и работал на стройке» [Gorelik 2013: 42].

Гибридизация как процесс стирания границ и смешения двух членов одной оппозиции начинает проявляться на этапе формирования открытой идентичности у героев произведений мигрантской прозы. То есть в тот момент, когда герои-мигранты начинают задавать вопросы относительно другой страны и культуры, сравнивать факты о двух странах, выявляя при этом сходства и различия между ними, в их сознании начинает формироваться новое восприятие двух культур, при котором информация об одной культуре воспринимается через призму другой. Так, первое впечатление о Германии у героев романа Лены Горелик «Мои белые ночи» формируется через сравнение новой для них страны с их родным городом Санкт-Петербургом: «Германия – очень яркая страна. Настолько яркая, что я даже не знаю, куда смотреть сначала. Всё очень чисто и спокойно по сравнению с Санкт-Петербургом, но прежде всего, всё очень ярко» [Gorelik 2004: 92]. Образ жизни героев в условиях новой культуры также воспринимается ими через призму старой: «Я

сказала, что этот дом намного чище и уютнее, чем тот, в котором мы жили там. Про Россию я всегда говорила "там"» [Bronsky 2008: 16].

Следует отметить, что граница между концептами «свой» и «чужой» подвижна, и это вызвано, вероятно, постоянным сомнением героев в отношении к родине и чужбине: «Если бы я выросла здесь, то была бы совсем другой...Я бы не дралась, и я бы, наверно, не так неистово училась, не зубрила бы даже те вещи, которые меня совсем не интересуют, историю Средневековья, например. Я была бы рождена победителем и не должна была бы так отчаянно лезть из кожи вон, чтобы доказать всем, что я чего-то стою... Я была бы кем-то» [Bronsky 2008: 42]. Доказательством подвижности границы между концептами «родина» и «чужбина» может стать отношение главной героини романа «Последняя любовь бабы Дуни» Алины Бронски к теме родины и чужбины. Несмотря на то что главная героиня не обладает личным опытом эмиграции, эта тема и интерес к Германии становятся актуальными для нее по причине переезда в эту страну ее дочери: «Чуть позже я прочитала в газете, что в Германии сейчас есть что-то вроде депрессий, и когда Ирина приезжала последний раз, я у нее спросила об этом. Она посмотрела на меня, как будто совсем не хотела отвечать. Спросила меня, почему я хочу об этом знать, как будто это государственная тайна. Я ответила, что просто хотела узнать, есть ли такое на самом деле. И Ирина ответила, что в Германии это очень распространено, практически как ротавирусная инфекция» [Там же: 25]. Данный пример подтверждает тот факт, что процесс гибридизации концептов «родина» и «чужбина» происходит на границе их соприкосновения и протекает по-разному, в зависимости от вовлеченности героя в тему эмиграции.

Стоит отметить интенсивность процесса гибридизации в рамках периферийных концептов «еврей» и «национальность», которые при взаимодействии культур становятся точками непосредственного соприкосновения двух различных миров: «Выясняется, что Германия готова принять лишь ограниченное число русских евреев, в немецком консульстве

есть заявки на выезд, но чтобы ее получить, нужно вытянуть талон. Чем меньше число на талоне, тем быстрее получаешь бланк заявления и, соответственно, разрешение на выезд. При как минимум трёх тысячах человек, уже вытянувших талон, и максимум пятидесяти заявлениях, которые немецкое посольство выдаёт в неделю, номер 114 – отличный результат. Мой брат просто счастливчик. 114 – наше счастливое число. Полгода спустя мы уже сидим в поезде Санкт-Петербург – Берлин» [Gorelik 2004: 59-60]. Вышеназванные образы становятся концептами гибридности в силу их «приграничного» положения между культурами двух стран, где элементы этих культур могут соединяться или смешиваться.

Точки столкновения культур обозначаются еще во время жизни главных героев на родине, то есть можно говорить о том, что гибридные концепты обусловлены не внешним воздействием обстоятельств, а внутренним стремлением героев сменить место жительства, «перейти» из одной культуры в другую. Например, в романе Алины Бронски «Последняя любовь бабы Дуни» описана ситуация, в которой можно наблюдать точку зрения человека, не желающего уезжать в другую страну. «Иногда мне не по себе от мысли, что у Ирины немецкий паспорт», – признается сама себе главная героиня этого романа [Bronsky 2015: 46]. В данном примере можно наблюдать ситуацию, в которой герой произведения не имеет личного опыта миграции, однако его наличие у человека из его ближайшего окружения (например, члена семьи) оказывает сильное влияние на него самого и на его восприятие мира.

Героиня романа А. Бронски «Последняя любовь бабы Дуни» – не мигрантка, но под влиянием дочери, переехавшей в Германию, границы ее сознания расширяются, она узнает новую информацию о чужой культуре (письма внучке, говорящей только на немецком языке) и становится при этом транслятором между двумя культурами, передавая эту информацию окружающим ее людям. Число жителей деревни, в которой живет баба Дуня, очень невелико. Люди, оставшиеся в небольшой деревушке после аварии на Чернобыльской АЭС, намеренно отказываются от переезда из родных мест в

более безопасные; к тому же многие из них отказываются и от общения с внешним миром. Это затрудняет процесс культурного взаимовлияния. Но в других произведениях мигрантской литературы его можно изучить подробнее. Так, роман Владимира Каминера «Русская дискотека» начинается со следующей фразы: «Летом 1990 года в Москве распространился слух: Хонеккер принимает евреев из Советского Союза ... Многочисленные торговцы, которые каждую неделю летали из Москвы в Берлин и обратно по своим экспортно-импортным делам, принесли эту новость в город» [Kaminer 2000: 9]. Как показывает данный пример, процесс гибридизации в родной стране мигранта происходит поступательно и распространяется, подобно кругам на воде, от эпицентра к периферии, ослабевая по мере угасания интереса людей к чужой культуре. Эпицентр в данном случае находится как раз на границе культур и языков и неразрывно связан с гибридными образами.

Сферами периферийного соприкосновения являются и такие концепты, как «дома для мигрантов», «общежитие», «беженец»: «Ах да, по прибытии в Германию мы сначала жили в доме для беженцев, объяснял я мимоходом... У меня нет желания вдаваться в подробности <...> Я рожден в России и в одиннадцать лет переехал в Германию, больше вам знать необязательно. Я не хочу говорить об общежитии. Упоминание общежития приводит к неприятным вопросам. Это принижает меня, превращает меня из русской экзотики в какое-то инородное тело, ведь общежитие, к тому же для беженцев, это как-то странно, что ли... На краю города, там, где больше нет домов, а лишь пустующие американские казармы, окружённые колючей проволокой, находится общежитие» [Vertlib 2015: 18–19]. В отличие от концептов «еврей», «национальность», «паспорт», возникающих, скорее, в рамках родного языкового пространства, концепты «общежитие», «дом для мигрантов», «беженец» выступают в качестве центров возникновения гибридности уже после переезда героя в другое культурное и языковое пространство, в рамках так называемой «контактной зоны» [Pratt 1992: 4].

М. Пратт впервые ввел понятие «контактная зона» при исследовании постколониальной литературы (прежде всего, речь идет о литературе черных диаспор в Европе и Америке). Ученый обозначил «контактную зону» как пространство, на которое особое влияние оказала колонизация, нетолерантность и связанный с этим конфликт представителей разных культур. Однако «контактная зона» проявляется и как «пространственное и временное соприкосновение, прежде разделенных географически и исторически предметов, образы которых в настоящий момент пересекаются» [Pratt 1992: 6-7]. Как показывают примеры из произведений писателей-мигрантов, контактная зона двух культур всегда является зоной пересечения культурных и языковых реалий, их взаимовлияния, а значит, именно здесь зарождается и протекает процесс гибридизации.

Концепт «новый дом» всегда связан для героев со сложностями адаптации. Героиня романа «Мои белые ночи» Лены Горелик так описывает свои чувства после переезда: «Моя бабушка, которой уже почти восемьдесят, много причитает и плачет, она очень хочет вернуться в свою старую квартиру в России. Мои родители часто ссорятся – ссорился бы, живя всего на двенадцати квадратных метрах и деля душ и кухню с семнадцатью другими русскими семьями, а личное пространство нам только снится. А я, мне ведь только одиннадцать, я совсем запуталась, так как куклы "Барби" в Германии стоят больше, чем я себе это представляла, я не знаю ни слова по-немецки и в школе, за исключением занятий по математике, понятия не имею, что мы сейчас проходим и какой сейчас урок. Мне всего одиннадцать – и сказать мне нечего» [Gorelik 2004: 20]. Героям сложно привыкнуть к окружающему иноязычному пространству, оно отторгает их как чужеродные элементы. В этой ситуации возможны лишь два следующих сценария развития взаимодействия «герой – окружающая действительность».

1. Смешение культурных реалий, позволяющее, с одной стороны, успешно интегрироваться мигранту в чужое языковое и культурное

пространство, а с другой – подготовить само окружающее пространство к приему мигранта в качестве полноценного члена общества.

2. Взаимное отторжение элементов, при котором мигрант в «новом доме» закрывается внутри самой иноязычной реальности, отказываясь адаптироваться в обществе принимающей страны. В этом случае речь идет о гибридном концепте «мигрантский квартал», совмещающем в себе две противоположные оппозиции: герой находится в достаточно изолированном от иноязычной действительности положении, но при этом внутри нее самой, что позволяет рассматривать гибридный концепт «мигрантский квартал» как отдельный феномен в рамках процесса гибридизации.

Варианты различных взаимоотношений мигрантского квартала с обществом принимающей страны очень хорошо просматриваются на примере романа Алины Бронски «Парк осколков». Главная героиня живет со своей семьей в русском квартале для мигрантов и следующим образом описывает свои эмоции от посещения дома своей одноклассницы: «Не знаю, что тогда меня потрясло больше: порядок в комнате Мелани, мебель, которая существовала, как я думала, только в каталоге или фантазиях Анны, или постельное белье с лошадьми. Я никогда раньше не видела цветного постельного белья. У нас дома оно было белым или голубым, и всегда старым и застиранным» [Bronsky 2008: 18]. Как видно из примера, быт семьи, живущей в мигрантском квартале в центре Берлина, сильно отличается от быта окружения девочки, то есть как таковая адаптация в чужое пространство отсутствует, поэтому речь идет, скорее, об изоляции от иноязычной реальности внутри нее самой.

Гибридизация становится процессом, в котором не только культура принимающей страны оказывает влияние на представителя другой культуры, но и он (в данном случае – мигрант), оказывает влияние на принимающую культуру. Можно говорить о том, что процесс гибридизации протекает в условиях взаимного и равноправного диалога сторон, при этом гибридные

концепты становятся точками соприкосновения культурных элементов и основой зарождения новых структур.

Нельзя отрицать, что мигрантский квартал оказывает влияние на коренных жителей города. Подобное влияние выражено, прежде всего, необходимыми мерами предосторожности, которые население вынуждено применять, чтобы предотвратить случаи преступности со стороны русских, живущих в мигрантском квартале. Накопление негативного опыта общения с представителями другой культуры приводит к намеренному отказу от коммуникации с ними, что усиливает изолированность мигрантского района от общества. Однако основной причиной оторванности этого квартала является нежелание самих мигрантов адаптироваться в принимающей стране. Из всего квартала лишь главная героиня романа «Парк осколков» Алины Бронски пытается вырваться из разрушительного для нее окружения, открывая для себя возможности развития в иноязычном пространстве. Она так описывает свои чувства по отношению к своему окружению: «Я всегда цеплялась за эту квартиру. Но я больше не могу. Я хочу уехать отсюда. Возможно, в центральную часть города, но я же должна здесь закончить школу. Я ненавижу этот квартал. Я ненавижу этих людей. Но я ничего не могу сделать, а они еще меньше. Все нищие свиньи. И становятся все беднее. Я их провоцирую, а им это нравится, и они тайно ненавидят меня. Я ненавижу эту здешнюю вонь, и вещи на балконах, и спутниковые тарелки» [Bronsky 2008: 199]. Как показывает вышеприведенный пример, главная героиня хочет вырваться из своего типичного мигрантского окружения и выйти на открытый диалог с представителями культуры страны, принявшей ее и ее семью. Резкая смена культурного окружения обуславливает болезненность процесса аккультурации в новую среду, а также причиной формирования новой, двойственной, гибридизированной идентичности.

Мигрантский квартал не является прямой зоной возникновения культурной гибридности из-за его закрытости от окружающей иноязычной реальности. Тем не менее пример главной героини романа Алины Бронски

доказывает, что благодаря непосредственной близости с контактной зоной и накопленного культурного опыта родной страны мигрантский квартал может стать основой зарождения новых форм транскультурных взаимоотношений.

3.3. Память и нарратив в произведениях современных авторов-мигрантов

Воспоминания играют важную роль при понимании взаимоотношений между представителями различных культур. По мнению А. Шутца, человек другой культуры предстает перед носителями родной культуры как «человек без истории» [Schütz: 59 – 74], поскольку «воспоминания невозможно ни передать, ни разделить» [Там же: 65]. История принимающей страны никогда не станет интегральной частью биографии мигранта: ему остается лишь разделить опыт настоящего и будущего с обществом новой родины.

Современные авторы-мигранты задают новую перспективу мигрантской литературы, не только рассматривая в своих произведениях не только проблемы отдельного мигранта в чужом культурном и языковом пространстве, но и делая попытки поиска «автофикциональной семейной памяти» [Schenk 2007: 255]: писатели рассказывают историю своей семьи от лица главных героев своих произведений, что делает персонажи их книг схожими с ними самими, а сами произведения – автобиографичными. Примеры использования автофикциональной семейной памяти, рассказанной от первого лица, можно найти во многих произведениях авторов-мигрантов: «Я росла не в людоедские, а вегетарианские времена, как когда-то сказала Ахматова, и тогда мы приписывали все невзгоды давно прошедшей войне, той войне, что не требовала никаких пояснений, мы говорили просто война...» [Petrovskaja 2014: 23]. Воспоминания об истории семьи позволяют читателю ближе познакомиться с протагонистами произведений мигрантской прозы, узнать их историю, понять причину их поступков и переезда в другую страну.

Очень часто интересующие читателя вопросы освещаются в произведениях через общение главных героев с представителями принимающего общества. Показателен в этом отношении следующий отрывок из романа Владимира Вертлиба «Молчание Шимона»: «"Да, я знаю, это были очень, ужасные и очень страшные времена", – пропела мать Эриха спустя пять долгих секунд. «Прошу Вас, расскажите о том, как Вашим родителям удалось сбежать из Советского Союза и что с ними приключалось впоследствии. Наверно, никто из нас такое даже представить не может". Остальные согласились» [Vertlib 2012a: 150].

Интерес немецкоязычного общества к мигрантской литературе и личности мигранта объясняется также интересом к историческим событиям, которые освещаются в произведениях авторов-мигрантов. Важной особенностью этих произведений писателей-мигрантов становятся временные и топографические "загадки", связанные с гетерогенностью воспоминаний героев: «Когда нашу улицу заполонили флаги со свастикой, мне было пять. Когда из нашего района депортировали последних евреев, мне было девять, когда упали первые бомбы, мне было десять, когда шли ожесточённые бои за Вену и конец войны был уже близок, мне было двенадцать, когда была освобождена Австрия, мне было двадцать два, когда в наши края прибыли первые гастарбайтеры, мне было тридцать три» [Vertlib 2015: 17]. Герои часто обращаются к воспоминаниям из своего прошлого не в хронологическом порядке, а по степени их важности для повествования и раскрытия внутренних переживаний: «Мое первое путешествие за границу привело меня в Польшу. Это было летом 1989 года, и страна дрожала от шокотерапии – так пресса, когда ей дали свободу слова, назвала экономический эксперимент, у нас было всего шесть дней, один из них в Освенциме. Я вспоминаю вид из окна на равнинный ландшафт, который показался мне знакомым, как будто я не уезжала, с невысокими холмами и тянущимися равнинами, скромной растительностью и неяркими цветами» [Petrovskaja 2014: 57]. Подобные примеры дают возможность читателю познакомиться с историей не только

семьи героев, но и историей их страны. Так, через призму семейных воспоминаний главной героини романа О. Грязновой «Русский – тот, кто любит березы» раскрывается сложное время Перестройки в России: «Еще будучи ребенком, я часто ходила со своей мамой в парк гулять, после обеда, а иногда и до обеда. В парке были аттракционы, качели, но все сломанные. Или не было электричества, чтобы запустить их» [Grjaznowa 2012: 92].

Реальные исторические события имеют особое значение в произведениях авторов-мигрантов, поскольку в той или иной степени влияют на формирование образа русской истории для немецкоязычной общественности. В современной мигрантской прозе важное место занимают эпоха «железного занавеса» (многие авторы лично пережили этот период истории родной страны, кроме того, именно после его окончания многие писатели обрели свободу перемещения и слова), а также Вторая мировая война, которая оставила глубокий след в истории почти каждой российской семьи.

Романы, где затронуты такие исторические факты, как «сталинские чистки» и трудовые лагеря [Hummel 2005; Martynova 2010], жизнь советских диссидентов [Gorelik 2013], дискриминация еврейского населения [Vertlib 1999, 2001, 2003; Hummel 2009; Martynova 2013], представляют особый интерес для немецкоязычной читательской публики. Смена писателями языка и культуры, автобиографичность произведений авторов-мигрантов, а также заключенные в литературную форму реальные исторические события позволяют говорить о продолжении традиции автобиографических жанров и исторического романа в современной мигрантской прозе.

Кроме того, как уже было отмечено ранее, в немецкоязычных произведениях авторов-мигрантов часто находят отражение устные межпоколенческие формы коммуникации, что продолжает традицию жанра семейного романа (например, романы «Рыбы Берлина» Э. Хуммель, «Парк осколков» А. Бронски и др.). В центре хронотопа многих мигрантских романов находится история семьи, которая, несмотря на сложный процесс

общественной и культурной адаптации в обществе и культуре чужой страны, остается главной ценностью для героев.

Неоднородность пространственно-временного континуума является, по мнению некоторых исследователей, типичной чертой «межкультурной литературы» (см., например: [Chiellino 2001: 108; [Willms 2012: 267]). Гетерогенность хронотопа, безусловно, характерна и для литературного творчества авторов-мигрантов в Германии. Из всех вышеуказанных фактов можно сделать вывод, что немецкоязычная проза авторов-мигрантов из бывшего СССР склонна к гибридизации жанровых форм и объединяет в себе черты автобиографии, исторического романа, семейного романа, межкультурной литературы, что позволяет рассматривать ее как особую форму литературного творчества.

Достаточно часто воспоминания о родной стране главных героев произведений мигрантской прозы носят негативный характер, что формирует образ страны, где царят запустение и разруха, из которой главные герои вынуждены были уехать. Например, в романе Ольги Грязновой «Русский – тот, кто любит березы» отношение главной героини к родной стране отражается через следующее сравнение: «Вечером воспалилась рана Элиаса, выделяющаяся жидкость распространяла едкий и одновременно сладковатый запах, который напомнил мне советские духи "Варшавянка" и вызвал рвотные позывы» [Grjaznowa 2012: 20]. В романе «Мои белые ночи» Лены Горелик описывается, как радуется ребенок свежесваренной картошке, когда были сложные времена в Санкт-Петербурге, и семья не всегда могла позволить себе качественную еду: «В Петербурге редко можно было найти хороший картофель. Когда у нас он был, то готовился только на завтрак по воскресеньям. Одно из моих самых давних воспоминаний: мой отец, будящий меня и брата в самую рань и ведущий нас на кухню. На столе стоит кастрюля с картофелем в мундире, к нему подаётся селёдка, репчатый лук, сметана и кефир» [Там же: 126 –127]. Воспоминания о прошлом из уст персонажей произведений обладают особой силой, поскольку факты приводятся через

призму их личного опыта и становятся важным инструментом формирования образа России в немецкоязычном культурном пространстве.

Иногда герои мигрантской прозы часто говорят и о положительных сторонах жизни на родине. Например, мать главной героини романа О. Грязновой «Русский – это тот, кто любит березы» отмечает высокое качество советского образования, что, безусловно, является положительным моментом: «Образование в советской консерватории происходило по профессиональным стандартам, которые она не могла преступить. После того как отец ее первой ученицы, священник, пожаловался, что занятия не приносят его дочери удовольствие, у мамы забилося сердце и вспотели руки. Она до этого не знала, что целью искусства было удовольствие. Особенно от священника она такого не ожидала. Музыку с СССР воспринимали очень серьезно – так же, как балет и живопись. В отличие от Германии, в СССР каждый ребенок мог параллельно со школьным и профессиональным образованием получить бесплатное музыкальное образование» [Grjaznowa 2012: 27]. Несмотря на некоторые положительные аспекты, которые упоминают в своих рассказах мигранты, образ России через воспоминания героев формируется, скорее, негативный. Так, на вопрос, есть ли место ностальгии при переезде в другую страну, один из героев романа «Люсия Бинар и русская душа» замечает: «Ностальгия? – Посмотрел на меня Шимон с явным удивлением. – Ностальгия по диктатуре? Тоска по антисемитам? Непреодолимое желание вновь встретиться со всяким сбродом, заполонившим улицы, дать плюнуть себе в лицо? Или вернуться к институтам, не дающим твоим детям должного образования? Сильная симпатия к женщине у прилавка, орущей сразу, стоит тебе осмелиться потревожить её покой? Тоска по очередям у продуктовых магазинов и пьяницам в подъезде? – Последние предложения он уже выкрикивал, вновь стуча ладонью по столу <...> Отпуск в сегодняшней России – лучшее лекарство от ностальгии» [Vertlib 2015: 263–264].

Можно говорить о «специфической правде воспоминаний» [Straub,

Rüsen 1998: 22], влияющей на восприятие читателем исторических фактов, упомянутых в произведениях. В романе Ольги Грязновой «Русский – тот, кто любит березы» мама главной героини следующим образом рассказывает о истории своей семьи: «Вил родился в 1924 году, через восемь месяцев после смерти Ленина, в то время страна выражала свой траур в названиях заводов, городов и деревень в его честь – Ленин жив, и его имя вращает турбины электростанций; будь твое имя Ленин, все лампочки зажигались бы сами по себе. Мои бабушка с дедушкой назвали своего первенца Вил, в честь умершего Владимира Ильича Ленина, который считался дедушкой всех советских детей, – так у Ленина появились внуки, хотя не было детей. Еще пятьдесят лет назад мы были его внуками и говорили "дедушка Ленин"» [Grjaznowa 2012: 35]. Очень часто в одном произведении можно найти описания сразу несколько эпох одной страны, свидетелями которых стали герои мигрантской прозы. Так, далее в этом же романе Ольги Грязновой встречается уже описание уже времени Перестройки в России: «Во времена Перестройки в России существовало два вида магазинов: государственные и "кооперативные". В государственные ходят все, только вот купить там особо нечего. А в так называемых "кооперативных" тоже есть хоть не все, но многое, туда ходят только богатые. Из-за приезда немки родители впервые на моей памяти пошли в "кооперативный" магазин. Купили кучу вкусностей, колбасу и всё такое. Мы думали, что все немцы, без исключения, едят колбасу. Мне колбасу брать запрещали, я с жадностью посматривал на неё, а большая немка к ней даже не притронулась. Позже она объяснила, что сторонится жирной пищи и вообще она вегетарианка. (Оказывается, есть люди, которые добровольно не едят мясо?) [Там же: 79]. И чуть далее в романе: «Есть и другие. Бизнесмены. "Бизнес" – новое популярное русское слово. Оно означает, что кто-то в подходящий момент увольняется с должности инженера и начинает продавать что-либо за границу, ну или закупает что-то из-за границы, оно означает, что в школе вдруг начинают появляться дети с разноцветными западными рюкзаками, у которых есть

куклы "Барби" и которые на каникулах уезжают отдыхать в Венгрию. Это дети бизнесменов» [Там же: 83]. Обращение к темам бюрократии, разрухи, дефицита, коррупции и практически полное отсутствие положительных описаний эпохи Перестройки формируют достаточно мрачный образ России. Несмотря на то что речь идет о прошлом страны, это оказывает серьезное влияние на формирование ее образа в настоящем.

Особый интерес в отношении вопроса памяти представляет роман Э. Хуммель «Рыбы Берлина», который, по типологии Б. Нойманн, может быть классифицирован как «роман памяти» [Neumann 2004: 333]. Воспоминания ложатся в основу нарратива произведения и существуют на трех различных уровнях: воспоминания главной героини романа (рассказчика) в настоящем времени; ее воспоминания в детском возрасте (т.е. в прошлом, речь идет о 1970-х и 1980-х годах) и воспоминания бабушки о довоенном времени и событиях Второй мировой войны. Главная героиня Алина вновь выступает в роли рассказчика в конце романа: именно в этот момент читателю открывается трагичный факт о смерти бабушки в России, и рассказчица погружается в детские воспоминания, стараясь приблизиться к разгадке семейной тайны. Таким образом, основная часть повествования, состоящая из воспоминаний о прошлом, помещена в рамочную конструкцию в настоящем времени. Подобный прием становится причиной неоднородности повествования, однако позволяет логически объединить два других уровня памяти: воспоминания бабушки и воспоминания главной героини в детском возрасте. Трехуровневая система выражения памяти иллюстрирует гетерогенность процесса формирования общей картины семейных воспоминаний и подчеркивает важность преемственности воспоминаний от старшего поколения к младшему.

На всех уровнях памяти писательница выбирает форму повествования от первого лица, в том числе когда речь идет о воспоминаниях бабушки о довоенном и военном времени. Выбранная писательницей форма «рассказ в рассказе» придает изложенному достоверность и вызывает сочувствие у

читателя. Рассказ дедушки хронологически неоднороден, что, вероятно, связано с его неготовностью к неожиданным вопросам его внуки относительно инициалов на спрятанном у него под подушкой ноже, который, как впоследствии выясняется, принадлежал его брату Конраду. Присутствие в повествовании романа воспоминаний главной героини в детском возрасте позволяет, с одной стороны, дополнить рассказанные дедушкой факты новой информацией, с другой – главной героине память о себе в детстве дает возможность еще раз косвенно пережить события прошлого, а также оценить факты семейной истории, рассказанные дедушкой. Объединение сразу нескольких уровней памяти в романе позволяет создать ретроспективу семейной истории и впоследствии сформировать общую картину памяти поколений, основанную на рассказах очевидцев от первого лица.

Память находит свое отражение также в заголовках глав романа, например, «Белая могила» и «Между морями». «Белая могила» – ироническое название населенного пункта, в котором жила главная героиня, когда заинтересовалась историей жизни своей семьи: «Город часто менял название, местные называли его "белой могилой". Дом дедушки находился на узкой немощеной дороге. Каждое воскресенье я считала шаги, пряча лицо в шарф, пока мое дыхание оседало на нем ледяными каплями» [Hummel 2005: 8]. Название главы «Между морями» можно считать метафоричным. Под «морями» понимается сразу нескольких водоемов, среди которых Берлинское озеро, где был задержан дедушка, пруд, на котором Алина и дедушка рыбачили вместе, а также Голубые озера, сыгравшие важную роль при раскрытии тайны семьи. Временно-топографическая дистанция между событиями на каждом из указанных водоемов образует связь между прошлым и будущим в сознании главной героини и устанавливает определенную линейность процесса формирования важных для сюжета воспоминаний.

Память в произведениях мигрантской прозы обладает несколькими функциями: с одной стороны, это позволяет реконструировать события прошлого, с другой – именно память становится основанием формирования

межкультурной идентичности, «идентичность создается и в то же время констатируется через воспоминания» [Straub, Rüsen 1998: 22]. Именно память не дает героям-мигрантам раствориться в принимающей культуре, сохранив родную культуру как часть своей идентичности.

Авторы-мигранты часто ссылаются в своих произведениях на особенности родной культуры: в мигрантской прозе можно найти описания национальных праздников, обрядов, воспоминания о культурном прошлом родной страны. Например, такой теплый, знакомый многим русским людям образ создает писательница Алина Бронски в романе «Последняя любовь бабы Дуни»: «Раньше все внуки приезжали из города к бабушке и дедушке в деревню на летние каникулы. Летние каникулы были длинные, целых три жарких месяца, а у работающих в городе родителей отпуск был не такой длинный. Так и в нашей деревне с июня по август бегали городские дети, их лица быстро загорали на солнце, волосы выгорали, а ноги покрывались мозолями от ходьбы босиком. Они вместе отправлялись в лес собирать ягоды и купались в речке. Птичьей стайкой дети шумно проносились по главной улице, испачканные в пыли, выклянчивая по дороге яблоки [Bronsky 2015: 22]. Формирование идентичности невозможно без воспоминаний, при этом важную роль в данном процессе играет именно коллективная память. Культурный фон родной страны становится неотъемлемой частью мировосприятия человека, впоследствии этот фон находит отражение в коммуникации с представителями другой культуры.

Неосознанно мигранты оказывают влияние и на культуру принимающей страны, внося в нее разнообразие. В ситуациях межкультурного общения участники влияют друг на друга, результатом чего становится взаимное обогащение. Примеры подобного взаимного влияния, связанные с культурной памятью народа, можно найти во многих произведениях писателей-мигрантов. В романе Кати Петровской «Возможно, Эстер» в воспоминаниях главной героини нередко появляются собой песни и стихотворения родной страны, например известный «Марш авиаторов»:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца — пламенный мотор.
Всё выше, и выше, и выше
Стремим мы полёт наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ [Petrovskaja 2014: 37].

При этом элементы культурной памяти не остаются лишь частью культурного фона только мигранта, а внедряются и в картину мира представителей другой культуры. В романе Владимира Вертлиба герой, коренной немец, вспоминает одну из самых известных русских военных песен, с которой были связаны важные события жизни двух стран: «"Расцветали яблони и груши...", – начал петь один из музыкантов хорошо поставленным тенором под звуки балалайки. Остальные стали подпевать: "...Поплыли туманы над рекой. Выходила на берег Катюша, на высокий берег, на крутой..." Катюшу я знаю ещё со времен осады. Тогда её часто пели русские солдаты. К тому же, эту песню мы проходили ещё на уроках русского в школе. Она для меня неразрывно связана с "русской душой"» [Vertlib 2015: 247]. Как показывает данный пример, элементы культурной памяти могут со временем становиться частью чужого культурного кода.

Современные авторы-мигранты часто обращаются в своих произведениях к воспоминаниям о прошлом в родной стране, что оказывает определенное влияние на формирование образа России в немецкоязычном культурном пространстве. Можно говорить о том, что культурная память становится важным аспектом при формировании межкультурной идентичности. Используемые писателями воспоминания о прошлом, с одной стороны, необходимы для того, чтобы не потерять себя и не раствориться в культуре принимающей страны, сохранив собственные семейные традиции и память о событиях, послуживших причиной эмиграции. С другой стороны,

воспоминания оказывают влияние на принимающую культуру. При этом особый интерес вызывает процесс взаимовлияния национальной культурной памяти и немецкой культурной памяти через язык и произведения авторов-мигрантов. И даже если мигрант не может вписаться в прошлое принимающей страны, он может повлиять на ее будущее.

Выводы

Многие герои современной мигрантской прозы успешно осваивают немецкий язык как язык принимающего их в качестве мигрантов общества и становятся носителями двух языков. Знание немецкого языка становится необходимым условием для успешной интеграции в принимающую страну, в то время как русский язык обеспечивает связь с родиной и воспоминаниями о прошлом. Кроме того, смешение авторами выразительных средств двух языков дает примеры гибридизации на лексическом уровне. Выражается это в использовании писателями фразеологизмов, крылатых фраз в речи своих героев, цитат из классических произведений русской литературы, известных детских стихотворений, текстов известных русских песен, интертекстуальности. С одной стороны, для представителей немецкоязычного культурного пространства речь «иностранцев» становится еще более экзотичной, с другой – подобные выражения являются маркерами родной культуры для других героев-мигрантов и выступают в качестве средства обогащения немецкого языка. Взаимопроникновение языков в произведениях писателей-мигрантов становится способом взаимного обогащения культур.

Гибридные образы в произведениях мигрантской прозы возникают и на идейно-образном уровне, в рамках так называемой контактной зоны – в пространстве между двумя различными культурами и языками. Речь идет о следующих гибридных концептах: «национальность», «паспорт», «беженец», «еврей», а также концептах сферы обозначения «нового дома» такие, как «дом для мигрантов», «общежитие». Интересным примером образа антигибридности, то есть сферы изолированности культур друг от друга,

является концепт «мигрантский квартал». Но, несмотря на осознанную изолированность жителей квартала, из-за его близости к контактной зоне, он также может стать основой для формирования культурного диалога.

Особого внимания в рамках темы немецкоязычной мигрантской литературы заслуживает вопрос памяти. В своих произведениях авторы нередко обращаются к воспоминаниям о прошлом от первого лица, что позволяет сформировать общую ретроспективу семейной истории как совокупности отдельных точек зрения и подчеркнуть важность преемственности между поколениями. Периодические обращения к событиям прошлого формируют основу нарратива мигрантского текста и нередко становятся причиной возникновения временно-топографической дистанции между событиями.

Наряду с гетерогенностью хронотопа важной особенностью литературы авторов-мигрантов является гибридность жанровых форм: в мигрантской прозе можно обнаружить элементы автобиографии, исторического романа и семейного романа, что позволяет рассматривать современный немецкоязычный мигрантский роман как самостоятельную форму литературного творчества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении многих лет литература писателей с «мигрантским прошлым» в Германии составляет значительный, самобытный слой немецкоязычной национальной литературы. Несмотря на то, что история межкультурной литературы в этой стране насчитывает несколько веков, становление мигрантской литературы в актуальном для нас смысле обозначается учеными-литературоведами в период с 1950-х по 1980-е годы. Писателям потребовалось несколько десятилетий, чтобы утвердиться на немецкоязычной литературной сцене и стать полноценной частью культурного разнообразия Германии. На данный момент мигрантская литература является неотъемлемой частью немецкоязычного литературного ландшафта: произведения авторов-мигрантов вызывают живой интерес у широкого круга читателей, сами писатели представлены в средствах массовой информации, активно участвуют в общественной жизни страны. Мигрантская проза стала важным объектом исследования межкультурного литературоведения.

Проблема обозначения этого слоя литературы всегда была отражением не только отношения коренного населения к произведениям авторов, чьим родным языком был не немецкий язык, но и социального и культурного развития немецкоязычного общества. Разнообразие обозначений литературы писателей-мигрантов доказывает сложность единой классификации этих произведений и широту проблематики дефиниции творчества авторов-мигрантов, исходящей из различных научных подходов к его рассмотрению: как к литературе отдельной гомогенной группы писателей, чьи произведения объединены общими чертами поэтики («литература мигрантов», «литература миграции»), либо как нового направления национальной немецкой литературы, расширяющего ее границы («межкультурная литература», «мультикультурная литература», «транскультурная литература»).

Современное литературоведение находится в поисках такого названия, которое смогло бы соединить в себе эстетический, формальный, тематический аспекты, а также мультикультурный опыт и биографию писателей. Несмотря на существование проблемы определения литературы писателей с мигрантским прошлым, термин «мигрантская литература» представляется нам наиболее отвечающим всем требованиям, предъявляемым к произведениям писателей-мигрантов, поскольку позволяет рассматривать творчество авторов с точки зрения их билингвизма, открытой гибридной идентичности и биографии писателей, подразумевающей мультикультурный фон создания произведений.

На современном этапе научных исследований в межкультурном литературоведении рассматривается целый ряд научных вопросов: проблема обозначения мигрантской литературы, гибридность как «третье пространство» между культурами и языками, репрезентация коллективной памяти, особенности формирования межкультурной идентичности. Традиционная германистика делает попытки перехода от существовавших ранее в науке подходов, в рамках которых мигрантская литература рассматривалась лишь как нишевый феномен, к новому межкультурному подходу осмысления немецкоязычной мигрантской литературы как важного элемента современного немецкоязычного пространства.

Литература современных писателей-мигрантов из бывшего СССР занимает особое место на литературном рынке Германии, что обусловлено исторической детерминированностью и особой репрезентативностью данной группы писателей. История немецко-русской миграции отличается от общего развития глобализационных миграционных процессов в ФРГ, что обусловлено, прежде всего, обозначением значительной части переселенцев из Советского Союза в 1980-х–1990-х годах не гастарбайтерами, а вернувшимися на родину немцами, сменой ракурсов и смещением акцентов в их творчестве.

Ярко выраженная автобиографичность дебютных произведений писателей-мигрантов из бывшего СССР (например, «Парк осколков» А. Бронски, «Русский – тот, кто любит березы» О. Грязновой, «Русская дискотека» В. Каминера, «Мои белые ночи» Л. Горелик, «Рыбы Берлина» Э. Хуммель, «Даже попугаи переживут нас» О. Мартыновой, «Остановки в пути» В. Вертлиба) несколько схожа с тематическими особенностями произведений авторов, имеющих свои корни в первых поколениях турецких и итальянских писателей: современные писатели-мигранты из бывшего СССР часто обращаются в своих произведениях к воспоминаниям о событиях в родной стране. Память о прошлом, с одной стороны, необходима для того, чтобы не потерять себя и не раствориться в культуре принимающей страны, сохранив семейные традиции и память о событиях, послуживших причиной эмиграции; с другой – она оказывает влияние на принимающую культуру, знакомя ее с культурой родной страны писателей. Однако современные авторы-мигранты пишут о своей жизни в Германии в более позитивном ключе, они больше не «потеряны» между двумя мирами и чувствуют себя полноправной частью общества. То есть можно говорить о феномене адаптации писателей-мигрантов в обществе принимающей страны и стирании границ между «своим» и «чужим». Это также проявляется в постепенном отходе писателей от «классических» мигрантских тем и обращении в своем творчестве к общественно значимым проблемам.

В контексте вышесказанного следует отметить феномен «самопозиционирования» писателей-мигрантов – намеренного использования издательствами и некоторыми авторами стратегий продвижения мигрантской литературы, основанных на использовании типичных мигрантских тем и национально-политических стереотипов, что связано с повышенным интересом немецкоязычной читательской публики к проблемам жизни мигрантов в их стране. Речь идет о таких писателях, как Владимир Каминер, опубликовавший более двадцати сборников коротких рассказов, посвященных жизни русского мигранта в ФРГ, а также Лена Горелик, чья критика в адрес

современного общества, выделяющего мигрантов в отдельную группу, лишь подогрела интерес к мигрантской теме. Использование писателями различных стереотипов и клише о русских и немцах в своем творчестве зачастую выражается применением таких художественных приемов как юмор, сатира и ирония. При этом рассмотренные в ходе анализа языковые средства подтверждают дуальность подхода писателей: авторы критикуют не только общество родной страны, но и принимающей.

Стремление авторов смешивать выразительные средства двух языков становится причиной гибридизации на лексическом уровне. Используемые писателями-мигрантами из бывшего СССР фразеологизмы, крылатые фразы из произведений русской литературы и интертекстуальность позволяют рассматривать их творчество в качестве примера взаимного обогащения языков и культур. Кроме того, характерными чертами мигрантского романа немецкоязычных писателей являются смешение на идейно-образном уровне (возникновение новых гибридных образов) и взаимопроникновение жанровых форм, поскольку в мигрантской литературе обнаруживаются одновременно элементы автобиографии, исторического романа и семейного романа.

Особое значение для мигрантской литературы имеет вопрос памяти. Сложность исторического контекста создания произведений обуславливает динамичность выбранных авторами стратегий повествования. Возникающая при этом неоднородность пространственно-временного континуума произведений становится важнейшей особенностью творчества немецкоязычных писателей-мигрантов из бывшего СССР. Так, например, сложность повествования в романе Э. Хуммель «Рыбы Берлина», выраженная трехуровневым повествованием – воспоминаниями главной героини в настоящем времени, ее воспоминания в детском возрасте и воспоминания бабушки о довоенном времени и событиях Второй мировой войны – подчеркивает гетерогенность процесса формирования истории отдельно взятой семьи. Обнаруженные нарушения хронологии событий, наблюдающиеся во многих произведениях писателей-мигрантов из бывшего

СССР (например, в романах «Собирательница списков» Л. Горелик, «Мой первый убийца» В. Вертлиба, «Даже попугаи переживут нас» О. Мартыновой), позволяют на основе отдельных точек зрения не только построить общую картину семейной истории, но и привлечь общественное внимание к важным историческим событиям в истории двух стран.

Мультикультурный контекст создания художественной литературы предполагает гетерогенную репрезентацию культурной идентичности в творчестве, а также своеобразие поэтики мигрантской прозы. Именно это позволяет рассматривать ее с точки зрения мультицентризма, что в условиях современных геополитических и глобализационных процессов представляется важным и необходимым элементом понимания культур. «Вписанные» в собственную идентичность маркеры другой культуры становятся своеобразным литературным ответом на изменение мира, провозглашением нового языка и «другого» взгляда на мир. Мультикультурные авторы соединяют в своем творчестве различные аспекты культуры страны своего происхождения и культуры принимающей страны, что обуславливает проявление их мигрантского прошлого на всех уровнях языка их произведений.

Перспективой дальнейшего исследования современной немецкой межкультурной литературы может стать включение в зарубежное и отечественное исследование литературного процесса новых авторов, пишущих мультикультурные произведения на немецком языке, чье творчество может быть изучено, например, с позиции компаративистского подхода. Кроме того, творчество писателей-мигрантов из бывшего СССР позволяет по-новому взглянуть на формирование образа России в западноевропейской культуре, поэтому анализ современной западной литературы, в нашем случае – немецкой, может способствовать воссозданию мультикультурной картины современного общества. Вероятно, объем литературы, созданной писателями с мультикультурными корнями, будет расширяться в связи с интенсивной миграцией в Европу из разных стран.

Усиление культурного смешения может стать причиной пересмотра понятий «общечеловеческое» и «национальное», углубленного анализа их взаимодействия и взаимообогащения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Научная литература

1. Артановский С.Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Философско-методологический анализ современных зарубежных концепций. Л. : Просвещение, 1967. 268 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Худ. лит., 1972. 434 с.
3. Бахтин М. М. Из предыстории романного слова // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. С. 408 –446.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.
5. Белобратов А.В. Немецкоязычная литература миграции на рубеже тысячелетий: от традиционализма к постмодерну и обратно // Вопросы филологии / под ред. Е.А. Зачевского, А.В. Хохлова. СПб. Изд-во ФГАОУ ВО "Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого". 2015а. Вып. 20. С. 97 – 108.
6. Белобратов А.В. Германист Лев Копелев – от идеологического присвоения к культурному посредничеству // Вестник Балтийского федерального университета им И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. Вып. 1. 2015б. С. 8 – 19.
7. Боруруева Н. В. Поиск культурной идентичности в творчестве франкоязычных писателей магрибинского происхождения (Салим Баши, Малика Мокеддем) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 37 с.
8. Брейнингер О. Модели самоидентификации и литература российской диаспоры в современной Германии // Новое литературное обозрение. 2014. № 3 (127). С. 339 – 364.
9. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия. М. : Изд-во МГУ, 1969. 260 с.
10. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М: Прогресс, 1972. Вып. 6. С. 25 – 60.

11. Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев : Вища школа, 1979. 263 с.
12. Гавранек Б. К проблематике смешения языков // Новое в лингвистике. М. : Прогресс, 1972. Вып. 6. С. 94 –111.
13. Гронская Н.Э., Зусман В.Г., Сибирцева В.Г. Метакомпаративистика как методологический подход к проблеме «культурной идентичности» (миграционное изменение) // Мультикультурализм или интертекстуализм? Опыт Австрии, России, Европы. Н. Новгород : Деком, 2013. С. 12 – 17.
14. Елисеева А.В. Анекдотический дискурс о национальностях и странах в немецкой литературе рубежа XX-XXI веков // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 74 –79.
15. Зиновьев И. В. Н. С. Трубецкой о межкультурном диалоге и проблеме толерантности // Философские науки. 2006. № 5. С. 115 –136.
16. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Литература и методы ее изучения. Системно-синергитический подход. М. : Флинта ; Наука, 2011. 280 с.
17. Зусман В. Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка. Н. Новгород, 2001. 168 с.
18. Зусман В.Г. Гибридность в литературе мигрантов. Гетерогенное «письмо» В. Вертлиба // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. М. : Языки славянской культуры, 2013. Т. 10. С. 180 –187.
19. Ионин Л. Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 3–14.
20. Ионин Л.Г. Социология культуры. М. : Логос, 1996. 280 с.
21. Караваева Е. М. Конфликт поколений в романах Максин Хонг Кингстон и Эми Тэн (к проблеме поиска идентичности в азиатско-американской

- литературе США последней трети XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 27 с.
22. Климов В.В. Языковые контакты // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. М. : Наука, 1970. 604 с.
 23. Кокшаров Н.В. Взаимодействие культур: диалог культур – 25 июля 2006. URL: <http://yarcenter.ru/articles/ethnicworld/dialog/vzaimodeystvie-kultur-dialog-kultur-557/> (дата обращения: 27.03.2019).
 24. Котелевская В.В. «Я сам» и «другой»: структура (пост) модернистского персонажа в контексте постструктуралистской философии субъекта // Литература в диалоге культур : межвуз. науч. сб. Ростов-н/Д. Изд-во «Фонд науки и образования», 2015. С. 163–172.
 25. Кун Т.С. Структура научных революций/ пер. с англ. И.Э. Налетова. М., 1975. URL: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/kunts01/index.htm> (дата обращения: 01.04.2019).
 26. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М. : Искусство, 1970. 384 с.
 27. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М. : Гнозис. 1992. 702 с.
 28. Мечковская Н.Б. Языковой контакт // Общее языкознание. Минск : Высшая школа, 1983. 456 с.
 29. Павлова О.А. О некоторых особенностях изучения постколониальной и мультикультурной литератур // Современное общество и экономика: анализ состояния и перспективы развития в условиях экономической турбулентности. Пенза : Изд-во ПГУ, 2015. С. 484 – 498.
 30. Попова М.К., Струков В.В. Национальная идентичность в литературоведении: терминологический аспект проблемы // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 2000. Вып. 15. С. 244 – 254.
 31. Поршнева А.С. Жанр эмигрантского романа в немецкой литературе 1930-1970-х годов : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2017. 481 с.

32. Потёмина М.С. Концепт «граница» в романе В. Хильбига «Временное пристанище» // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Сер.: Филологические науки. 2009. Вып. 2. С. 40 – 44.
33. Потёмина М.С. «Свое/чужое» как основа реализации субъективной модальности в литературе Германии после 1989 года // Категория модальности и речевой коммуникации : сб. науч. тр. / под ред. И. Ю. Куксы. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. С. 91 – 95.
34. Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. М. : Прогресс, 1972. Вып. 6. С. 5 – 22.
35. Сагатовский В.Н. Диалог культур и «русская идея» // Возрождение культуры России. Диалог культур и межнациональные отношения. СПб., 1996. Вып. 4. С. 20 – 27.
36. Соколова Е.В. От парадигмы исключения «или/или» к парадигме расширения сознания «и то, и это»: «Русский – тот, кто любит березы» Ольги Грязновой // Известия Южного федерального университета. Сер.: Филологические науки. 2018а. Вып. 2. С. 12 – 21.
37. Соколова Е.В. Образ России в современной немецкоязычной литературе: аналит. обзор / РАН ИНИОН Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения / отв. ред. Е.А. Цурганова. Сер.: Теория и история литературоведения. М., 2018б. 103 с.
38. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. 264 с.
39. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М. : Изд-во Слово/Slovo, 2008. 334 с.
40. Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США. М. : Изд-во ИМЛИ РАН ; Наследие, 2000. 400 с.
41. Толкачев С.П. Мультикультурный контекст современного английского романа // Филологические науки. 2002. №4. С. 23 – 33.

42. Толкачев С.П. Мультикультурный контекст современного английского романа : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003а. 381 с.
43. Толкачев С.П. Образы гибридности в произведениях англоязычных писателей-мигрантов // Вестник Московского университета им. М.В. Ломоносова. Сер. 9.: Филология. 2003б. № 1. С. 24 – 33.
44. Толкачев С.П. Феномен «пограничной» прозы // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. Уфа : Изд-во ВЭГУ, 2007. С. 172 – 186.
45. Толкачев С.П. Переосмысление парадигмы классической литературы в произведениях мультикультурных писателей // XXII Пуришевские чтения: история идей в жанровой истории. М. : Изд-во МПГУ, 2010. С. 17 – 18.
46. Толкачев С.П. Современная английская кросскультурная литература в поле постколониальной теории // Вестник Московского лингвистического государственного университета. Сер.: Филологические науки. 2011. Вып. 22 (628). С. 118 –151.
47. Толкачев С. П. Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2013а. № 1 (январь – февраль). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature/ (дата обращения: 30.11.2018).
48. Толкачев С.П. Проблемы гибридной идентичности в современной мультикультурной литературе // Знание. Понимание. Умение. М. : МГУ, 2013б. № 2. С. 177 – 182.
49. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана : сборник. М. : Аграф, 1999. 554 с.
50. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. М. : Прогресс, 1972. Вып. 6. С. 61 – 80.

51. Хаусбахер Э. Пересекшие границу: мигрантские истории в современной литературе // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте : сб. матер. I Междунар. науч.-практ. конф. М. : Изд-во Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, 2018. С. 285 – 287.
52. Цветков Ю.Л. На перекрестке цивилизаций: отказ от мультикультурализма в (анти)утопии К. Крахта «Я буду здесь, на солнце и в тени» // Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций. Симферополь : Изд-во Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, 2015. С. 64-78.
53. Чубарьян А.О. Диалог культур и цивилизаций / под ред. А.О. Чубарьяна. М.: Наука, 2006. Вып. 7. С. 5 – 16.
54. Чугунов Д.А. Мультикультурность и «встречные течения» в авторском сознании: к постановке проблемы // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2015. № 3. С. 114 – 118.
55. Шуман Е. Звезда немецкой литературы говорит по-русски только с самыми близкими людьми. URL: <http://www.dw.com/ru/звезда-немецкой-литературы-говорит-по-русски-только-с-самыми-близкими-людьми> (дата обращения: 05.01.2011)
56. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич Л. : Наука, 1974. 427 с.
57. Ackermann I., Weinrich H. Eine nicht nur deutsche Literatur. Zur Standortbestimmung der ‚Ausländerliteratur‘. München : Piper, 1986. 182 S.
58. Ackermann I. Nachwort // Fremde Augenblicke. Mehrkulturelle Literatur in Deutschland. Bonn : Inter Nationes Verlag, 1996. S. 168 – 171.
59. Adelson L. Migration, Mythos und Geschichte // Fischer A., McGowan H. (Hg.). Denn du tanzt auf einem Seil: Positionen deutschsprachiger MigrantInnenliteratur. Tübingen : Stauffenburg, 1997. S. 35 – 52.

60. Al-Slaiman M. Das Fremde in der deutschsprachigen Literatur ausländischen Autoren // Parry C., Wilske D., Voßschmidt L. Literatur und Identität. Beiträge auf der 10. Internationalen Arbeitstagung Germanistische Forschungen zum literarischen Text. Vaasa : Vaasan Zliopisto, 1999. S. 235 –239.
61. Albrecht C. Überlegungen zum Konzept der Interkulturalität // Bizeul Y., Bliesener U., Prawda M. (Hg.). Vom Umgang mit dem Fremden. Weinheim : Beltz, 1997. S. 116 –122.
62. Allen P. G. The Autobiography of a Confluence // I Tell You Now : Autobiographical Essays by Native American Writers / ed. by B. Swann, A. Krupat. Lincoln, NE, 1987. S. 141 –154.
63. Allolio-Näcke L., Kalscheuer B., Manzeschke A. Differenzen anders denken. Bausteine zu einer Kulturtheorie der Transdifferenz. Frankfurt/M; N. Y. : Campus, 2005. 151 S.
64. Amodeo I. Die Heimat heißt Babylon. Zur Literatur ausländischer Autoren in der Bundesrepublik Deutschland. Opladen : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1996. 223 S.
65. Antweiler Ch. Interkulturalität in der Theorie und ein Beispiel aus In-donesien // Hahn A., Platz N. H. (Hg.). Interkulturalität als neues Paradigma Trierer Beiträge. Aus Forschung und Lehre an der Universität Trier XXVII. Tübingen : Stauffenburg. 1999. S. 35 – 48.
66. Antweiler Ch. Our Common Denominator. Human Universals Revisited. N. Y.; Oxford : Berghahn Books 2016. 350 S.
67. Arnold H.-L. Literatur und Migration // edition Text + Kritik. Sonderband IX/2016. München, 2006. 285 S.
68. Bachmann-Medick D. Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Hamburg : Rowohlt, 2006. 198 S.
69. Bade K. J. Einheimische Ausländer: 'Gastarbeiter' – Dauergäste- Einwanderer // Deutsche im Ausland - Fremde in Deutschland: Migration in Geschichte und Gegenwart. München : C.H. Beck Verlag, 1992. S. 393 – 400.

70. Bauman Z. Flaneure, Spieler und Touristen. Essays zu postmodernen Lebensformen. Hamburger Edition; Auflage: 1. Aufl. Hamburg, 2006. 270 S.
71. Baumgärtel B. Identitätsbalance in der Fremde: Der Beitrag des symbolischen Interaktionismus zu einem theoretischen Rahmen für das Problem der Identität der Migrantenliteratur // A. Fischer, H. McGowan (Hg.). Denn du tanzt auf einem Seil: Positionen deutschsprachiger MigrantInnenliteratur. Tübingen, 1997. S. 53 – 70.
72. Bay H. Wo das Schreiben anfängt. Yoko Tawadas Poetik der Migration // Literatur und Migration, H.L. Arnold, Gastredaktion J. Abel, , A. Blödorn und Ch. Hamann. München : Ed. Text & Kritik, 2006. 285 S.
73. Bhabha H. The Location of Culture. L. : Routledge, 1994. 440 S.
74. Bhabha H. On Cultural Choice // The Turn to Ethics / ed. By M. Garber, B. Hanssen, R.L. Walkowitz. L. : Routledge, 2000. P. 181 – 200.
75. Behravesch M. L. Migration und Erinnerung in der deutschsprachigen interkulturellen Literatur. Bielefeld : Aisthesis Verlag, 2017. 252 S.
76. Bickmann C. Identität und Differenz als Kernproblem im Dialog der Kulturen. Vorüberlegungen zu einer Philosophie im Kulturenvergleich // Lambrecht L. (Hg.) Dialektik. Enzyklopädische Zeitschrift für Philosophie und Wissenschaften. Tübingen : Stauffenburg. 1999. S. 23-46.
77. Biondi F., Schami R. Literatur der Betroffenheit. Bemerkungen zur Gastarbeiterliteratur // Schaffernicht Ch. (Hg.). Zu Hause in der Fremde. Fischerhude, 1981. S. 124-136.
78. Bliuomi A. (Hg.). Migration und Interkulturalität in neueren literarischen Texten. Hg. Von Aglaja Blioumi. München : iudicium, 2002. 162 S.
79. Blödorn A. Nie da sein, wo man ist. „Unterwegs-Sein“ in der transkulturellen Gegenwartsliteratur // Heinz Ludwig Arnold, Gastredaktion Julia Abel, Andreas Blödorn und Christof Hamann. Literatur und Migration. München : Ed. Text & Kritik, 2006. S.134 – 147.

80. Bluhm L. Identität und Zeitenbruch. Probleme heterogener Sprachspiele im „neudeutschen Literaturstreit“ 1990/91 // Kamm J. Spuren der Identitätssuche in zeitgenössischen Literaturen. Trier, 1994. S. 17 – 38.
81. Blum-Barth. Deutsch-russische Literatur nach dem Mauerfall. Versuch einer Bestandsaufnahme. 2014. URL: <https://literaturkritik.de/id/20072> (дата обращения: 19.06.2018)
82. Brathwaite E. K. Creolization in Jamaica // The Post-Colonial Studies Reader / ed. by B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. N. Y., 1995. S. 202 – 205.
83. Braun M. Wie viel Migration verträgt die Literatur? Deutsch als „zweite Muttersprache“. URL: <http://www.kas.de/upload/dokumente/jahresbericht2010/Literatur.pdf> 7.9.2011. (дата обращения: 01.05.2019)
84. Bromley R. Narratives for a New Belonging: Diasporic Cultural Fictions. Edinburgh, 2000. 182 p.
85. Bulut C. Stellenwert der türkischen Migrantenliteratur in der deutschen Literaturszene. 2016. URL: <http://www.reocities.com/almandili1/Migrantenlit.htm> (дата обращения: 19.11.2018).
86. Bürger-Koftis M. Eine Sprache – viele Horizonte... Die Osterweiterung der deutschsprachigen Literatur. Porträt einer neuen europäischen Generation. Wien : Praesens, 2008. 252 S.
87. Cammann A. Die Sprachwechsel. Die Zeit. №7. URL: <https://www.zeit.de/2014/07/literatur-nichtmuttersprachler-schreiben-deutsch> (дата обращения: 15.12.2018).
88. Celik S. Diskursive Wege der Selbstethnisierung // Ifade (Hg.): Insider – Outsider. Bilder, ethniserte Räume und Partizipation im Migrationsprozess. Bielefeld, 2005. S. 80 – 98.
89. Chamisso A. von. Leben und Briefe von Adelbert von Chamisso // (Hg.) Julius Eduard Hitzig. Leipzig : Weidmann, 1842. 307 S.

90. Chiellino C. Literatur und Identität in der Fremde. Zur Literatur italienischer Autoren in der Bundesrepublik. Augsburg : Bürgerhaus Kreßlesmühle, 1985. 159 S.
91. Chiellino C. Am Ufer der Fremde. Literatur und Arbeitsemigration 1870 - 1991. Stuttgart : Metzler, 1995. 492 S.
92. Chiellino C. Interkulturelle Literatur in Deutschland. Stuttgart, Weimar : Verlag J.B. Metzler, 2000. 541 S.
93. Chiellino C. Liebe und Interkulturalität. Essays 1988–2000 // Elisabeth Bronfen (Zürich), Michael Kessler (Rottenburg), Paul Michael Lützeler (St. Louis), Wolfgang Graf Vitzthum (Tübingen), Jürgen Wertheimer (Tübingen). Stauffenburg : Discussion, 2001. 192 S.
94. Cohen R. Global Diasporas. L. : UCL Press (Global Diasporas Series), 1997. 240 S.
95. Derrida Jacques. Die Différance. Ausgewählte Texte. Stuttgart : Reclam, 2004. S. 110 – 149.
96. Dörr V. C. Third Space vs Diaspora. Topologien transkultureller Literatur // Von der nationalen zur internationalen Literatur: Transkulturelle deutschsprachige Literatur und Kultur im Zeitalter globaler Migration Amsterdamer Beiträge zur neueren Germanistik / H. Schmitz (Hg.), Rodopi, 2009. 362 S.
97. Drechsel P. Paradoxien interkultureller Beziehungen // Interkulturalität – Grundprobleme der Kulturbegegnung. Mainzer Universitätsgespräche. Sommersemester. Mainz : Studium generale der Johannes Gutenberg-Universität, 1998. S. 173 – 212.
98. Drechsel P., Schmidt B., Götz B. Kultur im Zeitalter der Globalisierung: Von Identität zu Differenzen. Frankfurt a. M. : IKO. Verlag für interkulturelle Kommunikation, 2000. 172 S.

99. Dürig U.-M. Im Fokus wird die Förderung kultureller Teilhabe durch Literaturvermittlung stehen. Chamisso. Viele Kulturen – eine Sprache. Robert Bosch Stiftung, 2017. S. 51 – 52.
100. Ebmeyer M. Richtig sonnige Zeiten gab es für Mütter selten // Zeitschrift Freitag. 2016. №10. S. 23.
101. Ehnert R.; Hopster N. Die emigrierte Kultur. Wie lernen wir von der neuen Ausländerkultur in der Bundesrepublik Deutschland? // Ein Lese- und Arbeitsbuch. Bd. II Taschenbuch. Auflage: 1. Peter Lang, 1988. 328 S.
102. Erll A. Nünning A. Gedächtniskonzepte der Literaturwissenschaft. Theoretische Grundlegung und Anwendungsperspektiven. Berlin : Walter de Gruyter, 2005. 328 S.
103. Ernst T. Jenseits von MTV und Musikantenstadl. Popkulturelle Positionierungen in Wladimir Kaminers Russendisko und Feridun Zaimoglus Kanak Sprak. Arnold, 2006. S.159 – 166.
104. Ezli Ö. Von der Identitätskrise zu einer ethnographischen Poetik. Migration in der deutsch-türkischen Literatur // Literatur und Migration. Text + Kritik Sonderband IX/2016 / Hg. von H.-L. Arnold. München : edition text + kritik, 2006. S. 61 –73.
105. Esselborn K. Neue Zugänge zur inter/transkulturellen deutschsprachigen Literatur // Von der nationalen zur internationalen Literatur: Transkulturelle deutschsprachige Literatur und Kultur im Zeitalter globaler Migration Amsterdamer Beiträge zur neueren Germanistik. H. Schmitz (Hg.). Bd. 69. Rodopi, 2009. 362 S.
106. Fischer S., McGowan M. (Hg.). Denn du tanzt auf einem Seil. Positionen deutschsprachiger MigrantInnenliteratur. Tübingen : Stauffenburg, 1997. 285 S.
107. Frederking M. Schreiben gegen Vorurteile. Literatur türkischer Migranten in der Bundesrepublik Deutschland. Berlin : Express Edition, 1985. 136 S.

108. Gemende M., Schröer W., Sting S. (Hg.). Zwischen den Kulturen. Weinheim : Juventa-Verlag, 1999. 264 S.
109. Griem J. Hybridität // Metzler Lexikon Literatur-und Kulturtheorie. Ansätze – Personen – Grundbegriffe / A.Nünning (Hg.). Stuttgart; Weimar : Metzler, 1998. S. 220 – 221.
110. Gutjahr O. Fremde als literarische Inszenierung // Fremde : Freiburger literaturpsychologische Gespräche. Freiburg, 2002a. S. 47 – 68.
111. Gutjahr O. Alterität und Interkulturalität. Neue deutsche Literatur // Germanistik als Kulturwissenschaft. Eine Einführung in neue Theoriekonzepte / Hg. von C. Benthien, H. R. Velthen. Hamburg : Rowohlt, 2002b. S. 345 – 369.
112. Ha Kien Nghi. Kulturproduktion von Minderheiten zwischen Ethnisierung und Politik. In: IG Kultur Österreich. 2001. URL: <http://kulturrisse.at/ausgaben/042004/kulturpolitiken/subtitle-kulturproduktion-von-minderheiten-zwischen-ethnisierung-und-politik> (дата обращения: 29.02.2019).
113. Hakkarainen M.-L.: German home and hybridity: Reclaiming new cultural identities in selected German migrant narratives from the 1990s // Cultural Identity in Transition. Contemporary Conditions, Practices and Politics of a Global Phenomenon / Hg.von J. Kupiainen, E. Sevänen, J. A. Stotesbury. New Delhi : Atlantic, 2004. S. 194 – 204.
114. Hall S. Cultural Identity and Diaspora // Colonial Discourse and Post-colonial Theory : A Reader / ed. by P. Williams, L. Chrisman. N. Y. P., 1994. P. 392-403.
115. Hall S. Introduction: Who needs 'Identity'? // Hall S., Gay P. Questions of Cultural Identity. L., 1996. P. 1 – 17.
116. Hamm H. Fremdgegangen - Freigeschrieben. Einführung in die deutschsprachige Gastarbeiterliteratur. Würzburg, 1988. 316 S.
117. Han P. Soziologie der Migration. Stuttgart : Lucius&Lucius, 2000. 422 S.

118. Hartmann R. Das literarische Selbstbild einer Ostseeregion – Schwedisch-Pommern im 18.Jahrhundert. B: Regionalität als Kategorie der Sprach- und Literaturwissenschaft. Institut Filologii Germankiej der Uniwersytet Opolski. Frankfurt a. M. U.a. : Lang, 2002. S. 197 –214.
119. Hausbacher E.: Transnationale Schreibweisen in der zeitgenössischen Migrationsliteratur. Tübingen : Stauffenburg, 2009. 315 S.
120. Hein-Khalib S.. Sprachmigration und literarische Kreativität: Erfahrungen mehrsprachiger Schriftstellerinnen und Schriftsteller bei ihren sprachlichen Grenzüberschreitungen. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 1998. 228 S.
121. Heinze H. Migrantenliteratur in der Bundesrepublik Deutschland. Bestandsaufnahme und Entwicklungstendenzen zu einer multikulturellen Literatursynthese. Berlin : Express Edition Verlag, 1986. 109 S.
122. Helfferich C., Klindworth H., Heine Y. et.al. Frauen leben – Familienplanung im Lebenslauf. Eine BZgA-Studie mit dem Schwerpunkt ungewollte Schwangerschaften. Köln : BZgA, 2016. 398 S.
123. Henrich D. «Identität» – Begriffe, Probleme, Grenzen / O. Marquard, K. Stierle. München : edition text + kritik, 1979. S. 133 – 186.
124. Hepburn A. Derrida and Psychology. Deconstruction and Its Ab/uses in Critical and Discursive Psychologies // Theory & Psychology, 1999. Vol. 9(5). S. 641 – 667.
125. Hieber J. Lena Gorelik: „Lieber Mischa ...Mutterwitz mit Telefon“. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/belletristik/lena-gorelik-lieber-mischa-mutterwitz-mit-telefon-1628168.html> (дата обращения: 29.09.2018).
126. Hinrichs U. Multu Kulti Deutsch: Wie Migration die deutsche Sprache verändert. Berlin : C.H. Beck, 2013. 294 S.
127. Hoffmann M. Interkulturelle Literaturwissenschaft. Eine Einführung. Stuttgart : UTV, 2006. 246 S.

128. Hoffmann M. Patrut Iulia-Karin. Einführung in die interkulturelle Literatur. Darmstadt : WBG, 2015. 186 S.
129. Hoge B.: Schreiben über Russland. Die Konstruktion von Raum, Geschichte und kultureller Identität in deutschen Erzähltexten seit 1989. Heidelberg : Winter, 2012. 478 S.
130. Holdenried M., Willms W. (Hg.) Die interkulturelle Familie Literatur- und Sozialwissenschaftliche Perspektive. Bielefeld : Transcript, 2012. 275 S.
131. Howard M. Interkulturelle Konfigurationen. Zur deutschsprachigen Erzählliteratur von Autoren nichtdeutscher Herkunft. München : Iudicium, 1997. 200 S.
132. Iljassova-Morger O. Transkulturalität als Herausforderung für die Literaturwissenschaft und Literaturdidaktik. Das Wort // Germanistisches Jahrbuch Russland. 2009. S. 39 – 59.
133. Isterheld N. In der Zukunft Europas. Zur deutschsprachigen Literatur russischstämmiger AutorInnen. Bamberg : University of Bamberg Press, 2017. 484 S.
134. Joachimstaler J. Erziehung zum Deutschthum. Aspekte der wilhelmischen Literaturpolitik unter Berücksichtigung der besonderen Verhältnisse im mehrsprachigen Oberschlesien // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Opolskiego. Filologia Germanska. 1996. 2. S. 37 – 72
135. Joachimsthaler J. Undeutsche Bücher: Zur Geschichte interkultureller Literatur in Deutschland» // Helmut Schmitz. Von der nationalen zur internationalen Literatur: Transkulturelle deutschsprachige Literatur und Kultur im Zeitalter globaler Migration Amsterdamer Beiträge zur neueren Germanistik. Rodopi, 2009. 362 S.
136. Kämmerlings R. Man sollte uns zwingen, den Flüchtlingen zuzuhören. URL: <https://www.welt.de/kultur/literarischewelt/article151957006/Man-sollte-uns-zwingen-den-Fluechtlingen-zuzuhoeren.html> (дата обращения: 08.02.2019).

137. Kazmierczak M. Fremde Frauen. Zur Figur der Migrantin aus (post)sozialistischen Ländern in der Deutschsprachigen Gegenwartsliteratur. Berlin : Erich Schmidt, 2016. 311 S.
138. Keupp H. Identitätskonstruktionen. Das Patchwork der Identitäten in der Spätmoderne. Hamburg : Rowohlt-Taschenbuch-Verl., 2008. 351 S.
139. Khalil I. O.: Zur Rezeption arabischer Autoren in Deutschland // Fischer, Sabine / McGowan M. (Hg.). Denn du tanzt auf einem Seil. Positionen deutschsprachiger MigrantInnenliteratur. Tübingen : Stauffenburg, 1997a. S. 115 – 132.
140. Khalil I. Orient-Okzident-Stereotype im Werk arabischer Autoren // Howard M. (Hg.). Interkulturelle Konfigurationen. Zur deutschsprachigen Erzählliteratur von Autoren nichtdeutscher Herkunft. München : Iudicium, 1997b. S. 77 – 94.
141. Kimminich E. Macht und Entmachtung der Zeichen. Einführende Betrachtungen über Individuum, Gesellschaft und Kultur // Kimminich E. (Hg.). Kulturelle Identität. Konstruktionen und Krisen. Welt – Körper – Sprache: Perspektiven kultureller Wahrnehmungs- und Darstellungsformen, 2003. Bd. 3. S. 7 – 42
142. Kissel W. Im Exil. Die mnemopoetische Moderne / Städke K. (Hg.) Russische literaturgeschichte. J.B. Metzler, Part of Springer. Nature - Springer-Verlag GmbH, 2011. 456 S.
143. Körner H. Reichtum und Armut - Einige theoretische Aspekte // Böhme, Chakraborty, Weiler. Migration und Ausländerfeindlichkeit. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1994. S. 59 – 62.
144. Kozakai Toshiaki. Deux méprises sur l'identité culturelle. Unveröffentlichter Seminarbeitrag // New Stakes for Intercultural Dialogue, Paris : UNESCO, 2006. P. 51 – 55.
145. Kramatschek C. Olga Grjasnowa. Gott ist nicht schüchtern. Ein schmerzliches Buch über den Syrien-Krieg. URL: <http://www.deutschlandfunkkultur.de/olga-grjasnowa-gott-ist-nicht->

schuechtern-ein-schmerzliches.950.de.html?dram:article_id=381488 (дата обращения: 18.03.2019).

146. Krappmann L. Soziologische Dimensionen der Identität : Strukturelle Bedingungen für die Teilnahme an Interaktionsprozessen, Stuttgart : Klett, 1971. 231 S.
147. Krappmann L., Oswald H. Alltag der Schulkinder: Beobachtungen und Analysen von Interaktionen und Sozialbeziehungen. Weinheim ; München : Juventa-Verlag, 1995. 224 S.
148. Krappmann L., Lepenies A. Alt und Jung: Spannung und Solidarität zwischen den Generationen. Frankfurt a. M.; N. Y. : Campus-Verlag, 1997. 250 S.
149. Krappmann L. (Hg.) Bildung für junge Flüchtlinge - ein Menschenrecht: Erfahrungen, Grundlagen und Perspektiven. Bielefeld : Bertelsmann, 2009. 324 S.
150. Kraus W. Das erzählte Selbst. Die narrative Konstruktion von Identität in der Spätmoderne / Münchner Studien zur Kultur- und Sozialpsychologie. München, 1996. 280 S.
151. Kücher P.-H. Vladimir Vertlib – Schreiben im „kulturellen Zwischenbereich“ // Bürger-Koftis, Michaela. Eine Sprache – viele Horizonte, Die Osterweiterung der deutschsprachigen Literatur. Porträt einer neuen europäischen Generation. Wien : Praesens, 2008. S. 177 – 190.
152. Kühn H. Stand und Weiterentwicklung der Integration der ausländischen Arbeitnehmer und ihrer Familien in der Bundesrepublik Deutschland: Memorandum d. Beauftragten d. Bundesregierung. Bundesminister für Arbeit u. Sozialordnung. Bonn, 1979. 66 S.
153. Küng H. Projekt Weltethos. München : Piper, 1990. 191 S.
154. Kurilo O. Die Lebenswelt der Russlanddeutschen in den Zeiten des Umbruchs (1917-1991): Ein Beitrag zu ihrer kulturellen Mobilität und ihrer Unterscheidung (Migration in Geschichte und Gegenwart). Klartext-Verlagsges, 2010. 437 S.

155. Laclau E. New Reflections on the Revolution of our Time. L., 1990. 284 p.
156. Lakoff G. Johnson M. Metaphors we live by / George Lakoff and Mark Johnson. p. cm. Originally published: Chicago : University of Chicago Press, 1980. 401 p.
157. Lenz W. Undeutsch. Bemerkungen zu einem besonderen Begriff der baltischen Geschichte // Aus der Geschichte Alt-Livlands. Festschrift für Heiny von zur Mühlen zu 90. Geburtstag / B. Jähnig und K. Militzer (Hg.). Münster; Hamburg; Berlin; London : Lit Verlag, 2004. S. 167 – 184.
158. Lieke W. Politische Verfolgung // Böhme W. Migration und Ausländerfeindlichkeit. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1994. S. 39 – 46.
159. Lohr S.. Roman über Flucht aus Syrien. Schleichender Zivilisationsverlust. URL: <http://www.spiegel.de/kultur/literatur/gott-ist-nicht-schuechtern-von-olga-grjasnowa-a-1139127.html> 23.03.2017 (дата обращения: 7.9.2017).
160. Luchtenberg S. Gastarbeiterliteratur an der Berufsschule: Zum Beispiel „Ich heiße Yusuf Toprakoglu“. Sprache und Beruf, 1986. S. 37 – 52.
161. Lucius-Hoene G.. Erzählen von Krankheit und Behinderung // PPmP. Zeitschrift für Psychotherapie, Psychosomatik, med. Psychologie. München : edition text + kritik, 1998. S. 108 – 113.
162. Lüdi G. Sprachverhalten, Sprachpolitik, Diskurs über Sprache: Staatlichkeit in Europa zwischen dem einsprachigen Nationalstaat und dem mehrsprachigen Vielvölkerstaat // Nekula M.; Fleischmann I.; Greule A. (Hg.). Franz Kafka im sprachnationalen Kontext seiner Zeit. Sprache und nationale Identität in öffentlichen Institutionen der böhmischen Länder. Köln; Weima; Wien : Böhlau Verlag, 2007. 272 S.
163. Mannfrass Kl. Reichtum und Armut-Entwicklung und Unterentwicklung // Böhme, Chakrabort, Weiler. Migration und Ausländerfeindlichkeit. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1994. S. 47 – 58.

164. Manni V. B. Cosmopolitical Claims. Turkish-german literatures from Nadolny to Pamuk. Iowa City 2007 // Löffler, Sigrid: Die neue Weltliteratur und ihre großen Erzähler. München, 2014. 262 p.
165. März U. Sie ist auf Alarm. Sie sucht eine Schulter zum Anlehnen. Sie schläft nicht. Sie haut ab. URL: <http://www.zeit.de/2012/12/Olga-Grjasnowa> 15.03.2012 (дата обращения: 7.9.2018).
166. Matthes J. Zwischen den Kulturen? Die Sozialwissenschaften vor dem Problem des Kulturvergleichs. Göttingen : Schwartz, 1992. 420 S.
167. Mbiga S. Selbstfindungsprozesse im interkulturellen Roman: Eine Analyse zur Identitätssuche im postkolonialen Afrika. Münster : Lit. Verlag, 2010. 216 S.
168. McPherson A. Aufgaben und Grenzen transkultureller AnalyseAnsätze // C. Sandten, M. SchraderKniffki, K. Starck (Hg.). Transkulturelle Begegnungen. Trier : Wissenschaftlicher Verlag, 2007. 101 S.
169. Mecheril P. Prekäre Verhältnisse. Über natio-ethno-kulturelle (Mehrfach-) Zugehörigkeit. Münster, 2003. S.104 –115.
170. Mehnert E. (Hg.). Russische Ansichten - Ansichten von Russland. Frankfurt a. M.; Berlin; Bern u.a. : Peter Lang, 2007. 219 S.
171. Menzel B., Schmid U. Der Osten im Westen. Importe der Populärkultur. Osteuropa // Zeitschrift für Gegenwartsfragen des Ostens. 2007. 57 (5). S. 3 – 21.
172. Michel H. Odysseus im wüsten Land. Eine Studie zur literarischen Verarbeitung des Identitätsproblems in der griechischen Migrantenliteratur. Köln, 1992. S. 98 – 105.
173. Nell, W. Zur Begriffsbestimmung und Funktion einer Literatur von Migranten // Nasrin Amirsedghi und Thomas Bleicher. Literatur der Migration. Mainz : Kinzelbach Verlag, 1997. S. 34 – 48.

174. Neumann B. Fictions of Memory: Erinnerung und Identität in englischsprachigen Gegenwartsromanen // Literatur in Wissenschaft und Unterricht. 2004. H. 4. S. 333 – 360.
175. Obermüller K. Dichter von Welt. URL: https://www.welt.de/print/die_welt/vermischtes/article13943388/Dichter-von-Welt.html (дата обращения: 10.05.2019).
176. Pandel H.-J. Geschichtlichkeit und Gesellschaftlichkeit im Geschichtsbewußtsein. Zusammenfassendes Resümee empirischer Untersuchungen // A. Borries, H. Bodo (Hg.). Geschichtsbewußtsein empirisch. Pfaffenweiler, Geschichtsdidaktik. 1991. Bd. 7. S. 1 – 19.
177. Parfit D. Personal Identity // The Philosophical Review. 1971. 80. P. 3 – 27.
178. Päthe T. Vom Gastarbeiter zum Kanaken: Zur Frage der Identität in der deutschen Gegenwartsliteratur. München : Iudicium, 2013. 185 S.
179. Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte, Heidelberg, 1920. URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/prinzipien-der-sprachgeschichte-2742/1> (дата обращения: 12.04.2019).
180. Penkert W. Vom nationalen Schrifttum in Oberschlesien // Der Oberschlesien, 1933. 15. S. 493 – 500.
181. Picardi-Montesardo A. Die Gastarbeiter in der Literatur der Bundesrepublik. Berlin : Express Edition, 1985. 124 S.
182. Plantholt S. Die Welt. 01.08.2017. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article167245133/18-6-Millionen-Einwohner-mit-auslaendischen-Wurzeln-in-Deutschland.html> (дата обращения: 19.04.2019).
183. Popov D.. Der neue Russe. Die K-Frage der Russen in Deutschland. Kopelev – Kaminer – Klitschko als Spiegel ihrer Zeit // Freitag, 2002. Nr. 13. S. 13 – 18.
184. Porsché Y. Kulturelle Identitäten von MigrantInnen: Möglichkeiten & Unmöglichkeiten von Grenzaufhebung // Altnöder S., Lütke M., Vejmělka M.

- (Hg.) Identität in den Kulturwissenschaften. Perspektiven und Fallstudien zu Identitäts- und Alteritätsdiskursen. Trier : WVT Wissenschaftlicher Verlag, 2011. S. 53 – 76.
185. Posner R. Kultursemiotik // Nünning A., Nünning, V. (Hg.). Konzepte der Kulturwissenschaften. Theoretische Grundlagen – Ansätze – Perspektiven. Stuttgart, 2003. S. 39 – 72.
 186. Pratt M. L. Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. L. : Routledge, 1992. 296 p.
 187. Pugliese R. Biondi F. Grenzgänger der Sprachen, Wanderer zwischen den Kulturen. Frankfurt a. M. : Peter Lang Verlag, 2006. S. 9-24.
 188. Ramming U. Mit den Worten rechnen. Ansätze zu einem philosophischen Medienbegriff. Bielefeld : transcript, 2006. 259 S.
 189. Reeg U.: Schreiben in der Fremde. Literatur nationaler Minderheiten in der Bundesrepublik Deutschland. Essen : Klartext, 1988. 288 S.
 190. Rippl D. Vladimir Nabokov. Sein Leben in Bildern und Texten. Berlin : Alexander Fest Verlag, 1998. 244 S.
 191. Rösch H. Migrationsliteratur im interkulturellen Kontext - eine didaktische Studie zur Literatur von Aras Ören, Aysel Özakin, Franco Biondi und Rafik Schami. Frankfurt a. M. : Verlag für Interkulturelle Kommunikation, 1992. 241 S.
 192. Rösch H. Migrationsliteratur im interkulturellen Diskurs. Der Text basiert auf dem Vortrag zu der Tagung Wanderer - Auswanderer - Flüchtlinge 1998 an der TU Dresden. URL: http://www.fulbright.de/fileadmin/files/togermany/information/2004-05/gss/Roesch_Migrationsliteratur.pdf (дата обращения: 12.08.2018).
 193. Rösch H. “Jim Knopf ist nicht schwarz“ - Anti-/Rassismus in der Kinder- und Jugendliteratur. Baltmannsweiler : Schneider, 2000. 281 S.
 194. Said E. W. Culture and Imperialism. First vintage books edition, Berlin, 1994. 407 p.

195. Saleh A. Rezeption arabischer Migrationsliteratur in Deutschland. Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Arabistik am Fachbereich Geschichts- und Kulturwissenschaften der Freien. Berlin, 2011. 159 S.
196. Sander G.L. Multiculturalism and the Jews. N. Y. : Routledge, Taylor&Francic, 2006. 293 S.
197. Sander M. Mehrsprachige Agenten der Weltläufigkeit // Stuttgarter Zeitung. 30.11.2009. S. №277. S. 17 – 18.
198. Sandten C. With Pomp, with Triumph, and with Revelling: Shakespeares A Midsummer Night's Dream und Felix MendelsohnBartholdys Schauspielmusik // C. Sandten, M. Cecile. SchraderKniffki, K. Starck (Hg.). Transkulturelle Begegnungen. Trier : Wissenschaftlicher Verlag, 2007. P. 137 – 157.
199. Schami R., Torossi E. Den Trägern der Zukunft erzählen. Ein Plädoyer für Kinderliteratur in der Fremde // Die Brücke. 1985. №1. S. 25-28.
200. Scheffrann Jürgen: Kriegs- und Umweltflüchtlinge // J. Böhme, B. Chakraborty, A. Weiler. Migration und Ausländerfeindlichkeit. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1994. S. 23 – 38.
201. Schenk K.: Autofiktionale Aspekte in der gegenwärtigen Migrationsliteratur // Valentin, Jean-Marie (Hg.). Migrations-Emigrations- und Remigrationskulturen. Bern, 2007. 255 S.
202. Schumann A. Neue Tendenzen in der "Migrantenliteratur". Der Gast, der keiner mehr ist. URL:<https://de.qantara.de/inhalt/neue-tendenzen-in-der-migrantenliteratur-der-gast-der-keiner-mehr-ist> (дата обращения: 19.10.2018)
203. Schilling K. von. Kulturelle Identität und kulturwissenschaftliche Textinterpretation. Ein Konzept von Landeskunde im Fach Deutsch als Fremdsprache // Info DaF. 1989. 162. S. 147 –178.

204. Schoen U. Mensch sein in zwei Welten: Bi-Identität in Sprache, Religion und Recht. Münster : Lit Verlag, 2000. 360 S.
205. Schmidt S. Erfahrungen mit einem anderen Land // Buchjournal. 2010. Nr. 4. S. 12 – 15.
206. Schmitz H. Von der nationalen zur internationalen Literatur. Transkulturelle deutschsprachige Literatur und Kultur im Zeitalter globaler Migration. Amsterdam: N. Y., 2009. S. 21-45.
207. Schulze-Engler F.; Spiller R. Transkulturelle Literaturen in einer globalisierten Welt – Ehemalige Kolonialsprachen im Wandel: Afrikanische Identitätsfindung jenseits des ‘geheimnisvollen Anderen. Forschung Frankfurt, 2006. P. 22 – 26.
208. Schütz A. Relevanz und Handeln. Bd. 2: Gesellschaftliches Wissen und politisches Handeln. Konstanz, 2011. S. 59 – 74.
209. Schütze E. Fünf Jahre Russendisco – die Party geht weiter // Berliner Zeitung. 2004. №273. S. 30-31.
210. Schwerter S. Puschkin ist kein Wodka, sondern ein Dichter. Deutsch-russische Frauen erobern die Literaturszene // Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. 2013. Issue 21. 216 S.
211. Senol S.: Kurden in Deutschland. Fremde unter Fremden. Frankfurt a. M. : Haag und Herchen Verlag, 1992. 165 S.
212. Shohat E. Notes on the “Post-colonial” // Social Text. 1992. Vol. 31/32. P. 99 – 113.
213. Sölçün S. Sein und Nichtsein. Zur Literatur in der multikulturellen Gesellschaft. Bielefeld, 1992. 149 S.
214. Statistisches Bundesamt. Migration & Integration URL: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/Bevoelkerung/MigrationIntegration/MigrationIntegration.html>. (дата обращения: 19.11.2018).

215. Steiner T. Translated People, Translated Texts: Language and Migration in Contemporary African Literature. Manchester (UK): Kinderhook (NJ) : St. Jerome, 2009. 184 p.
216. Stratthaus B. Was heißt die interkulturelle Literatur? Duisburg-Essen, 2005. 265 S.
217. Straub J., Rüsen J. Die dunkle Spur der Vergangenheit. Psychoanalytische Zugänge zum Geschichtsbewusstsein. Erinnerung, Geschichte, Identität. 2. Auflage. Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1998. 456 S.
218. Sulner M. 2010. Deutschsprachige Literatur ist Beispiel für gelungene Integration. URL: <http://www.haz.de/Nachrichten/Kultur/Uebersicht/Deutschsprachige-Literatur-ist-Beispiel-fuer-gelungene-Integration>. (дата обращения: 7.9.2011).
219. Tantow Lutz: Zwischen Kreuzberg und Kalkutta. Über die „Dritte Welt im eigenen Land“ und die Versuche, sie literarisch zu gestalten // Die Brücke. 1987. 3, 40. S. 32 – 36.
220. Tawada Y. Wo Europa anfängt // Saalfeld L. (Hg.). Ich habe eine fremde Sprache gewählt. Ausländische Schriftsteller schreiben deutsch. Gerlingen, 1998. S. 183 – 206.
221. Taufiq S. Unsere Erwartungen an die deutschen Kulturträger // FORUM. Zeitschrift für Ausländerfragen und – kultur, Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1986. 98 S.
222. Teufel A., Schmitz W. Wahrheit und „subversives Gedächtnis“. Die Geschchte(n) von Vladimir Vertlib // Vertlib V. Spiegel im fremden Wort: Die Erfindung des Lebens als Literatur. Dresden : Thelem, 2008, S. 201 – 253.
223. Terkessidis M. Integration - Assimilation – Interkultur. Berlin : Suhrkamp Verlag GmbH, 2012. 20 S.
224. Thore P. Wer bist du hier in dieser stadt, in diesem land, in dieser neuen welt. Uppsala : Univ., 2004. 174 S.

225. Thim-Mabrey Ch. Sprachidentität – Identität durch Sprache. Ein Problemaufriss // Janich, Thim-Mabrey (Hg.). Sprachidentität – Identität durch Sprache. Tübingen Beiträge zur Linguistik. Tübingen, 2003. S. 1 – 19.
226. Tichomirova L. Literatur der russischen Emigrant/innen // C. Chiellino, Carmine (Hg.). Interkulturelle Literatur in Deutschland. Stuttgart; Weimar : Verlag J.B. Metzler, 2000. S. 166 –176.
227. Uffelman D. Paradoxe der jüngsten nichtslavischen Literatur zwischen Migranten // S. Ulbrecht, H. Ulbrechtova (Hg.). Die Ost-West_Problematik in den europäischen Kulturen und Literaturen. Ausgewählte Aspekte. Praha ; Dresden : Slovansky ustav, Neisse Verlag, 2009. S. 601 – 632.
228. Ulbrecht S., Ulbrechtova H. (Hg.) Die Ost-West Problematik in den europäischen Kulturen und Literaturen. Ausgewählte Aspekte. Praha ; Dresden : Slovansky ustav, Neisse Verlag, 2009. 156 S.
229. Waldenfels B. Grundmotive einer Phänomenologie des Fremden. Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 2006. 134 S.
230. Wanner A.: Out of Russia. Fictions of a New Translingual Diaspora. Evanston. (I.) : Northwestern University Press, 2011. 250 p.
231. Weidermann Volker. 23.05.2015 URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-135105176.html> (дата обращения: 19.10.2018).
232. Weinrich H. Deutschland - ein türkisches Märchen. Zu Hause in der Fremde: Gastarbeiterliteratur // Hage V. (Hg.). Deutsche Literatur. Ein Jahresüberblick. Stuttgart, 1983. S. 230 – 237.
233. Welsch W. Identität im Übergang. Stuttgart: Ästhetisches Denken, 1990. S. 168 – 200.
234. Welsch W. Transkulturalität – Lebensformen nach der Auflösung der Kulturen // Information Philosophie. 1992. 20. S. 5 – 20.
235. Werbner P., Tariq Mo. Debating Cultural Hybridity. Multicultural Identities and the Politics of Anti-Racism. L.; New Jersey : Zed Books (Postcolonial Encounters), 1997. 320 p.

236. Wierlacher A. Mit fremden Augen oder: Fremdheit als Ferment. Überlegungen zur Begründung einer interkulturellen Hermeneutik deutscher Literatur // Das fremde und das Eigene Prolegomena zu einer interkulturellen Germanistik. Gesellschaft für Interkulturelle Germanistik. Bayreuth : Iudicium Verlag, 1994. S. 3 – 28.
237. Wierlacher A. Interkulturalität. Zur Konzeptualisierung eines Rahmenbegriffs interkultureller Kommunikation aus der Sicht Interkultureller Germanistik // Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache. 2000. 26. S. 263-287.
238. Wierlacher Alois. Interkulturalität // Handbuch interkulturelle Germanistik / Hg. von Alois Wierlacher, A. Bogner. Stuttgart-Weimar : Metzler, 2003. S. 257 – 264.
239. Wierschke A. Schreiben als Selbstbehauptung. Kulturkonflikt und Identität in den Werken von Aysel Özakin, Alev Tekinay und Emine Sevgi Özdamar. Frankfurt a. M. : Verlag für Interkulturelle Kommunikation, 1996. 291 S.
240. Willms W. Interkulturelle Familienkonstellationen aus literatur- und sozialwissenschaftlicher Perspektive. Zusammenfassund und Diskussion // Holdenried M., Willms W. (Hg.) Die interkulturelle Familie Literatur-und Sozialwissenschaftliche Perspektive. Bielefeld : Transcript, 2012. S.121 – 141.
241. Winkler-Pöhler B. Kulturelles Wirken in einem anderen Land. XXV. Kulturpolitisches Kolloquium der Evangelischen Akademie. Loccum, 1987. 145 S.
242. Winzer F.: Emigranten. Geschichte der Emigration in Europa. Frankfurt a. M.; Berlin u.a. : Ullstein- Sachbuch Verlag, 1986. 186 S.
243. Yano H.: Migrationsgeschichte // C. Chiellino. Interkulturelle Literatur in Deutschland. Stuttgart; Weimar : Verlag J.B. Metzler, 2000. S. 1 –15.
244. Zielke A. Frauenfiguren in den Erzählungen türkischer Autorinnen. Identität und Handlungs(spiel)räume. Frankfurt a. M. : Pfaffenweiler, 1996. 132 S.

2. Художественная литература

1. Гоголь, Н. В. Невский проспект. М. : Речь, 2014. 112 с.
2. Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М. : Текст, 2016. 432 с.
3. Stanišić S. Wie der Soldat das Grammophon repariert. Luchterhand Literaturverlag, 2006. 320 S.

3. Словари и энциклопедии

1. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. и др. Словарь по межкультурной коммуникации. Понятия и персоналии. М. : ФЛИНТА ; Наука, 2010. 136 с.
2. Кудашов В.И. Глобалистика : энциклопедический словарь. М., 2003.
URL: <http://global.krsk/publown/dialog.doc> (дата обращения: 15.05.2019)
3. Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины: энциклопедический справочник (науч. ред. и сост.). 2-е изд. Ильин И.П., Цурганова Е.А. М. : Интрада, 1999. 320 с.
4. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. М. : Аграф, 2001. 384 с.
5. Усманова А. Р. Культурные исследования // Постмодернизм : энциклопедия. Минск, 2000. С. 394-400.

4. Список литературных источников

1. Bronsky A. Scherbenpark. Köln : Kiepenheuer & Witsch, 2008. 288 S.
2. Bronsky Aa. Die schärfsten Gerichte der tatarischen Küche, Köln : Kiepenheuer & Witsch, 2010. 320 S.
3. Bronsky A. Spiegelkind. Jugendbuch. Würzburg : Arena Verlag, 2012. 304 S.
4. Bronsky A. Spiegelriss. Jugendbuch. Würzburg : Arena Verlag, 2013a. 264 S.

5. Bronsky A. Nenn mich einfach Superheld. Köln : Kiepenheuer & Witsch, 2013b. 240 S.
6. Bronsky Alina. Baba Dunjas letzte Liebe. Köln : Kiepenheuer & Witsch, 2015. 160 S.
7. Bronsky A. Wilk D. Die Abschaffung der Mutter. München : DVA, 2016. 256 S.
8. Gorelik L. Meine weißen Nächte. München : Graf, 2004. 272 S.
9. Gorelik L. Hochzeit in Jerusalem. München : SchirmerGraf, 2007. 256 S.
10. Gorelik L. Verliebt in Sankt Petersburg. Meine russische Reise. München : SchirmerGraf, 2008. 176 S.
11. Gorelik L. Lieber Mischa ... Du bist ein Jude. München : Graf, 2011. 192 S.
12. Gorelik L. Sie können aber gut Deutsch! München : Pantheon Verlag, 2012. 240 S.
13. Gorelik L. Die Listensammlerin. Berlin : Rowohlt, 2013. 352 S.
14. Gorelik L. Null bis Unendlich. Berlin : Rowohlt, 2015. 304 S.
15. Gorelik L. Mehr Schwarz als Lila. Berlin : Rowohlt, 2017. 256 S.
16. Grjaznowa O. Der Russe ist einer, der Birken liebt. München: Hanser ; dtv, 2012. 288 S.
17. Grjaznowa O. Die juristische Unschärfe einer Ehe. München : Hanser, 2014. 272 S.
18. Grjaznowa O. Gott ist nicht schüchtern. Berlin : Aufbau, 2017. 309 S.
19. Hummel E. Die Fische von Berlin, Göttingen : Steidl, 2005. 224 S.
20. Hummel E. Die Venus im Fenster, Göttingen : Steidl, 2009. 224 S.
21. Hummel E. In guten Händen, in einem schönen Land. Göttingen : Steidl, 2013. 336 S.
22. Kaminer W. Russendisko. München : Goldmann, 2000. 192 S.
23. Kaminer W. Schönhauser Allee. München : Goldmann, 2001a. 100 S.
24. Kaminer W. Frische Goldjungs. München : Goldmann, 2001b. 192 S.
25. Kaminer W. Militärmusik. München : Goldmann, 2001c. 240 S.

26. Kaminer W. Die Reise nach Trulala. München : Goldmann, 2002. 192 S.
27. Kaminer W. Mein deutsches Dschungelbuch. München : Goldmann, 2003. 256 S.
28. Kaminer W. Ich mache mir Sorgen, Mama. München : Goldmann, 2004. 256 S.
29. Kaminer W. Karaoke. München : Goldmann, 2005. 192 S.
30. Kaminer W. Küche totalitär. Das Kochbuch des Sozialismus. München : Goldmann, 2007. 224 S.
31. Kaminer W. Salve Papa! München : Goldmann, 2008. 224 S.
32. Kaminer W. Meine russischen Nachbarn. München : Goldmann, 2009. 226 S.
33. Kaminer W. Meine kaukasische Schwiegermutter. München : Goldmann, 2010. 224 S.
34. Kaminer W. Liebesgrüße aus Deutschland. München : Goldmann, 2011. 288 S.
35. Kaminer W. Onkel Wanja kommt. Eine Reise durch die Nacht. München : Goldmann, 2012. 192 S.
36. Kaminer W. Diesseits von Eden. Neues aus dem Garten. München : Goldmann, 2013. 256 S.
37. Kaminer W. Coole Eltern leben länger. München : Manhattan, 2014. 304 S.
38. Kaminer W. Das Leben ist (k)eine Kunst. München : Manhattan, 2015. 256 S.
39. Kaminer W. Goodbye, Moskau. Betrachtungen über Russland. München : Goldmann, 2017. 224 S.
40. Martynova O. Sogar Papageien überleben uns. Graz; Wien : Droschl, 2010. 208 S.
41. Martynova O. Mörikes Schlüsselbein. Graz : Droschl, 2013. 320 S.
42. Martynova Olga. Der Engelherd. Frankfurt a. M. : S. Fischer Verlag, 2016. 368 S.

43. Petrowskaja K. Die Auserwählten. Ein Sommer im Ferienlager von Orlionok. Bildreportage von Anita Back mit einem Essay von Katja Petrowskaja und einem Vorwort von Joachim Jäger. Berlin : Braus, 2012. 180 S.
44. Petrowskaja Katja. Vielleicht Esther. Berlin : Suhrkamp, 2014. 285 S.
45. Vertlib W. Zwischenstationen. Wien : Deuticke, 1999. 292 S.
46. Vertlib W. Das besondere Gedächtnis der Rosa Masur. München : dtv Verlagsgesellschaft, 2001. 432 S.
47. Vertlib W. Letzter Wunsch. München : dtv Verlagsgesellschaft, 2003. 400 S.
48. Vertlib W. Mein erster Mörder. Lebensgeschichten. Wien : Deuticke, 2006. 256 S.
49. Vertlib Wladimir. Am Morgen des zwölften Tages. Wien : Deuticke, 2009. 560 S.
50. Vertlib Wladimir. Schimons Schweigen. Roman. Wien : Deuticke, 2012a. 272 S.
51. Vertlib Wladimir. Ich und die Eingeborenen. Essays und Aufsätze. Dresden : Thelem, 2012b. 344 S.
52. Vertlib W. Lucia Binar und die russische Seele. Wien : Thelem, 2015. 320 S.